

ЮЛИЯ
РУДЬНИНА

КАШЕЕВА
НАУКА

КАШЕЕВА
НАУКА
ПОСОВЕТАМИ

Annotation

В сказочной школе, что расположилась в зачарованном лесу, темные дела творятся. Стали пропадать наставники. И ладно Елена Прекрасная и Варвара Краса — на них испокон веков злодеи охотятся. Но кому мог понадобиться Кашей Бессмертный? И главное — зачем? Выяснить это выпало на долю лучшей ученицы Кащея — Аленушки, которой на шею еще и Ивана-дурака повесили, едва не вылетевшего из школы за разгильдяйство. Та еще компания...

Как быть? Только идти своей дорогой навстречу сказке и неземной любви.

- [Юлия Рудышина](#)

- [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
-

Юлия Рудышина
КАЩЕЕВА НАУКА

Пролог

Кривая ель, разросшаяся на краю поляны, протяжно заскрипела, застонала, словно бы это и не дерево было, а дух лесной, жаждущий вырваться из панциря изъеденной временем трухлявой коры. Змеящиеся среди высокой травы корни взметнулись, хлестнув по земле плетьюми, в яму посыпались песок и мелкое каменное крошево, и тут же заискрились и засверкали на зеленых еловых ветках нити паутины, которая казалась сотканной из серебра.

Щелчок — словно удар кнута, — и поросшая белой шерстью лапа двоедушника толкает меня в сторону от проклятого дерева, готового утащить в царство Нави. Вроде как на Ту Сторону и надобно — но не в одиночестве, одна пропаду ведь.

Разочарованно вздыхает ель, поскрипывая мшистым стволом, лапы ее темно-зеленые машут прощально, словно не хочет дерево, чтобы я уходила. И запах ползет по чаще — смолы и янтаря, хвои старой, перегнившей. Грибница белеет у старого пня, словно капли крови — брусника в зеленых мхах. И легкая кислинка несется по ветру, примешиваясь к тяжелому смолистому духу.

— Аленушка, свет очей моих, и когда же ты под ноги смотреть будешь? — угрожающе-ласково спрашивает мой спаситель, и заросшая шерстью морда, от которой не осталось в этот миг ничего человеческого, склоняется надо мной, загораживая солнечный свет.

Рога длинные, чуть закручивающиеся, и когти сверкают стальными ножами... Ничего, сейчас немного успокоится Иван мой, вновь станет похож на прежнего царевича. Белокожий да глазастый, с кудрями золотыми, хорош он был когда-то — да с лица воды не пить, я и тепереча готова замуж за него пойти, ежели позовет, пусть даже изгонят его из теремов царских да лишат титула. Не в кафтан небось влюбилась, не в пояс, золотом расшитый, так что проживу как-то простой девкой и дальше.

...С некоторых пор поумнел Иванушка, навязанный мне в провожатые наставницей по светлому чародейству Василисой Премудрой. Назвать его сейчас дурачком, как в прежние времена, у меня и язык бы не повернулся.

Правда, мудрость пришла после того, как подцепил он черное проклятие и стал превращаться в чудо-юдо — мохнатое и рогатое чудище с острыми волчьими клыками.

Ничего, расколдуем, утешала я себя, главное сейчас — ведьму

отыскать, которая подскажет, что делать дальше да как задание Василисино выполнить, — сказывала нам наставница, что живет ее старшая сестрица, Бабой Ягой прозванная, среди темного заколдованного леса, в избушке на курьих ножках, в самом Приграничье, за которым река Смородина течет.

Старуха она вредная, но справедливая, в помощи не откажет. Говорили даже, на тот год должна Яга к нам в школу явиться, чтобы ведовству да зельеварению обучать, премудрости свои передавать.

— Аль кажется мне, аль удачу свою ты Ванечке подарила? — послышался тоненький голосок из сумки холщовой, и тут же высунулась оттуда растрепанная тряпичная голова. Кукла Василисы Премудрой, которую наставница нам вручила, никогда смолчать не могла, и вот сейчас глазенки-бусинки уставились на меня осуждающе, с упреком.

А я в чем виновна? В том, что Навь ко мне тянется, что деревья оживают, пытаюсь на Ту Сторону утянуть? Или что Ивана не смогла уберечь?..

— Ежели и подарила, все одно она с нами одной тропой идет. — Я все еще тяжело дышала, с опаской поглядывая на ель, чьи ветви угрожающе шевелились, словно бы возмечтали снова до меня добраться. Хорошо, что деревья ходить не умеют... или научились уже?.. В этой проклятой чаще погибельной что угодно могло случиться.

Увидев, что проклятое дерево сдвинулось с места и направилось в нашу сторону, я с визгом вскочила с травы и едва не запрыгнула на свое чудище, прежде бывшее Иваном-царевичем — дураком-то это в школе нашей его окрестили за то, что не больно умен и удачлив оказался. А вон как оно обернулось — на его стороне теперь и удача, и сила.

— Вот окаянный лес! — Иван меня подхватил, сумку на ходу застегивая, чтобы кукла наша нечаянно не выпала, и ее протестующие крики заглушили щелчки ветвей, когда елка едва не схватила меня за косу — а коса у меня знатная, длиннющая, хоть тонкая больно. Я ее вокруг Ивановой шеи обкрутила, лицо на груди широкой пряча, — и только свист в ушах раздался, когда помчалось мое чудище прочь от скачущего по поляне дерева.

Прижалась, вцепившись в плечи его широкие, а у самой голова от духа звериного кружится, кострами дальними пахнет, окалиной железной, дымами прогорклыми, листьями осенними... И вдыхаю я горечь эту, и насладиться не могу, а под ладонями моими сердце чудища бьется-дрожит, будто вот-вот прорвет клетку ребер, да и выскочит.

Хоть и не дородная я девица, а все же скакать по лесу с ношей в руках да поклажей за плечами не слишком легко. Еще и кукла вредничает,

возится в сумке, верещит что-то, грозитя бросить нас посреди чащобы — сами, мол, будете искать Ягу, коли еще раз запрете в темноте да тесноте...

— Ну, кажись, оторвались... — остановился Иван, бережно меня на землю опуская.

Я глаза открыла — вокруг уже дубы столетние шелестят резными листьями, сквозь них медовый свет кружевом дивным льется, стрелами янтарными в траву вонзается, куда и делась гиблая чаща с ельником проклятым. И как мы вообще туда забрели?..

Кукла!.. Она, проклятущая!..

— Объяснишь? — Я тесемки развязала, чтобы подарёнка наставницы смогла голову свою на белый свет высунуть. — Ты к какому нас лешему вывела?

— Кто вам виноват, что вы клубочек потерять сподобились? — проворчала та, калачиком на дне сворачиваясь. — Мне за то ответ нести? Я сказала на север идти — а уж какой тропкой, о том не ведала! С меня каков спрос?

— Оставь ты ее, — махнул лапой Иван. — Ей бы только позубоскалить, и чего Василиса наша так ее любит?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю — проводницу нам выдали на диво характерную да дурную, — вздохнула я, косу свою с его шеи убирая.

Но тут же вспомнилось, как куколка меня выручила в самом первом хождении на Ту Сторону, когда только приехала я из своей глуши в Зачарованный лес, чтобы науку чародейскую постигать. И стыдно стало за слова свои злые, чую — щеки запылали. Завсегда я легко краснела.

А Иван на миг задержал мою руку у лица своего, потянул носом, принюхиваясь, — ох уж эти оборотнические замашки! Он теперь мир иначе чувствует да понимает, повадился то волосы мои обнюхивать, то руки... еще сожрет, окаянный.

С виноватым видом царевич ладонь мою отпустил, а мне так жалко его стало, что не удержалась и по рогам его погладила — не печалься, мол, как-нибудь да справимся с бедой.

Шутки то все, не сожрет уж, коли до сих пор не пытался. Радовало, что, не глядя на новый облик жуткий, все ж человеком Ванечка остался, таким, как и был, — ласковым, добрым. Он ведь единственный, кто со мной, сиротой безродной, дружбу водить начал, все шарахались, особенно как известно стало, чьего я роду-племени да как родители мои сгинули.

Темная история, страшная — утянули омутники батюшку, а матушка сама вслед за ним ушла. Говорили в деревне, что клятву он нарушил — обещался меня водяному царю в жены отдать, да не смог того сделать, как

срок подошел. Свою душу сгубил, а меня спас... Да вот только теперь мне к проточной воде и близко подходить нельзя — водяной так просто от своего не отступает.

Думала, в школе этой волшебной научусь, как спасти себя да отвадить навеки жениха проклятого, а вон оно как вышло, идем которую седмицу по лесам-полям, ведьму лесную ищем, чтобы путь она нам в Навь указала. Мертвое царство запретно живым-то, а кому еще проводить нас туда, коли не стражу подземного мира, что живет на границе между Явью и Навью?

— Айда дальше, — Иван головой мотнул в сторону пригорка, где деревья редко росли, — сдается мне, почитай дошли уж, болотом пахнет, гнилью, хоть и в светлой роще мы. Знать по всему, там нехорошее место, а нам и надо — в нехорошее...

— И почто только я согласилась с вами, упырями, в путь отправляться, — слышался приглушенный шепот куколки, но сама она так из сумки и не показалась, видать, боится, как бы под ближайший куст не выбросили.

Пройдя мимо старых дубов, вскоре вышли мы к осиннику — проклятые деревья, гиблое место. Туман из оврагов полз дымчатыми змеями, стлался он над землей, усыпанной палой листвой, пружинила она под ногами. Вскоре небольшое озерцо показалось, а за ним сруб старый, от времени почерневший, мхом крыша поросла, забор вокруг него из палок да кольев, а на них — черепа конские да коровьи скалятся, словно приветствуют усталых путников.

Неужто пришли?..

Не успели положенные слова сказать, как Василиса учила, мол, избушка, избушка, повернись к лесу задом, к нам передом, как закрипела она, приподнялась, и видно стало, что сруб-то на огромной куриной лапе стоит.

Покачалась избушка, покряхтела по-стариковски, да и повернулась к нам — а в двери распахнутой бабка лохматая застыла. Глядит на нас зелеными глазами светящимися, а мы на нее — длинный нос крючком, нога костяная из-под лохмотьев виднеется, бородавки на сморщенном, как печеное яблоке, лице. Жуть лесная скалится, стоит-ухмыляется.

— Накорми-напой, спать уложи, во всем подможи, прошли мы дорогу долгую, к твоему порогу добрались по велению сестрицы твоей младшей — Василисы Премудрой, что наставницей служит в школе сказочной, расположенной в лесу Зачарованном. Уважь просьбу нашу, в долгу не останемся! — поклонилась я до земли, косой по траве мазнув. А у самой сердце колотится от страха — как нас Яга примет? Исполнит ли просьбу?

Али прочь прогонит с проклятиями?..

Иван — вот дурак! — рядом стоит, зыркает на старуху, даже кивнуть не удосужился. Я его за лапу дернула — тогда и он поклонился. Замашки то боярские виновны — не привык он спину перед кем-то гнуть, не пристало, мол, сыну царскому земные поклоны бить. И перед кем? Перед лихом лесным!

— Ну, заходите, коль пришли... — проскрежетала Яга, внимания не обратив на промашку царевича. — А с чем явились да зачем — это уж опосля разберемся... Расскажите, что привело вас ко мне, а я уж потом подумаю — смогу ль сподмочь вам али нет.

Вот и пришлось все с самого начала вспоминать да пересказывать.

Но сказка долго сказывается, а у нас с Ягой вся вечность впереди — на границе с Навью время замирает, останавливается колесо его, некуда спешить, не о чем плакать.

Заварила она чайку нам с листьями земляники да хвоей сосновой, добавила туда трав пахучих, ягод сушеных, пироги на стол выставила, да и приготовилась слушать про злосчастья, свалившиеся на школу Василисину.

Но начала я издалека — с того еще времени, как жила в своей деревушке да травничеством занималась, а про науку чародейскую и не думала — не гадала.

Глава 1

Солнце янтарными рассветными стрелами разорвало серый полог, что навис над рекой и ближними лугами, и я невольно прикрыла ладонью лицо — фиалково-синие ночи, дрожащие россыпями звезд в мареве туманного морока, всегда нравились мне больше, чем жаркие степные дни. Да и вообще хотелось мне жить среди тенистых густых лесов, там и трава не выгорает, и ягод много... Но, как говорят, где родился — там и пригодился, и не выбираем мы, под какими небесами появиться на свет да где жизнь прожить.

Вот и я не выбирала — и осьмнадцать годков тому родилась у старого мельника и его молодой жены дочь Аленушка. Только вот этим беду привлекла к роду своему — отец мой сгинул в омуте, когда мне еще и пятка годов не было, говорили, русалки баловали в те дни, а он зачем-то к берегу спустился, а матушка... матушка его ненадолго пережила. Сказывали, так она его любила, до одури, что отправилась на речное дно, чтобы к людям вернуть. Но разве ж человек сможет водяного царя и дочек его обхитрить? Не сможет...

Вот такая, как я, может, и справилась бы.

Сила во мне живет волшебная, но природа ее мне неведома, знахарка местная слаба слишком, не видно ей, что за огонек в груди моей трепещет — алый ли, как закат над степью, или синий, как звезды зимние?

Свет или тьма?

А может, и вовсе навья зелень бедовая в душе горит?.. Неведомо то.

И пока что мне, сироте, только и остается, что местной травнице помогать да мечтать, что однажды родители из подводного царства проклятого к людям возвернутся.

Вот и в тот день, когда лето на излом пошло, я всю ночь копала корешки одного ночного цветка, прозванного жароцветом, от простуды да судорог могущего помочь. Тонкие, как ворсинки, да хрупкие больно корешки те были, намаялась я, спину ломило, и все кости сводило к утру — немудрено, ползать пришлось по земле с заката до рассвета. Но зато за корешки эти, вернее, за настойку из них селяне нам с Дариной-травницей зерна дадут и репы, молока да мяса. Пока все поля засевают да скотину пасут, мы травами и зельями занимаемся — каждый при своем деле.

Как управилась, домой пошла, корзинку крепко ухватив, спать хотелось страсть как. Я уже к ограде подошла, что вокруг селения змеєю

вилась, туда, где старые дубы росли, в которых деды, предки наши, прибежище после смерти нашли. Хорошее дерево, светлое, и души в нем живут те, что правью славны были, темным духам места здесь нет... темные в Нави проклятой обретаются.

Оглянулась я на миг, ощутив на себе липкий взгляд чей-то, позади — роща березовая шелестит, зеленым кружевом полощет на ветру. И не видать, кто там идет среди деревьев...

Я от калитки отошла, вернулась на дорогу, что к лесу вела, — мало ли кто следом увязался, еще приведу злыдней каких с собою, селяне тогда не пощадят. Гляжу, а то не духи пакостливые — идет по тропке дочка старосты, чернокошая остроглазая Анисья. Лучше бы и правда злыдни привязались — не любит меня Анисья, ревнует больно с тех самых пор, как на прошлый солнцеворот жених ее, Збышек, пытался меня в чащу сманить. Молва про то по всей деревне пошла, но никто парню ни единого упрека не сказал.

Меня обвинили.

Ведьма, мол, она, совсем, как матушка ейная, околдовала хлопца, погань такая, и все дела — такой приговор был от селян.

А то, что он меня едва не насильничал, ежели б не леший с лесавками, которые Збышека отогнали да запугали, то все ничего. Мне никто не поверил, а его жалели.

И вот я от ворот решила к роще вернуться. Пусть Анисья пройдет, я уж потом — а то снова прицепится со своими проклятиями. Могла бы, прибила бы она меня, глаза ее так и горят от ярости, когда меня видит.

Думала, пройдет дочка Старостина — нет, за мной направилась. Не идет — плывет, косу теребит, а руки грубые, загорелые, да и лицо от солнца потемнело. Все девки в селе смуглые, солнце их любит — одна я уродилась неженкой, с кожей светлой да тонкой. И за что мне это?

Уйти не получилось — дочка старосты, как репей, следом увязалась. Идет, не отстаёт.

— Ты, девка, не глупи, должна понять-не нужна ты тут, — Анисья говорила негромко, но злобно — шипела змеею. Брови свела, руки на пышной груди сложила, губы мясистые поджала — высокая она, статная, кожа золотистая на солнце подпеклась, но не сгорела до красных пятен, как у меня бывает.

Меня вот наше солнышко совсем не любит — ежели не спрячешься в тени, так пожалеешь потом: то веснушками осыплет, то кожа слезет, да и чувство, что кипятком окатили, не проходит. А то и жжется, словно в крапиву влезла... Однажды так и вовсе до волдырей сгорела.

Я молча продолжала по лугу идти, мимо рощицы, опасливо в сторону реки поглядывая — разливалась она к этому времени, а мне с детства батюшка заказывал к текучей воде подходить, мол, самому водяному царю была я когда-то обещана, да спаслась. Но навий проклятуций о том не забыл — не привыкла нечисть свое отпускать. И хоть с лихвой за меня уплачено, когда отец с матерью сгинули, а все ж не стоит баловать да о проклятии давнем забывать.

Береженого и духи светлые берегут.

— Аниска, ты бы о себе больше думала, а меня не тронь! — ответила я, пытаясь спокойной оставаться. Ежели раскричусь да гневаться начну — хуже будет, опять слава дурная пойдет, мол, дочка мельника беснуется, видать, нечистый в нее вселился. Мало ли что наплетет Анисья поселянам? Слыхала я, что и топят таких, как я, и жгут в кострах — огнем да водою проверяют. Ежели утонет и не всплывет, ежели не загорится, то, знать, не была колдовкой черной. А я-то почему знаю, пойду ко дну иль нет? Вспыхну иль тлеть начну, как головешка на ветру?

Сгубят меня здесь. Может, права Аниска и уходить мне надобно?

Но куда? Кому я, горемычная, сдалась?

Горько было, обидно, что соседи так меня не любят, но винить их я не могла. Боятся они. И силы моей странной, и того, что матушка неизвестного роду-племени, приبلуда, как ее тут звали. А пуще всего боялись деревенские, что осерчает однажды водяной, да и всех на дно утянет. За то, что меня не отдали...

Вот и гонят меня.

Раньше открыто о том не говорили, а как заневестилась — так пошло-поехало. Видать, за парней боялись после того случая со Збышеком — думали, заколдую, дальше платить людскими жизнями да кровью жениху своему проклятому буду, вместо отца уже своего, мельника. Дело его заглохло, как он пропал, к заросшему ряской и тиной колесу никто не подходит, жернова трещинами пошли — люди решили, что ездить в соседнюю деревню безопасней, чем оживить черную мельницу, как в народе отцовскую называли. Анчутки там оселились да злыдни, черти водяные. Даже я туда не захоживаю, живу в старом доме на окраине села, сруб отец еще ставил — не хотела матушка жить на мельнице, говорила всегда, что не к добру это. Но и то, что ушли от реки подальше, все одно не спасло ее с отцом.

Понять бы — живы ли еще, можно ли помочь им?.. Надежда зыбкая, как туман поутру над озерами, а все ж есть она, греет душу.

Я вздрогнула, когда Старостина дочка снова вопить начала, а я,

задумавшись, уже и забыла о ней.

— Ты мне угрожать не думай! — кричала она. — У меня амулет от твоего глаза имеется! — Анисья обережный знак сотворила, потом кукиш скрутила и мне показала. — Уезжай отседова, пока в речку тебя не сбросили, жениху твоему на потеху!

Сказала, как плюнула, косу черную на грудь перекинула и пошла себе к воротам.

А я к березе одинокой прислонилась, чувствуя, что ноги не держат. Не любят меня здесь, и жалеть обо мне никто не станет, если и сгину.

Вдали плеск послышался — видать, нечисть речная балует. Страшно стало, будто полоса трав луговых и не отделяет меня от воды. Ветер зелень всколыхнул, волны по ней пошли, и сладкий запах медуницы и руты удушливо плеснулся в лицо. Я чуяла — прям в огне оно, горит от стыда.

Хотя почему стыдиться я должна?

В чем виновата?

Насмешки вот сносить силы нет, но злость нельзя в себе растить — почернеет коли сердце, сила моя тоже тьмой обернется, грань между нею и светом слишком тонка, и шага может хватить, чтобы мраку подарить свою душу. Потому я лишь глаза прикрыла, дыхание унять пытаюсь, в ствол березы вцепилась, словно хотела, чтобы силой своей светлой дерево со мной поделилось. И тут же хлынула она в мое тело пенной волной, остудила кровь, успокоила, и уже в венах моих янтарь и мед плескались, сердце ласкали-радовали. Отступил морок. Отступила тьма.

Люблю я березовые рощи — счастье они и покой дарят, кручину прогоняют, тьму рассеивают. Вот в осиннике или ельнике беда мне, деревья чувят силу мою дивную, а так как прокляты они в давние времена, приют даровав навьям, то и исходит от них тьма бедовая, высасывают они, словно упыри, всю радость из меня, мысли горькие появляются.

Как на силу свою управу найти?

Как понять, что во мне — свет или тьма?

Как оковы проклятия сбросить, чтобы не бояться к реке подходить да на мостки ступать?

Кто подскажет, да кто научит?

...Как стало мне легче дышать, тогда убрала я ладони от березы, а она зашумела листвой, погладила кудрявыми ветвями меня по плечу, будто успокаивая, словно матушка, которую я плохо помнила, совсем глуздырем же была.

Помнила нежные ладони ее, пахли они молоком и квасом, хлебом и ягодами лесными, пирогами и травами, мятой и клевером.

Глаза ее помнила — золотистые, словно хмелем наполненные, светом солнечным. У меня глаза темнее — цвета сосновой коры после дождя, цвета старого янтаря, поля пшеничного на закате. Матушка красивая была, да только слабая больно — руки — веточки, шея лебединая, костью тонка да узка, я вот в нее пошла, такая же хилая.

Ежели бы не духи лесные, со Збышеком никак не смогла бы управиться. Погубил бы...

А вот и он идет — у меня и сердце захолонуло, как увидела хлопца. Высокий, статный, кудри черные вьются до плеч, глаза синие, яркие, лучистые. Незабудковые. Да вот злые и насмешливые.

До сих пор от стыда сгораю, стоит вспомнить, как хватал он меня да в ельник проклятый тащил.

Я глаза опустила, дрожь унять пытаюсь. К счастью, мимо он прошел — только сплюнул в мою сторону, словно бы сглаза боялся.

Иди мимо, иди... Боюсь я себя, Збышек, обидел ты меня, и не могу я с этой обидой справиться. Не приведи свет, погубишь себя, ежели снова на меня глядеть станешь — силу свою не знаю, измерить ее не могу, вдруг да привлеку несчастье на твою бедовую голову?

А там и до костра недалеко — со всем селом управиться не смогу.

— Айда домой... — слышался тихий голос в высокой траве. Старичок, с две ладони моих, стоит да зыркает зелеными глазищами, борода седая паутинкой на ветру полощет, а в руках туесок с ягодами.

— Айда, дедушко Кузьма... — Я домовому улыбнулась и вслед за ним по тропинке пошла, мимо дубов с чурами, мимо оградки с черепами.

Домой... Но избу свою покосившуюся домом я давно назвать не могла.

Права дочка старосты, уезжать мне надобно.

Осталось решить — куда.

Яблоневый сад пенным прибоем спускался по зеленеющему холму, пряча среди бархатных лепестков почерневший от времени сруб — под покатой крышей, поросшей мхом, тоскливо глядели на мир окошки старого дома. Клеть небольшая, крыша двускатная, бедненько мы жили, но бревна добротные были, сосновые, крыльцо высокое, резное, на пригорочке построил старый мельник избу, да вот только пожить в ней недолго ему довелось.

За ворота я зашла и нахмурилась, глядя, что трава во дворе уже до колен дотягивается, только тропка узкая к крыльцу ведет, а вроде ж недавно рвала лебеду да бурьян, и когда все позарастать успело?

Из травы у забора махровые мальвы торчали — огненно-алые, темно-

синие и ярко-розовые, словно закат над рекой, казались они из камушков дивных вырезанными. Любила я эти цветы — на высоком пушистом стебле, с широкими темно-зелеными листьями, с густыми соцветиями в виде колокольчиков, они были неприхотливы, росли где придется и даже в засуху не вяли.

Я пока в дом зашла по скрипучим ступенькам, домовый пропал уже — видать, самовар ставить побег, с устатку-то трав заварить хорошо бы, а потом корешки разложить у окошка на солнышке, да и поспать немного. Глаза болели, словно песка под веки кто насыпал. Я потеряла их, пытаюсь прогнать сонливость, а только хуже стало — пёком запекло. И то — почитай два дня не спала, травка та дивная всего несколько денечков цветет, не успеешь в такие дни корешками жароцвета запастись, уже потеряют они силу целебную.

— Уезжать тебе, хозяйка, надоть, — на печи показался домовый. — Не дело это, терпеть гадости от энтих... татей окаянных.

Добрый он был у меня, но характерный, баловать любил, а все ж меру знал во многом. Вот и сейчас — видел, что затравили, помочь хотел. А я-то к нему всегда по-человечески относилась — помнила, что кисель ягодный он уважает, ночами не шумела никогда, от забот старика не отвлекала. А работы много было у него — за порядком в доме следить, чтобы мыши не озоровали, чтобы тепло да уютно в избе было, сироте тяжело вести хозяйство самой-то. Похулиганить Кузьма любил иногда, да безобидный был все же — вещи передвинет, ставнями постучит и снова за дело принимается.

— Куда я поеду-то? — Я устало на лавку опустилась, чувствуя, что камень тяжелый на сердце опускается, дышать стало тяжело, говорить ни о чем не хотелось. — Некуда мне уезжать, нигде не ждут...

Гляжу, а мордочка домового, который только что был похож на отца моего — любил он облик старого хозяина принимать, — поплыла, словно бы на свежие краски воды плеснули, и на печке уж сидит седой старичок с лицом волосатым, веник к себе прижал, глазищи стали зеленые, как огоньки болотные, что путников в трясину манят.

— Я знаю, куда тебе уходить! — Жена его, кикимора, из-за печки вылезла. Она была строга да сварлива, что домовый ни сделает, ей все не по нраву — то кастрюли перевернет, то грязи нанесет на лаптях, а все ж любил ее муж, все спускал. И вот стоит Глашка наша, зыркает на меня, руки в боки, юбка колоколом, волосы зеленые торчком. — Слыхивала я про то, что на севере, в глухом лесу одном, таких, как ты, Аленка, волшбе да чародейству учат. Всех берут, в ком силы есть — а светлая иль темная, без

разницы, так гряд.

Я только скривилась — слыхала и я как-то от одного заезжего купца про то, что в Зачарованном лесу волшебников да ведьм учат, вот только сказывал он еще о том, что злотых немало нужно заплатить за то, чтобы приняли тебя. Да и привечают там боярских отпрысков — мол, в них только кровь чародеев великих и осталась нонче. А такие, как я, деревенские, зачастую несолоно хлебавши возвращаются.

— Куда мне, безродной...

— А туда! — перебила меня Глашка, суховатой ручонкой пыль с лавки смахнув. — У меня там сестры на болоте обретаются, они нам и помогут, коли сами не справимся. Все расскажут да подскажут. Хватит сидеть сиднем, ты вона как для людей стараешься, врачуешь, травы собираешь, а благодарность их какова? Насмешки да страх? Плюнь ты на это все, Аленка, да собирайся в дорогу. Купцы скоро будут ехать обозом, на дорогу нам злотых хватит — из отцовского запаса возьмем.

А домовик мой согласно кивал да бороду свою поглаживал, греясь на утреннем солнышке, что лилось янтарем с синих небес.

— Не дури, Аленка, — мурчал, будто кошка, Кузьма, — бросай ты эту избу, все едино счастья в ней не будет... Бросай да айда искать счастье в большом мире.

Я лишь вздохнула тяжело, залезла на печку да от всех забот и тревог отгородилась цветастой занавеской. Но слова домовика с кикиморой из головы не выходили, и хоть устала я страшно, а долго еще ворочалась с боку на бок, не могла заснуть, все грезил науками чародейскими.

Глава 2

Недолго я противилась уговорам Кузьмы с Глашкой — и после того, как соседка бросилась с кулаками, мол, из-за меня, ведьмы проклятой, ее корова без молока осталась, да еще и подворье едва не сгорело, поняла, что все же прав домовик с женкой — уходить мне надобно. Куда угодно — в школу ль эту волшебную или просто в чащу, чтоб жить на отшибе ото всех, но нести ответ за чужие беды-злосчастия боле не хотелось. Своих хватает — сидят вон у печи, скалятся, глазенками сверкают, словно камушками гранатовыми...

У соседки-то муж еще того лета злыдней за спиной приволок, я ей про то сказывала, а что не поверила она — не моя забота.

Моя — отвадить от пути моего мерзкие сгустки теней, пока они не стали такими же прожорливыми, как соседкины. Откуда взялись, с чем в избу принесла — неведомо. Глянула я в темный угол — словно ветошь нестираная, словно полусгнившее тряпье там лежит да пылью покрывается. Кто несведущ в чарах, кто не может за грань явьего мира глянуть, тот нипочем не догадался бы, что это вредные пакостливые духи, кои во многих хатах живут. Подумал бы, что помстилось.

А чтобы избавиться от злыдня, всего-то и нужно, что котомку вторую приготовить, чтоб обмануть горе-злосчастие — заберется оно в узелок, а ты, уходя, его у порога и бросишь. Главное, чтоб в доме не жил опосля никто — обозленные духи опасны, изголодаются они в своей котомке-то, и как развяжет кто ее, поглядеть, что там прежние хозяева забыли, — тут и прыгнут нечистые за спину, всю жизнь с шеи не слезут, будут грызть, окаянные, изводить бормотанием своим, кровь выпьют до капли, бледная немочь останется вместо человека.

Я как уйду, дом в одночасье сгинет, вместе со всеми его злыднями да проклятиями — кому изба ведьмовская нужна? Кто осмелится порог переступить? Слава за мной нехорошая...

Не одна я такая, много ведьмарок по лесам прячутся, только вот не легче от того. Не хочется прожить всю жизнь возле заболоченных озер, в местах столь погибельных, что никто не решится беспокоить... Не хочется состариться раньше времени, не сумев с силой управиться.

Но ежели с наукой этой чародейской в Зачарованном лесу не сложится, то придется искать себе землянку, посреди леса дикого невесть кем вырытую как раз для такой горемыки, как я.

Часто ведающие от людей уходили, не первая я буду. Боятся чаровниц да ведьмаков, травниц да ведуний, силы их непонятной боятся, чар их, кои бесовскими да чернобожьими кличут.

И одно дело, коль точно о себе знахарка аль ведунья могла сказать — светлая я, зла не чиню, навьими тропами не хожу, за грань не гляжу, а другое — такие, как я, на изломе миров и времен ходящие, скользящие по грани тонкой, что, как лед по весне, треснуть может, и тогда бездна черная спеленает, поглотит навеки... Ведь неясно, где я нахожусь и как уравновесить тьму и свет в душе моей.

Однажды прикоснулась я к тому мороку — на миг единый, но навеки запомнила, как страшно было, как холодно. Казалось мне тогда, будто и кости вымерзли, и кровь заledenела, сердце каменным стало, не билось.

К счастью, мать тогда меня вытянула, отогрела, спасла. Только вот вскорости она исчезла, а я сиротой осталась. И думалось мне иногда — лучше бы она меня с собой забрала.

Ведь что я могу сказать о себе?

Что не знаю, какая сила во мне живет?

Что в любой миг тьма плеснется из меня в мир Яви?

Или Навь проклятая уведет могильной тропой?

...Ларь мой легкий был — пара рубах и понев, поясок и шубейка заячья, платки, шкатулка с украшениями, от матушки доставшаяся, травы да ягоды сушеные — вот и весь мой скарб. Было б зимой дело — на салазках бы увезла. А вот в серпень жаркий пришлось ждать да подгадывать, чтоб с купцами через степь отправиться. Ехать до границы с северным княжеством всего-то пару дней, а там уж леса начинаются, еще седмица пути — и таежные, глухие места будут.

Вот там аккурат школа волшебная и расположилась — так Глашка, кикимора, сказывала. Она тоже пожитки свои собрала да и заявила мне, что с мужем они в пустой избе не останутся — мол, все одно выгонят их, ежели новый хозяин придет. А не придет, убоявшись ведьминского проклятия и злыдней, так и того тоскливей — что за радость в брошенных ходить, паутину вязать да пыль трусить?

На все мои уговоры, что впереди неизвестность одна, что могут они по селению новых хозяев поискать — изб-то немало ставится, — таков ответ звучал: «Пропадешь без нас все одно, Бесталанная!»

Да и Кузьма грозно глазами вращал да обещался всю деревню взбаламутить да шутками злыми извести, коль не соглашусь по-хорошему.

Вот так и вышло, что на сундучке моем примостились лохматый домовой да растрепанная кикимора в старой шушке да платочке, подвязанном

под подбородком так, что концы его ушками медвежьими торчали над ушами. Хорошо хоть, согласились от глаз людских спрятаться, а то и вовсе потеха была бы людям — едет ведьма прочь, свиту свою нечистую с собой везет... Золота моего аккурат на дорогу к северным лесам хватило — что делать после, ежели не примут меня в обучение, я и думать боялась.

Разве что в землянке среди чащи жить, за буреломом, на елани дикой, с лешаками да лесавками дружбу водить. Представила такую картину, едва не расхохоталась — гиблый ельник шумит-скрипит посреди болот, ягоды во мху алеют, трава выше пояса... и я со своим сундучком. И духами домовыми, осолопевшими от того, как жить тепереча придется. И леший, в свитке, надетой навыворот, глядит сурово из-под кустистых бровей своих — ты, мол, девка, чего притащилась в мои владения?..

Отчего-то мысли эти меня развеселили, и я не без ехидства на лежащую в траве котомку поглядела, ту, в которой злыдни сидели, вот уж не повезет тому, кто на хату мою польстится.

Как обоз в путь собирался, всем селом вышли люди на меня поглядеть — кто злобно хмурился, кто с облегчением зыркал, мол, скатертью дорожка, а кто и не скрывал радости.

Вот как дочка Старостина — стоит возле дубов-хранителей, в коре которых белеют вколоченные челюсти кабаньи да рога турьи, косу толстую на грудь перекинула, зубы скалит, а в глазах бесенята. Поглядывает она на своего Збышека, а тот голову опустил, в стороне, в тени, встал и старается не смотреть в мою сторону.

Неужто совесть пробудилась?

Я едва смешок сдержала — чтоб у характерного да стыд вдруг появился? Да не бывать такому. В платок свой плотнее закуталась, устраиваясь на телеге поудобнее, чтоб сено не кололо сквозь лен рубахи, вдруг гляжу — сорвался с места Збышек, идет широким шагом ко мне, а невеста его ведьмой на меня глядит, удавила бы, коли б ее воля. Я и застыла — а тут и остальные селяне стали высматривать, и так им любопытственно было поглазеть на мой отъезд, а тут еще хлопец этот мчится попрощаться.

Стыдоба какая...

Я-то зла на него не держала уже, хоть и побаивалась.

И вот он подскочил к телеге, подтянулся на руках да и перемахнул через край, рядом со мной на какой-то мешок уселся, затараторил что-то хриплым голосом — простыл будто.

Я сначала ни слова разобрать не могла, лишь гул в ушах стоял да перед глазами мошки черные замельтешили, а потом словно враз обессилела. У меня случилось такое от волнения, бывало, что и упасть могла, ноги когда

отказывали, но в последние годы научилась справляться с этим всем. Главное было — вовремя силу свою позвать, приплывала она тогда невидимым облачком и, словно туман речной, оседала на лице и плечах, и запах осенний будоражил — прелой листвы, костров и дыма, дерева прогоревшего. Травы перегнившей. Заводи болотистой. Ила озерного.

Вот и сейчас пришлось резко выдохнуть и ждать, пока развеется все, пока снова прояснится в голове.

— Ты не серчай на меня, ясноокая, — меж тем шептал Збышек, словно и не ощущал, как вливается в него черным злым взглядом Старостина дочка. — Не серчай, не знаю я, что нашло на меня тогда, нравилась мне ты, да вот хоть и бедна, и беззащитна ты, а ходила павой по селу. Как княжна иль вовсе царица... Обозлился я. Морок то был... Перед тем как уедешь навек, подари мне свое прощение! Мучаюсь я...

Я едва не расхохоталась, услышав его слова. Куда и слабость моя пропала — схлынула волной, ушла прочь, а во мне кровь вскипела, к лицу прилила. Чую — горят щеки, полыхают маками яркими.

Морок, знать! Нравилась, знать!

И как удержалась, чтоб не сбросить Збышека с мешка, не знаю... Испугался он, в том все дело — вот что я поняла в тот миг.

Потому и прибежал просить прощения. Побоялся, что метка моя ведьмачья на нем останется, ежели злиться буду и дальше.

А я вдруг поняла — не злюсь.

Вот ни капельки не злюсь.

Смех мой стих, чувствую, лицо как льдом сковало.

— Иди своей дорогой, Збышек, — тихо ответила, пытаясь гнев свой обуздать, чтоб беды не было хлопцу. — Иди. Не серчаю.

И выдохнула тяжело, словно горло мне перехватило чем-то — не то удавкой, не то лапой мохнатой. Гнев то, видать, не хотел слова эти в мир явий выпускать. Хотел он, проклятый, увести тропой гиблой. Хотел человека погубить.

— Иди! — прикрикнула на хлопца, едва сдерживаясь, чтоб не броситься на него да не исцарапать.

Збышек кивнул торопливо и спрыгнул с телеги, а мимо невесты пробежал, словно за ним сто чертей мчалось.

Может, так и было — гнев-то мой метнулся следом... Но бессилен был он, словно легкий туман над рекой поутру, рассеется, не беда. Ничего не останется.

Уеду отсюда — и забудут меня.

И я про все забуду.

Я отвернулась, чтобы больше не видеть никого — не с кем было простаться. Даже Дарина-травница не подошла проводить, вчера потай ото всех в избу явилась, платок пуховый принесла в подарок, жалела меня, все про матушку вспоминала — подруги они были, вместе к проклятой речке той ходили, когда исчезла родительница моя.

А вот при всех побоялась Дарина мне счастливого пути пожелать. Обидно было, но понимала я — ей тут еще жить, среди этих людей, которые меня с рождения невзлюбили.

Телеги тронулись, и я закрыла глаза — радость на лицах селян невыносимо было видеть.

Всегда я была здесь чужая. Никому не была нужна.

Нечего и жалеть о прошлой жизни.

Впереди у меня сто дорог, сто путей — выбирай любую.

В дороге тяжело пришлось — сено кололось, мешки, что под ним лежали, казались камнями набитыми, то и дело что-то впивалось мне в ногу, кусалось и жгло. Но выбирать не приходилось, и добираться до границы с северным лесом, в котором, как сказывали, и начиналась тропа к волшебной школе, нужно было с обозом. Пеша не одну седмицу пришлось бы идти, а с ларем моим — хоть и не особо тяжел он — вдвойне тяжче довелось бы. А так — сиди себе, по сторонам гляди да помалкивай.

Ежели б тело не ломило — вообще красота была бы. Кто говорит, что ездить легче, чем идти, ох как не прав! Ноги затекают, спина ноет, размяться бы, пройтись...

Телеги скрипели, тряслись по ухабистой дороге, но хорошо хоть, сухо было. Коли б дожди зарядили, из деревни моей и вовсе бы не выбраться, никто не проедет обозом, разве что верховой. А где мне коня взять? Вот и приходилось радоваться, что купцы на ярмарку в столицу ехали мимо селения нашего.

Злых, что были у меня, аккурат на дорогу и хватало — что делать, ежели не примут меня в эту самую школу для чаровников, я и думать боялась.

О дурном думать — примета плохая. Привлечь можно беду — накаркать, как говорят, обижая птицу вещую. Но она не только зло дарит, ведающие люди знают. Но иногда на крыльях своих угольных вороньё приносит несчастье — птицы эти могут летать над рекой Смородиной, которая течет по Приграничным землям, отгораживая Навь, царство мертвых, от Яви, нашего мира. И вот ежели морок какой прицепится к крылам черным — так и окажется среди людей опосля. А еще слышала я от Дарины-травницы, что сам царь мертвых, Кащей Бессмертный, может

вороном оборачиваться — кружит птахом в ненастные дни, ищет себе весеннюю невесту, чтобы человеческим теплом согреться, ведь льдом оковано сердце его, мерзнет проклятый навий всегда. Правда, девицы те сами блазнями становятся — кто ж выдюжит справиться с холодом мертвого мира?

Вот и приходилось мне ословело да сонно по сторонам таращиться, пытаюсь все плохое да гадкое из головы выбросить, чтобы не привлечь к себе. А оно не выбрасывалось — уже и про Кашея, и про смерть думается. Нехорошо.

И продолжала я видеть в каждой птице колдуна с Той Стороны — несмотря на южное степное солнышко, несмотря на травяной дух, что витал над прогретой землей, несмотря на ягодные россыпи, что виднелись на прогалинах... Заросли колючей ежевики стеной отгораживали редколесье, что появилось ко второму дню на обочине дороги. Только что степь да степь колосилась ковыльным маревом, седыми морями расстилаясь у бортов телеги, а уже и небольшие светлые рощи виднеются, дубравы золотисто-зеленые. Стражей застыли тонкие деревья с малахитовой кроной, янтарные лучи скользят по их стволам медовыми потоками, и белая пена лютиков стелется... Сладко. Солнечно.

Но маятно на душе, печально.

И ничего не могу я с этой печалью сделать.

Все мне кажется, что беды-злосчастия за обозом увязались, выбравшись из той котомки, у избы старой выброшенной, и бегут сейчас гурьбой у края телеги, вот-вот запрыгнут сейчас в нее, в подол мой вцепятся когтистыми лапками, нипочем потом от них не избавиться.

У главного караванщика, что купцов наших сопровождает, глаза раскосые, хитрющие. Злые. Так и сверкает ими, так и хмурит брови, когда в мою сторону поглядывает. Я в солому зарыться от этих взоров хочу, да некуда, мешки эти треклятые мешают. А он как обернется, так и солнце словно гаснет в тот миг. Тут же вспоминается, как Збышек под рубаху лез, все видится небо, что едва не раскололось на части. Мерзко становится, противно.

Ему, мужичку этому, наш Ермолай, который еще отца моего знал, что-то шепчет то и дело, да резко говорит, отрывисто. А тот на меня снова косится. Неужто речь и правда обо мне?

— Не бойсь. — Домовой появился на борту телеги, но, судя по тому, что на то никто из купцов и бровью не повел, только мне показался Кузьма.

— Не видишь, что ль, как глядит-то? — прошептала я, спиной к караванщику повернувшись, чтоб не заметил он, как губы мои шевелятся.

Еще надумает, что я наговоры плету али сглазить кого хочу, — беды потом не оберешься. Камень на шею — да в ближайший омут, аккурат в руки водяного.

— Не тронет. А коли тронет, я ему самолично роги поотшибаю... — важно заявил Кузьма, и на миг в глазах его сверкнул злой огонек. — Я давно жду, об кого кулаки почесать-то, а то засиделся я у твоей печи, Аленушка...

Мне поспокойнее стало, но к вечеру снова тревога вернулась — когда привал объявили да пришлось к общему костру идти, чтобы не обидеть отказом от ушицы да краюхи хлеба. День длинный был, утомились все, у огня тишина царит, пока едят все — уже опосля время побасенок придет да протчих сказок. Я свою похлебку быстро доела, а миску сполоснула в ближнем ручье, куда с Ермолаем на пару сходили.

Он мне по дороге и гутарил:

— Ты, девка, ничего не бойсь, никто не обидит. А ежели попытается — ты сразу мне сказывай, я уж сумею приструнить наглеца... Батьку твоего знал, хороший мужик был, он рад был бы, что ты в Зачарованный лес подалась, сказывают, там великих чародеев учат, будешь, славница, процветать, жениха там найдешь себе из бояр — ты, главное, не прогадай!..

Я лишь улыбнулась, но веры словам его не было — особенно про то, что в обиду не даст.

Уж не знаю почему, но люди виделись мне слабыми да безвольными.

Когда к костру вернулись, караванщик тот злобный уже спал или вид делал.

Я с облегчением под свою телегу залезла, в платок пуховой укуталась, соломы подстелила — вполне сносное гнездышко вышло. К счастью, ночи еще теплые были, от степи мы недалеко отъехали, завтра к вечеру лишь к лесам доберемся — потому и не было надобности к костру поближе спать идти. А он высоко горел, искрами так и сыпал, освещал телеги с крытыми повозками, кои кругом поставили, чтоб легче охранять добро было. Треск прогоревших ветвей слышался в ночи, переклички часовых, крики совиные — чаща чернела вокруг, глазела на огонь зелеными звериными глазами, но никто оттуда выходить не решался.

Я и не заметила, как заснула — будто в единый миг плеснулась тьма, вышибив из-под ног землю, телега куда-то пропала, да и огонь исчез... Я вскочила — сон ли это?.. Вокруг кусты какие-то, ручей серебрится в лунном свете за тонкими стволами молодых сосенок. Никого. Я шаль на груди стянула, испуганно обернулась. Гляжу — стоит тот самый караванщик косой, что с меня глаз своих злых не сводил.

И улыбка на лице его дикая, жуткая... Кадык вверх-вниз ходит. И веко левое дергается.

Он ко мне шагнул, и будто кусок льда к плечу приложили — так холодны ладони были... а позади — плеск громкий.

И хохот русалочий.

— Неужто так и не поняла, куда дорога тебе? — пробасил мужик, а я забила в его руках, как в сетях рыбацких — крепка хватка, не вырваться.

Да человек ли он?

Кричать хочу — крик нейдет, как во сне бывает, когда ни звука издать, ни убежать, зато взлететь можно. Я и оттолкнулась от земли — резко, сильно, пяткой босой по земле ударив, вместе с караванщиком и взмыли. Но невысоко — до середины старой ивы, что разрослась на берегу ручья. Снова попыталась руки чужие стряхнуть с себя, но куда уж там — вцепился намертво.

Вниз глянула — а там уже три девки с зелеными волосами и перепончатыми руками, в рубахах белых, мокрых, срам не скрывающих... Тянутся ко мне, змеями шипят.

— От судьбы никуда не денешься... Тебе к нам путь-дорожка...

А глаза горят болотными огнями гибельными, и запах ила, гнилой тины, погоста стоит. Туман от воды тонкими змейками пополз ко мне, словно схватить пытается, я от него в сторону, он за мной. И караванщик как приклеенный висит — и не тяжелый он, и молчаливый какой-то стал, да и словно куль с одежей, а не человек.

— Тьфу, пропасть! И как пробрался-то? — слышалось из кустов. — Да и ты, Аленка, хороша... чего не сиделось под телегой-то?

На поляну выскочил Кузьма — растрепанный, злой. Глаза алым горят, волосы соломенные торчком, рубаха распоясана.

— По-мо-ги... — хотела крикнуть, но едва прохрипела, словно бы говорить разучилась. И вдруг со страхом поняла — не сон это.

На самом деле кружу я с нечистым духом по-над ручьем, а на берегу дочери водяного меня ждут — к нему утащить понадеялись.

Но как я так близко от ручья сама оказалась? Нельзя же в одиночку мне к проточной воде-то... Неужто во сне хожу?

С каких таких пор?

С визгом и криками русалки в воду попрыгали, подняв брызги, и хрустальными капельками осели те на траве и ивняке, а домовый мой с диким воем по берегу носился, отпугивая нечисть.

Тут и тот, кто караванщика облик принял, руки свои поганные от меня убрал наконец, и я вмиг на траву грохнулась — хорошо, невысоко мы

поднялись, падать не особо больно было. Пара синяков да ссадин — легко отделалась.

Но крик мой слышали часовые, да и шум у ручья не мог остаться незамеченным, а коли не смогла я объяснить, чего делаю в мокрой да грязной рубахе на бережку том клятом, то и отказались меня дальше с собой везти.

Разрешили до границы с северным княжеством доехать, даже золото все отдали — неуж проклятия испугались?

Не защитил отцовский знакомец, хоть и обещался, смотрел виновато, как пес побитый, но ни слова поперек главному караванщику не сказал, когда тот ярился да кричал на меня, мол, я на их обоз нечисть навела, им теперь через меня удачи не видать.

Кузьма потом мне сказывал, что слышал, как у костра байки в ту ночь травили — мол, ведьма я и с навьями у ивы той резвилась. Крыть нечем — по-над ручьем с черным духом летала? Летала. Русалки по траве следом носились? Носились. А уж кто их звал, то людей не больно касалось.

Главное — ведьму бы с воза, всем легче будет.

Так и осталась я к следующему вечеру на лесной тропе дикой со своим ларем да домовым с кикиморой. Купцы да охорона их, даже Ермолай наш деревенский старались и не глядеть на меня, с несчастным видом на сундук примостившуюся. Неужто боялись, что жалко девку станет да не смогут вот так бросить ее в чаще-то?

Бросили все ж.

Уехали...

Я их не винила — люди завсегда таких, как я, боялись.

Вот вещи жалко — не унести мне весь сундук-то, придется его бросать, рубаху сменную и платок пуховой, доху возьму, травы вот еще не забыть. Можно и в путь.

Втроем-то не страшно — а Кузьма с Глашкой в обиду меня не дадут. Так и доберемся налегке до школы этой волшебной — ежели еще придусь я там ко двору, а то мало ли...

Вдруг да правы дочки водяного — одна мне путь-дороженька, под корягу речную, в ил да трясину.

Глава 3

О царевичах до того дня, как с Иванушкой познакомилась, я только в сказках старых слыхала. Знала, конечно, что есть у нас в граде престольном да великом царь-батюшка, а у оного три сына, все красавцы как на подбор. Кто ж знал, что по приезде первый, с кем дружбу сведу, царев сын окажется?..

Как зашла я за заплот из тесаных бревен, так и ахнула. И что меня угораздило? Куда мне, девке деревенской, да в терема?.. Школа та волшебная, куда меня угораздило отправиться, оказалась хороминами расписными. Над горницей и подклетом высился терем с алыми и синими куполами, башенки-смотрильни по углам его ютились, а вокруг гульбища — балкончики с резными балясинами, огороженные перилами или решетками коваными. По решеткам хмель и дикая роза вьются — красиво, ярко.

А вокруг орехи растут, кедры вековые — тенисто вокруг хоромин, хорошо. Чуть в отдалении стоят еще терема, уже не на верхних ярусах, как эти громадины, а отдельно, и крыши у них темно-зеленого колеру, такого красивого, словно бы смарагдовым крошевом их усыпали.

А еще дальше — каменные палаты трехъярусные белеют, с круглыми башенками да балконами из крашенного в лазоревый колер дерева. При постройке хором, видать, плана никакого не блюли — зодчие красоту видели по-своему, для внешнего украшения они возвели двускатные кровли в простых клетях и избах, четырехскатные — в центральных теремах. Последние соединялись в вершине, образуя дивные шатры, — не думала, что такую красоту увижу когда, казалось мне, только у царя нашего такие срубы были. Даже на сених и крыльце здесь кровли отдельные ставили — так чудно, прежде такого мне видеть не приходилось.

Пока я так стояла, рот раззявив да котомку свою к груди прижав, меня толкнул кто-то, да так, что едва я не покатилась с пригорочка-то — уже в полете поймали меня да выровняли. А стояла я как раз под воротами — видать, мешала проходить.

— Чего застряла? — недовольный голос раздался совсем рядом.

Я оглянулась — в богатом камзоле, расшитом алой и серебристой тесьмой, подвязанным поясом с самоцветами, в сапогах красных, нарядный да напыщенный, что индюк с кормового двора, стоит паренек. Локоны что золото, глаза голубые-голубые, красавец, одним словом. Но не шибко,

кажись, умный.

Ну вот, местного боярина оскорбила, подумалось мне с тоскою.

— Звиняйте, я... вижу я плохо, — я сощурилась, словно и правда недобачила. — Вот и не поняла, куда идти.

Лучше быть слепой, чем дурной — так решила. Да и паренек больно красивый — правда, с ним рядом я себе крестьянкой показалась. Рубаха простая, лен не беленый, простой, вышивка лишь у ворота да по краю рукава — бережная, не для украшения. На груди — амулет из янтаря и трав степных, в волосах лента алая, на ногах — глянуть стыдно! — онучи деревенские. Сапог или черевьев отродясь у меня не бывало...

— Тогда ладно, коль слепенькая... — смилостивился боярин над убогонькой и указал на высокое резное крыльцо. — Гляди, во-о-он там вход! Там, сказывают, решают, кого брать в учебу, а кого и домой пинком гнать...

Хоромы располагались посреди огромного двора, и крыльцо переднее выдвинулось на его середину, между входом и воротами.

Сложно не заметить.

Но куда уж мне... слепенькой. И я прищурилась еще сильнее.

— Спасибо, — несмело пареньку улыбнулась и узелок свой поудобнее перехватила.

— А почему не выправишь глаза-то? — вдруг спросил боярин. — То ж проще простого, неужто так слаба в волшбе-то? Трав полно всяческих, любая травница бы подмогла...

— Слаба, ой слаба, а травница наша не схотела править... — пробормотала я, уже жалея, что придумала эту глупость со слепотой, чтобы оправдать свою невнимательность.

— Ежели примут тебя, я мигом вылечу! Меня Иваном кличут, царский сын я! Герой, да только опыта у меня маловато, вот и отправили сюда, подучиться волшбе да боевым искусствам. Как только обучусь чародейской науке, отправлюсь за Жар-птицей. В семье я младший, царем не стать, может, невесту найду с короною да хорошим королевством в придачу, ежели всех не разобрали... А не найду, так геройствовать буду! А ты кто такая?..

— Аленушка я, из дальней деревни. Ты и не слыхал небось про нее... Но пора нам, опосля погутарим... — Я косу резко за спину перекинула, взгляд отвела.

Чует мое сердце, не подружусь я тут ни с кем, коль народ такой гонористый да характерный собрался. Вот только царевича не хватало. Потому я лишь кивнула ему на прощание и постаралась поскорее скрыться

с пресветлых очей нового знакомого.

О том, что царевичи иногда дураками бывают, я еще не знала.

Пока к крыльцу шла, куда мне Иван указал, все волновалась — вдруг да прогонят меня, что тогда делать?..

Путь свой через лес я плохо помнила, как во сне брела узкой тропой, что вилась среди зарослей старого темного ельника. Обидно было, что бросили меня в пути торговцы — да только как я могла их винить? Испугались моей тьмы, того проклятия, которое меня и из села родного прогнало. А вдруг и тут учуют этот морок да решат — не нужна в волшебной школе та, что с нечистью повязана.

Ежели бы не Кузьма с женкой своей-так вовсе не добралась бы, они сон мой хранили, шутками-прибаутками путь скрашивали, дорогу кикимора у лешачихи спросила, та нас напрямиком, через бурелом да валежник провела, мимо болота топкого... Сама бы заплутала, вовек бы не выбралась, пути-дороги, что к школе заколдованной вели, перепутались-переплелись. Знающий мог лишь попасть к заборулу из толстенных бревен, к теремам расписным, что куполами алыми да зелеными возвышались над старыми соснами и раскидистыми яблонями.

Сад вокруг волшебной школы больно дивный был, я лишь его часть одним глазком увидала — трава малахитовым ковром расстилалась, клумбы с диковинными цветами, кои в моих краях никогда не встречались, виднелись, а вокруг них то статуи каменные стояли, то фонтаны мраморные, а то и кованые беседки, плющом да хмелем увитые. И аромат такой плывет сладкий над всем этим великолепием, дурманит он, навевает грезы волшебные.

Я все еще по сторонам озиралась, а крыльцо неумолимо приближалось. Балясины расписные, резные перила, натертые до блеска ступени и половицы... Страшно, а нужно идти туда, в неизвестность.

Я сталкивалась с насмешливыми да любопытными взглядами тех, кто возле лестницы стоял — девицы в ярких шелковых платьях заморских и белоснежных рубахах, вышитых лентами алыми, теребили накошники свои самоцветные, а в волосах их сверкали камушки на заушницах богатых, юноши в разноцветных кафтанах, в сапогах высоких, шапках с меховой опушкой улыбались да нетерпеливо на главный терем поглядывали, по всему видать, убогих да сирых тут не бывало. А если из простых кто приезжал в Зачарованный лес, так, видать, снаряжали всей деревней, чтоб не опозориться.

Меня вот снарядить было некому.

Опустив голову, поднялась по крыльцу, пытаюсь не думать о том, как

выгляжу — онучи поизносились, подол рубахи поистрепался, а платья шелкового али парчового у меня отродясь не бывало... Бусы из простых камушков гранатовых, в косе алая лента, хоть и шелковая, да простая, без узора. Ну и пусть глядят — я сюда не наряды показывать ехала. А ежели наставники здесь на них только и смотрят — так чему они меня научат?

Я за спасением пришла. Нужно мне научиться тьму свою обуздать.

Вздохнула глубоко и сделала шаг вперед — как в омут нырнула.

Через длинные темные сени шла я к узорчатым дверям — полукруглые, арочные, они были призывно распахнуты, а возле створок стояли бравые сторожа в золотых кафтанах да черных сапогах. Среди лета — шапки меховые, воротники стоячие, лица у ребят красные, но вид гордый, осанистый. Тяжко, видать, такую службу нести, но почитается это за честь.

На меня и не глянули, лица словно из камня вытесаны. Я постаралась как можно тише вести себя, боязно было дюже. Как примут? Кто меня сейчас встретит? Какие испытания пройти придется?.. Знала я уже, что доказать мне надобно будет силу свою, показать умения.

Сердце птахой испуганно колотится, вот-вот выпорхнет. Что ждет впереди?

Переход закончился, и я вошла в огромную полутемную комнату. Огляделась с любопытством...

Внутри хоромина обшита тесом, выструганным с особым тщанием, в вышине светлеют потолочные и стенные выскобленные брусья — высокие да расписные потолки в передней, парадной залой называемой. По стенам и потолкам птицы порхают как живые, цветы дивные вьются, краски яркие, сочные. Огромные арочные окна в сад выходят, и аромат яблонь, что уже доспевают, медовой сладостью оседает на губах.

Колонны из цельного малахита — резные, с каменным кружевом дивным поверху — зеленеют в сумраке, и отчего-то мне показалось в этот миг, что сидящая за широким столом женщина из тумана и дыма костров соткана, настолько в этой темени она была призрачна, невесома. Лицо строгое, узкое, с длинным носом и светлыми глазами — какого цвета, и не понять при эдаком освещении. В высоком кокошнике она, что украшен самоцветами — блестит, переливается, жаром полыхает.

И тут свет вспыхнул, будто разом сотни светляков влетели в окна. Сразу ярко стало, солнечно.

Женщина в кокошнике улыбнулась мне, и как-то легче дышать стало. Спокойнее. Дрожь еще не прошла, и сердце не перестало колотиться, но уже не кололо в горле хрустальное крошево. И поняла я, что смогу

говорить, если меня о чем-то спросят.

Но молчала красавица, лишь смотрела на меня светло-зелеными своими глазами хризолитовыми.

— День добрый, — поклонилась я в пояс, котомку свою к груди прижав. Убрать бы ее куда-то, чтоб не мешалась, да только не знала я, можно ли вещи свои тут оставлять. Да и не положено, наверное, с ними заходить, только негде мне было их пристроить.

На столе лежали перья, чернильница в виде поднявшейся на хвосте рыбки, пергаментные свитки, скрепленные красными шелковыми веревочками из скрученных меж собой нитей. Ничего лишнего, что могло бы отвлекать от дела.

— Проходи, Алена Ивановна, присаживайся... — послышался бархатистый голос, и ярко вспыхнули свечи, осветив лицо женщины. Накосник, украшенный жемчугом, золото волос, взгляд впрозелень, на кокошнике — смарагды и малахитовая крошка, выложенная дивным цветочным узором, платье из блестящего алого шелка... Хороша.

Но откуда ей мое имя известно?

Видать, сильная волшебница она.

Я на деревянных, негнущихся ногах подошла к столу, присела на лавку, чую — руки мелко дрожат, ладони и ступни холодеют, словно я над пропастью стою и гляжу вниз зачарованно, боясь сорваться. Жутко. Страшно. И манит эта неизвестность, и жаждешь ощутить ветер возле разгоряченного лица и чувство полета узнать, бездну под ногами ощутить.

— Благодарствую... — отозвалась я, косу теребя. Не знала, куда руки деть, куда смотреть положено, вдруг да рассердится волшебница от пристального взгляда — он у меня цепкий, недобрый, как в деревне говорили. Могла я прошлое увидеть, но не желаячи — само оно получалось. Бывает, засмотришься на кого-то и вдруг как в омут проваливаешься, затягивает трясина чужих воспоминаний. Кто ж любит, чтоб их потаенные мысли да наружу были? Никто.

— Не бойся, без моего на то позволения ничего не увидишь в моей душе, — мягко сказала волшебница. — Звать меня Василисой, прозвание — Премудрая, и дан мне дар видеть силы чародейские, что в людях дремлют. От моего слова будет зависеть, останешься ты у нас обучаться премудростям колдовским али домой отправишься...

— Нельзя мне домой! — выпалила я и рот ладонью прикрыла — надо же, перебила волшебницу. Уши и щеки вспыхнули — я всегда легко краснела, вот и сейчас, видать, кровь к лицу прилила. — Простите...

— Прощаю. — Василиса голову чуть склонила, внимательно меня

рассматривая. Что она видела? Детство мое сиротское?.. Видела ли, как я умею костры взглядом зажигать? Хотя разве ж дар то — проклятие одно. Как-то свечу хотела зажечь, едва отцовскую мельницу не спалила... Иль видела Василиса, что язык птиц и зверей я разумею?

Что поняла она обо мне в этот день?

Губы ее красные, словно брусника, кривились в усмешке, ноздри трепетали, будто пыталась она унюхать что-то, будто зверь лесной... А в глазах любопытство появилось.

— Готова ль ты к испытаниям? — тихо спросила она, поведя плечами, словно что-то мешало ей усидеть на месте. — Но помни — назад пути не будет. Ежели не сможешь ты выполнить мои задания, так навеки останешься за гранью, в Нави, на Той Стороне. Опасно это, но дам я тебе помощника в путь, куклу свою волшебную. Гоня ее звать — хитрая она да злобная, но с заданиями моими, коли ты с ней подружишься, сподможет управиться... Только для того на нее саму управу найти надобно!

И тут же свечи затрещали, огонь мертвенно-синим стал, и лицо Василисы обострилось, словно истаяло воском медовым, провалы глаз чернели над острыми скулами, губы тонкие стали, бледные. А руки вытянулись ко мне, и гляжу — когти длинные, звериные скребут столешницу, оставляя глубокие борозды...

И тут же из-под лавки выпрыгнула ящеркой куколка — размером как моя ладошка, не больше. Глазенки — агаты черные, прорезь рта кроваво-алая, тело из тряпицы льняной, в которую сена напихали. Юркая, жуткая, принялась она плясать лихо на столе. Она пляшет, а у меня сердце в такт ее топоту отзывается.

— Стой! — кричу, а сама пытаюсь ухватить куколку. — Стой, кому сказала!

И кажется, что так важно остановить эту пляску, кажется — все от этого зависит. А Гоня подпрыгнула, скакнула лягушкою, побежала, семена маленькими ножками, к окошkam на дальней стене. Там прялка стояла, узорами дивными украшенная, и возле нее висело длинное зеркало в оправе из серебра, куколка побежала к нему, захохотала пронзительно, показалось, что птицы это закричали ночные, и прыгнула в омут зеркальный. Делать нечего — я за ней. И испугаться не успела, как приземлилась на груду жухлых осенних листьев.

Слышу — хохот слева раздается, там в лунном свете сосны высятся, хорошо, подлеска нет, я подскочила да и бросилась в ту сторону. Бегу, а смех все дальше меня уводит, шишки под ноги попадают, ветки сухие, но легко бежать по мягкой земле, выстланной хвоей сухой, да и луна ярко так

светит, что все видать, каждый сучок, каждый пенек.

И вот догнала я куклу — ткань на ощупь оказалась как лед, обожгло меня холодом. И хоть заledenела рука, а держу крепко, чтобы не упустить. А куколка хохочет, и вокруг тени сгущаются.

— Поймать поймала! А удержишь ли? — и взвилась в воздух, а я за ней.

Страшно стало, выстыло все внутри, сердце оборвалось, словно в пропасть ухнуло. Я глаза зажмурила, из последних сил сцепив пальцы на кукле, и так сильно сжала руки, обхватив ее холодное тельце, что кажется, и захотела бы — не смогла бы отпустить поганку. Судорога по телу прошла, а я лишь крепче зажмурилась, казалось, стоит открыть глаза — и все, пропала. Тьма вокруг меня искрилась, сверкала самоцветными узорами, словно мастер дивный ее украсил, а тело мое все сильнее холодело.

— Опускайся! — крикнула я, вложив в этот крик всю свою силу — иногда удавалось мне заставить людей делать то, что хочу. Но для этого обычно разозлиться нужно было. А сейчас я прямо горела от ярости и страха, и гремучая смесь эта силу стократ могла усилить. — Опускайся, шишига болотная!

Куколка ойкнула, и камнем вниз мы рухнули — я не успела испугаться, как чую, стою на земле, словно бы и не свалились с небес мы с Гоней. Она рыбиной речной бьется у меня в руках, вырваться хочет. Шипит что-то, бормочет.

И вдруг вспомнила я, как матушка заворачивала-заговаривала омутниц, которые к колесу приплывали да пытались его остановить, чтобы муки у людей не было. Слова те вспыхивали перед моими глазами огненными узорами, колдовской вязью дивной, и мне оставалось лишь успевать читать их.

— Посреди леса — озеро с водой мертвой, водой проклятой, у озера — ручей с водой живой, хрустальной да святой. Как пойду я к озеру да не замочу подол, как умоюсь я той водой ключевой живой... так с тех пор будь подвластен мне мир ночной, и анчутки, и черти. И водяной... и вся Навь, что сокрыта водой второй, пусть откроется предо мной...

И тут же холод, что от куклы шел, исчез, а она заплакала, как дитя малое.

— Пусти меня... слышишь, пусти! Служить буду, только пусти...

И я поняла — больно ей сейчас, слова мои каленым железом обожгли. Отпустила. Стою, смотрю на нее, брови нахмутив, наверное, опять морщинка меж ними пролегла, мне еще травница Дарина, что воспитала

меня, говорила, что с детства у меня метка эта, что нельзя мне злиться да печалиться, некрасивая я становлюсь. Но не до красоты сейчас. Сейчас из лесу этого выбираться надобно. Как там Василиса сказала? — не выйдешь коли, навеки в Нави бродить-блуждать будешь, на Той Стороне реки Смородины.

— Скажи, Гонюшка, как нам отсюда выйти? — Я присела возле куклы, наклонила голову, коса светлой змеей по плечу скользнула да в высокой траве потерялась. Вспомнился мне так некстати накосник треугольный, что у Василисы я видала, тоже захотелось такое украшение примерить. Головой тряхнула, пытаюсь наваждение отогнать — не мои это мысли.

— Выведу. — Куколка мне в ладонь прыгнула, устраиваясь там поудобнее. — Но пока слушай внимательно, Аленка. Ни есть, ни пить в этом мире тебе нельзя, иначе навеки тут останешься. Это мир мертвых, Навь, и еда тоже им принадлежит, и вода здесь вся мертвая. Василиса сама же тебя назад отправит, коли не сдержишься — ей лишняя забота, поди, не нужна, и неупокоенную ловить потом в Яви дело нелегкое. Сохранишь душу — вернешься. А сейчас шагай вон в ту сторону... — Гоня ручонку вытянула, указывая путь. — Да шагай скорее, нельзя, чтоб солнце взошло...

И я поспешно вскочила и бросилась туда, куда куколка указала, да только едва-едва за ней успевала, так быстро бежала она по волглой темной земле.

— Почему я здесь? — Собственный шепот показался мне хриплым, словно карканье ворона или скрип сучьев старого дерева, которое вот-вот рассыплется в труху.

Ответа мне не было — куколка Василисы Премудрой спешила вперед, удивительно быстро семена маленькими ножками по тропинке.

Вокруг темнела чаща, трава у края тропы высилась мне почти до плеч — свернешь не туда, сойдешь с дорожки, что вьется змейкой среди дикоцветья, и поглотит тебя зеленое марево. В нем дрожат золотые монетки гусяного лука, синеют высокие колокольчики, в которых, по преданиям, ночует ветер, на редких полянах земля увита копытнем, и глазки трехцветных фиалок выглядывают из его густых зарослей. Вороний глаз, который еще медвежьими ягодами называли, уже плодами был усыпан, потому вдвойне было мне удивительно увидеть рядом с ним цветущий ландыш, который еще по весне отойти должен.

— Что за морок? — Я замерла, глядя на полянку. А там еще и поздняя ягода, брусника, алеет, созревшая, спелая, соками налитая — капля крови на зеленом шелке... Кустарник оплетает часть поляны, длинные побеги его

вьются по пням и корням деревьев, а из узорчатой паутины листьев кое-где лютики торчат, травянистой ветреницей в моей деревне прозванные за то, что лепесточки их нежные очень, при малейшем дуновении ветра в пляс пускаются, трепещут в такт порывам.

Но как они рядом с брусникой расти могут? Небывальщина это! Да и цветет ветреница очень рано, деревья в это время еще не успевают распустить листочки, а хитрый цветок греет лепестки на ярком весеннем солнце. Скоро лиственницы зазеленеют, тень дадут, а лютики не любят ее, оттого и побеги разбрасывают все дальше — в поисках полянок солнечных.

Когда ландыши цветут, ветреница уже засыпает, темно ей становится, ложится она на землю и желтеет потихоньку. К лету и следа не найти от лютиков по лесу. А тут — диво какое — в тени растет, да еще и не в свое время. Хотя как понять, какое время в этом лесу? Вот светелка лесная цветет, а ее пора — середина лета, похожа она на ландыш своими жемчужинками перламутровыми. А вот бессмертник, что ближе к осени желтым ковром поляны покрывает. К тому же и цветет он среди сосняка, на сухой земле, недаром песчаным называется, а здесь смешанный лес — и березы, и грабы, и дубы попадаются. Среди них ели темнеют разлапистые.

Диво дивное, что все так смешалось.

Пока я так стояла, ландыш осыпался, поползли побеги по траве, и ко мне они протянулись, но тоже трухой на землю легли, не добрались. Наверное, и хорошо — не хватало в зеленой сети травянистой запутаться, кто знает, что здесь за нрав у растений? Уволокут еще в какую нору али подземье, вовек не выберусь.

— А ты меньше глазей на диковинки, так, может, и вернешься в Явь. — Куколка обернулась, гневно глянув на меня. — Здесь все так — рядом с зимою лето ходит, шагнешь в сторону, еще и снег можно увидеть.

— Как я попала сюда? — повторила я свой вопрос, поспешив вслед за куколкой.

Она хмыкнула недовольно:

— Обычно хозяйка моя так волшебников проверяет, тех, кто возмечтал науку проходить под ее крылом. Ежели б не прыгнула ты за мной в зеркало, ежели б испугалась — в тот же миг вылетела бы из терема школы чародейской. И дорогу бы назад забыла. А ты смелая оказалась. Хотя по виду так и не скажешь — костями гремишь, бледная, хиленькая. Да только мы с хозяйкой знаем — сила — она не только в теле дородном да мышцах каменных, сила — она в сердце, в душе. Только внутренней своей силой не все могут управлять — вот как ты. Для того и создала Василиса недавно новую чудесинку при школе, для обучения светлому волшебству и

целительству — раньше-то таких, как ты, ворожей, особо не учили, ведьмы сами силу передавали, и самоучками были знахарки... но все то пустые балажки, коли примут в науку, сама все и узнаешь. Мое дело — тебя в хоромы вернуть Василисины. Может, и не определяют тебя к светлым? Кто знает?.. Ты навьей тропой пройдешь, покажешь себя, справишься с мороком, так и к Кашею можешь отправляться, у царя навьего сейчас недобор, а он и так в наставники идти едва согласился...

Я больше куклу не спрашивала ни о чем, да и не до того стало — идти все тяжелее было, то корни из земли взметывались, хлыстами били по тропе, норовили за ноги схватить, то паутина — толстая и крепкая, как скрученные меж собой шелковые нити, — не пускала вперед.

Но спутница моя все шептала что-то, видать, слова заговоренные. И падала кусками белесыми паутина, и, сворачиваясь, прятались под землю корни...

И снова брела я вслед за махонькой куколкой, боясь потерять ее из виду — что делать, если случится такое, боялась даже представить. Остаться в этой чаще, пронизанной страхом и трепетом перед беззвездной навьей ночью, жуть как не хотелось, да и дышать вскоре тяжело стало — казалось, воздух пропитан горечью полыни и аира.

Но даже если бы спросила я себя, откуда степная трава посреди дикой чащи, не было бы на то ответа.

Вскорости болотный дух смрадный понесся по ветру, показалось, ряска где-то рядом зацвела или лилии водяные. Вскоре к болоту и вышли — кочки торчали из грязной воды, белели мелкие цветы, названия которых я не знала, в мире людей такие и не растут. Похожи на звездочки, упавшие с небес, с алыми прожилками — будто кровавыми росчерками помечены их лепестки. Повернулись головки цветов ко мне, а внутри их — глаза. Жутко стало, моторошно, а цветы смотрят на меня и словно бы примечают все, запоминают...

— Это Навь сама на тебя глядит... — сказала куколка, остановившись перед болотом. — Но рядом со мной не бойся, не утащит. Но я есть хочу, Аленушка. Иначе не дойдем. Напой-накорми меня...

И без сил куколка опустилась на землю, а после застыла, словно бы была обычной, тряпичной, будто и не ходила только что и не разговаривала. Глазенки окаменели, отражая свет огромной круглой луны, нависшей над болотом, и все вокруг показалось мне залитым серебром.

Накормить? Но чем? И я застыла, будто бы все окаменело во мне. Пошевелилась, протянув руку к своей тряпичной спутнице, — и болью в суставах все отзывается, каждое движение стреляет, словно кто иголками

кожу колет изнутри. Но что-то делать нужно, нельзя сидеть сиднем, так оплетут меня травы, утянут в трясины — вот уже побеги змеятся какие-то, слизь на них, грязь болотная, мерзко так, противно. Кажется, черви навьи это прятались за камнями, осмелели, выползли... Во рту горечь появилась, слюна стала тягучая, липкая. Я сплюнула, а привкус этот пакостный остался. Словно я волчьих ягод объелась.

Еда... нужно куколку накормить. Или хотя бы напоить. Но чем? Не водой же из болота? Ягоды тут тоже мертвы. Не зря куколка говорила, что остаться навеки в мире мертвых можно, если съешь что-то.

Но что здесь есть из мира людей?

И вздрогнула я, когда поняла — я здесь. Моя плоть и кровь здесь. И принадлежу я пока что миру Яви...

Кудреватая лилия, саранкой еще ее зовут, потянулась ко мне, зашевелились ее лепестки, будто бы крылья дивного мотылька. Цветок, что застоя воды не любит, — и на болоте... Вот уж диковинный мир. Заскользили вокруг тени, заплясали в хороводе диком, словно черти, анчутки проклятые, а я, не отрываясь, на куколку смотрела — все решиться не могла.

Но вот будто толкнуло меня что-то, и я поспешно к поясу прикоснулась — тканый он был, добротный, с медными пряжками, наверное, он меня и сберег в этих блужданиях, ведь сказывают, от нечистой силы хранит он, недаром в купальную ночь, за цветком охотясь да при гаданиях снимают его — ведь помощь темных сил нужна тогда человеку.

А при моей светлой ворожбе без пояса никак... На нем калита висела, в которой я хранила самое дорогое, что у меня было, — и игла, батюшкой еще сделанная, там была. Достав ее, я какое-то время с дрожью на нее глядела, но, когда шапочки саранки метнулись ко мне, целясь тычинками в лицо, вскрикнув, кольнула себя в указательный палец и бросилась к куколке.

Приложив ранку к разрезу ее рта, я придавила палец, чтобы тонкая рубиновая струйка попала в разрез тканевый. И тут же моя спутница вскочила — я от испуга едва не отпрыгнула, — схватила меня маленькими ладошками за палец и надоедливый комариком присосалась к крови. Больно не было — лишь чуть-чуть неприятно, и я стойчески перенесла эти мгновения.

Вскоре куколка насытилась — личико ее выглядело жутковато, испачканное алыми росчерками, — и оторвалась от моего пальца, а я уже хотела было сорвать подорожник, что так удачно оказался перед глазами, но тут куколка вскрикнула:

— Не смей! Кровь свою не смей тут оставлять — иначе Навь тебя запомнит, вовек потом оглядываться будешь, как ночь на землю станет спускаться! За спиной мары стоять будут, и затхлый запах могильный изо рта твоего будет идти... проклята будешь мертвяками, проклята!

И так глазами завращала, что я от испуга палец в рот засунула, пытаюсь слюной кровь затворить.

— Айда уже отсюда, Бесталанная ты... — Куколка с земли поднялась, передник свой отряхнула от травинок и болото оглядела. — Нам иного пути нет, придется тут перебираться...

— А ты бывала здесь? Небось часто выводишь людей из Нави? — Я тоже поднялась, калиту завязала, поясок поправила, лапти свои оглядела — хоть бы выдержали они переход через болото.

— Ты первая будешь, — буркнула она, не оглядываясь. — Еще никого хозяйка моя не пыталась Навью проверить. Что в тебе такого особенного? Обычная девка, и силы в тебе мало... Но что-то узрела в тебе Василиса, коль приготовила такие испытания. И достойно должна ты пройти их — а я уже помогу.

Голубика и клюква виднелись в зелени мхов, пушица и аир росли, морошка янтарными брызгами усыпала землю, но тут же и деревья огромные. Смешалось все в царстве Нави, непонятно было, где топь, а где торф поверху... Кочки, травой поросшие да ягодами, тут и там торчали, горбились, словно багники болотные, кои путников заманивают в трясины... Гнилушки светились мертвенно-синим светом, и блуждающие огоньки зависли в тумане, подмигивают, вьются дивными узорами в сумраке навьем — не один путник сгинул, отправившись за ними в надежде, что выведут. Мерцают они, то исчезают, то снова появляются. Из-за того, что на уровне руки человека огоньки эти появляются, у нас их свечками покойника называли.

Я болот не особо опасалась, хоть и пользовались они издревле славой дурной, нечистое все ж место — люди в трясине часто топнут, и смерть плохая, медленная да жуткая. Я к топям ходила ради растущих там грибов и ягод, трав лечебных, главное, приметы знать, подмечать все, уметь распознавать опасные места. Меня еще матушка учила по болоту ходить, хоть и мелкая была.

То и дело болотницы из-за рогозы выглядывали — волосы ветошью полощет на ветру, глаза огоньками проклятыми светятся, руки, словно кривые ветки сухие, тянутся ко мне, чувят живого человека навьи темные. У нас болотный дедко жил в трясине, прежде, сказывали, ему даже девушек отдавали — раз в семь годков жребий бросался среди незамужних девок.

Но давно то было, в сказках только и осталось, но старухи говорили, что болотницы — это и есть те самые девчата, кои смерть не приняли, остались духами навьими бродить.

Видала я как-то царя болотного, но он быстро в тумане истаял, а так ничего особо страшного — сидел старичок-карлик с одним глазом, длинной бородой и кнутом в левой руке, дом у него под корягой, тиной да ряской опутан... Улитки да рыба чешуя на бороде багника, водоросли бурые. Жуткий он.

И я шла по торфу, то и дело по сторонам оглядываясь — навьего багника встретить еще страшнее будет. Пни шевелились в сумраке, и болотная грязь противно чавкала под лаптями. Слышны были кряканье уток, бульканье тетерева, выпь кричала за зарослями ивняка молодого — видать, то болотник пытался обморочить, он стонал и хохотал, и огни бледно-синие все ближе и ближе мерцали.

А еще из тины пробивались побеги — словно стрелы золотые — цветов дивных, и пока добрались мы до них, распустились перламутровые лепестки и аромат манящий понесся по ветру. Тут же багульник показался, пробив болотное оконце, и ярко-розовые цветы разогнали своим колдовским светом ночь.

Знала я, что под корягами да тиной болотной мир дивный спрятан — не гляди, что грязь да няша илистая пузырится, что сам болотник страшен как черт, но в покоях его музыка чудесная звучит, угощает повелитель мари гостей своих вкусами разными, подарками одаривает, да вот только опосля дары те в козы кизяки али ветки сухие превращаются, да и придя в себя, понимает путник, что не было никаких светелок али теремов — в болоте сидел, комаров кормил.

Поежилась, увидев тень под кустом, что цвел пышно, — ежели в Яви такое творит багник, то что про Ту Сторону говорить? Здесь силы его в сто крат сильнее — ведь, как говорится, было бы болото, а черти будут. А еще в таких вот топях заложные покойники бродят — нет им места ни на земле, ни на небе...

Путь, на который толкнула Василиса, будущая моя наставница, казался бесконечным — хорошо хоть, проводница была рядом, тряпичная куколка Гоня в нарядном шелковом платье — подол, правда, уже запылится, пообтрепался, но, кажется, это ее не заботило.

И как меня, ту, которая еще недавно жила вдали от всяких чудес и сказок, угораздило во все это ввязаться? Собирала себе травы, людей лечила, сидела бы себе на отцовской мельнице и дальше. Нет, понесло меня в Зачарованный лес волшебю обучаться. Примет меня Василиса Премудрая

иль нет — то еще вилами по воде писано, а вот по Нави проклятой уже столько брожу — конца-края не видать. Испытания, видите ли... К лешему бы это все послать, да уже не получится — не оставаться же в проклятых болотах до конца веков?

Но тут же дернулась я — не мои то мысли, ой не мои, опять тьма пытается завладеть думками!

А бездна под болотной зеленью дышит тяжело, стонет, ждет души людские, жадно раскрывается оконцами с черной стоячей водой, на которой метелки вереска розовеют, пузыри вздуваются и смрадный дух несется по навьим сумеркам.

Жутко. Муторошно. Выберемся ли?..

— А эту можачину вообще можно перейти? Не низина это? В лесах чаще она встречается, да и гляди-ко, осока с рогозой, мхи повсюду... — Я с опаской оглядела зеленое марево, что дымным облаком зависло над болотом, которое нам перейти надобно было — в нем облака вереска и багульника светлели, торчали сухие черные осины, гнилушки зеленым светом горели. — Не утопнем? Вдруг трясина где попадется?

— Это верховое болото, марь, тут неглубоко, — отозвалась куколка беспечно, глядя, как я перебираюсь через очередную корягу. — Аленка, ты не бойсь, я теперь тебя не покину. Но и ты меня держись, не уходи никуда, что б ни увидала. А блазниться будет всякое — опасное это место.

— Откель знаешь? — Не решаясь ступить на кочку, я присматривала палку подлиннее, чтобы ею проверять путь. Послышались странные звуки — пронзительные, похожие на утиный крик, который тут же оборвался на самой высокой ноте. Больше всего я боялась так называемых чертовых окон — мест, где может разорваться дернина, и тогда неминуемо затянет в пропасть. У нас в деревне так охотник один погиб, хотя и перебирался через топь на двух шестах, тела его так и не нашли, отправился напрямик в Навь, видать. Правда, кто-то встречал его потом — стал заложным покойником, обреченным вечность бродить по болоту проклятому.

— Ты вниз не смотри, ежель боишься... — голосок Гони раздался впереди, она уже потихоньку перебралась на другую кочку. Но ей-то что — махонькая, легонькая...

И тут я впервые порадовалась, что такой тщедушной да тонкокостной уродилась. Была бы пышнотелая, как всегда мечтала, сроду бы такой путь не одолела, умаялась бы, да еще и под собственным весом в топь бы ушла.

— У нас неподалеку от деревни трава озеро одно затянула... — Я палку выбрала, осторожно ею проверила кочку, лишь тогда с места сдвинулась. — Вот там уж чертовых окошек было — не счесть...

Жердь эта может помочь, если я провалюсь — иначе потом не выбраться на твердое место. Только кто меня тянуть будет — не куколка же размером в мои две ладони? — но о том я старалась не думать, полагаясь на Гоню во всем. Раз сказала — выведет, значит, нужно молчать и идти следом. Она легонькая, не опасно след во след передвигаться, не растянёт она траву-то. Сухих островков много было, вскорости я уже почти успокоилась, да и путь оказался не таким и сложным.

Один раз только вот отвлеклась на беду, как увидела алые цветы огромные — с меня ростом, и вот рот раззявила, любуясь ими.

Гоня и исчезла. Куда подевалась — ничего не понять. Потом гляжу — в одну сторону туман едкий зелёный ползёт, там пауки ползают, гады ползучие шипят, кольцами свились, а Гоня моя на сухом месте стоит, глазенками сверкает, ждёт. Страшно туда идти... Ещё и сплавина, кажись, на пути — ковер из травы шевелится, как живой. Жутко. Чтоб пройти, место то ветками загатить нужно, а где их взять-то?.. И мхи разрослись, укрыли все зелёным покрывалом.

А в другую сторону тропа твердая ведёт, земля ступенями выдолблена, и кажется, что легче легкого на тот край пройти. И цветов алых огни горят дивные, словно кто костры разжег. Моргнула я — и вот уже не костры полыхают, а холодное пламя рубина виднеется, будто лепестки узкие из камня самоцветного вырезаны, да так ловко отточены, что все прожилочки видны, и на гранях лунный свет играет переливами серебристыми.

Гоня кричит что-то, а что, не разобрать, туман все густеет, плотнеет...

И вот из-за цветов этих вышло чудо чудное — такой одежды я отродясь не видывала. Штаны черные, узкие больно, кафтан странный такой, на груди распахнутый, а там белоснежное кружево пенится. И шапка дивная — высокая, узкая, как труба печная. Смешной такой, на кузнечика похож.

— Ко мне иди... тут ни забот, ни тревог не будет... — А глаза у мужичка того зелёные-зелёные, будто трава свежая майская, но взгляд с хитрецей, прищур лисий.

Я и застыла — но как манит меня что туда. Ещё и аромат от цветов поплыл дивный, и волна удушливая эта медовая дурманит, как на поводке ведёт. Не успела я ничего понять, как уже ступила на тот сказочный берег, но в тот миг, как улыбнулся дух болотный, клыки острые я у него увидела, да и зрачки его сузились — словно змеиные стали. Отшатнулась я, едва в подоле своем не запуталась, за дерево ближайшее ухватилась, стою, отдышаться пытаюсь, а запах медвяный горчить стал, кашель напал — сухой, царапающий горло так, словно стекла битого я наелась.

— Сюда иди, кому говорю! — это Гоня кричит.

И как я успела увернуться от рук этого умертвия с клыками, и сама не знаю — закружилось все, завертелось, через гадюк и мхи перепрыгнула, хорошо, палка еще в руках была, на нее опиралась... Гоня облегченно выдохнула, но смотрит грозно, сурово.

— Я что говорила? Никуда не ходить! За мной — след во след!

А я на траву легла, в небо уставилась.

И сдалась мне эта наука? Домой хочу...

Глава 4

— Выполнила ты задание Василисино... — Куколка Гоня рядом села, меня по голове гладит, а боль и тоска уходят, тают в туманном мороке. — Все сделала, со всем справилась, с пути не сбилась... Вернулась из мертвого царства... Ежели бы ты не готова была меня спасать да жизнью своей делиться, ушла бы навеки навьими тропами гулять. Нет места в волшебной школе злу да мерзости. Нет места тому, кто о себе только думает. Таких сразу прогоняют.

— А я... казалось, что я — зло? — Отчего-то вопрос этот мне легко дался, словно бы и не мучила меня тьма все эти годы, будто не снились мне страшные сны о том, как блуждаю я болотами зыбкими на краю иных миров — жутких миров, где людям места нет, где воздух затхлый и дышать им невозможно, где под ногами паутина да грибницы гнилые, а над ними вьется мошкара, укусы от нее гнойниками по телу расползаются, яд в крови болотной жижей растекается... Не спастись никому в этом месте проклятом. Просыпалась я в ужасе, паутина эта липла ко мне, следы алые оставляя — иногда даже шрамы тонкие вились потом по запястьям или ключицам. Едва видимые, белесые. Кто не знал о моей беде, и не заметил бы их.

— Сны эти тебя в Зачарованном лесу тревожить не станут... — Гоня продолжала меня гладить, и руки ее, прежде бывшие ледяными, отогрелись, казалось мне — скользят по коже солнечные лучи, узор дивный ткнут. Отогреваюсь я от холода навьего, возвращаюсь в мир живых.

— Откуда ты... узнала? — надтреснуто, горько... Неужто это мой голос такой хриплый. Как птичий клекот. Или скрип старых стволов в тишине ночного леса.

— Я много чего знаю... теперь, когда крови твоей вкусила. С нею знания, память, мысли моими стали. Их я Василисе бережно передам. Ей пригодится все то — будет она знать, чем помочь тебе. А помощь нужна... Ты сильная, Аленка, такой силы давно не видала я среди смертных. Да вот глупая больно... Не умеешь силой своей владеть, управу на нее найти надобно. И в том тебе Василиса и сподможет. А нам возвращаться пора — скоро рассвет.

— Как мы вернемся? Если не успели выйти из болота... ты сама говорила — не выберемся из топи, навеки тут останемся...

— У меня свой путь есть... Все, что было, для тебя было испытанием.

Мы в любой миг могли назад вернуться, но тебе нельзя было знать о том.

— Если бы знала, все иначе бы вышло, да?

— Да... — Гоня мои волосы ласково перебирала, откуда-то огромный гребень костяной в ее ручках тряпичных появился, и она давай мои пряди вычесывать от хвои да листьев. — Если бы знала — разве ж был бы смысл в этом всем?

Мне легко-легко стало, будто парила я в воздухе, дымном и прогорклom, даже вонь от болотистой низины, что простиралась куда ни брось взгляд, уже не трогала и не забивала дыхание. Гребень скользил по моим волосам, и каким-то чудесным образом Гоня его удерживала, словно и не была сама размером с него. А волосы стали золотом светиться, переливались и искрились, казалось, дивный лисий мех рыжеет среди гиблой болотной зелени — я и подумать не могла, что такие красивые могут они быть. Прядка к прядке — коса плелась куколкой легко, она туда травинки и невесть откуда взятые голубые цветочки, похожие на незабудки, вплетала, напевая вполголоса песню о венках и волшебных ночах верхушки лета, когда девушки по воде спускают свечи да травы...

Я глаза прикрыла, словно на миг единый, и тут же провалилась в сон.

Мне снилась березовая роща, светлая, золотистая, пронизанная солнечным янтарным светом, небо шелковым синим шатром раскинулось над нею, а по нему кораблями пушистыми облака плыли, и дивно так было, хорошо.

На голове моей — тяжелый кокошник, на груди — гривна из золота, на ногах — алые сапожки, как у боярыни какой... Девушки в алых платьях, надетых поверх тонких льняных рубах, меня в хоровод позвали, и кружила я с ними легкой птицей, и плясали с нами березы и облака, и небо принимало меня в свои материнские объятия. И без боязни подходила я к берегу речки, и спускала ромашковый венок свой по течению, и касалась теплой проточной воды, прогретой ярким солнцем, и не было мне страшно находиться на косогоре, что круто спускался к хрустальным струям, и смотрела я на камни на дне, на водоросли, на кувшинки, что желтели неподалеку, и не было жутко, не было чувства тревожного.

Словно бы не было на мне проклятия, и словно бы никогда не слышала я ничего худого про реку. И водяной не пытался меня утащить, и дочери его зеленокосые не скалились злобно, на меня глядячи из-за камней мшистых. Наоборот — звали в свой хоровод, и знала я, что могу с морянками да русалками безбоязненно танцевать на заливном лугу этом, что не будет вреда мне, и даже хотелось пуститься с ними в пляс, ощутив древнюю их силу, которой в дни такие делиться они готовы.

Девушки, которые со мной на берегу весну славили, платья сбросили, мне помогли — а я с удивлением увидела, какой богатый наряд на мне, такого сроду не носила. И в одних рубахах, поднимая алмазные брызги, плескались мы потом по-русалочьи в водах этой призрачной реки. И приплывали из глубины к нам речные девы, и танцевали с нами, и дарили нам речной жемчуг и перламутровые ракушки, и с благодарностью принимали мы дары эти.

И снова песни, снова шумное веселье, снова купание в реке — и так до вечера. А потом костры на холме, заросшем лиловым вереском и фиалками, пастушьей сумкой, лютиками и метелками колосков. И искры от огня жаркого светляками порхают во тьме, и блики золотые на лицах девушек танцуют, и приходят к кострам парни в белых рубахах с вышивкой бережной, и приносят парни с собой ветви дубов и полыни, и горький запах прогоревшей травы несется с ветром над колышущимся морем трав...

А как ночь закончилась, проснулась я — дернулась резко, глаза открыла, а надо мной Василиса Премудрая склонилась. Глаза у нее светло-зеленые оказались, как майская зелень, сквозь которую солнышко светит. И добрые они были, материнские.

Я вскочила с лавки, перепуганная, не понимая, что мне снилось, что на самом деле было. Коса, с вплетенными в нее травинками и незабудками, говорила о том, что Гоня, и болота, и Навь проклятая — это мне не приснилось. Коса змеей скользнула по плечу, и я с удивлением увидела на кончике ее подвески из жемчуга и перламутра. Неужели и русалки, и хоровод у реки — тоже не сон?

— Не приснилась тебе Навь, и болото моровое взаправдашнее было, а вот река — грёза, — сказала Василиса.

Я всполошенно обернулась к волшебнице. Стоит — высокая, статная, руки белые да холеные на груди сложила, а платье самоцветной крошкой искрится, будто каменное. Куколки Гони нет нигде, и мне отчего-то грустно стало, что даже не попрощалась я с ней.

— Гоня говорила, что я... прошла испытание. — Я едва выдавила эти слова, не зная, имею ли право вообще о чем-то напоминать сейчас или требовать. — Что же... дальше?

— А дальше — науку познавать тебе колдовскую надобно. — Улыбка Василисы осветила горницу ярче солнышка. — Принимаю я тебя в ученицы, Алена Ивановна.

— И куда же мой путь лежит? К какой науке? — спросила, а у самой сердце сильнее забилося, хоть и понимала, что мне, тщедушной да слабой,

в поляницы путь заказан, а в заклинатели мертвых — несподручно, травница ж я... Наверное, светлой волшбе отправят учиться.

И все одно отчего-то волнительно стало, словно над пропастью я стою, а внизу ветер свищет. И дна у той пропасти нет — в тумане оно сокрыто.

— Не серчай только, — Василиса как-то странно на меня смотрела, с прищуром хитроватым, лисьим, — но идти тебе к Кашею Бессмертному — черному колдовству обучаться, волхвованию, заклинанию умерших. Помощница его — Марья Моревна, колдунья и поляница, во всем тебе поможет, я с ней погутаю по-свойски... Волшебные существа, зельеварение, история — общая да царства нашего, черная магия, травоведение... Там науки любопытные, скучать не доведется... Аленушка, ты что же это?..

А я так и замерла статуей, как про Кашея да Моревну услышала.

Ведьмаркой быть проклятущей?.. С мертвяками по погостам бродить?.. Заложных покойников упокаивать али упырей ловить?.. Значит, такая теперь у меня судьба? Не было печали...

На глазах запекло, щеки обожгло — слезы. И не хочу плакать, слабость свою показать, а не могу перестать рыдать. И страшно мне, словно уже вода надо мной сомкнулась, словно уже уволокло меня проклятие. Куда ж мне ко тьме, куда к Нави прикасаться?.. Нельзя мне на заклинателя мертвых идти! Погубит меня тьма, водяной утащит... Неужто Василиса того не понимает?

— Чтобы тьму победить, ее знать надобно — всю силу и слабость ее вывести! — голос волшебницы строгим стал, суровым. В глазах блискавицы засверкали, тучи сгустились, потемнел взгляд, словно озлилась Василиса на меня.

— Знаю я ее... — потерянно ответила я, решив: будь что будет. Все одно пропадать. — Ежели правду Гоня говорила, что передаст все знания обо мне, то неужто не рассказала о проклятии навьем? О водяном, которому меня в жены обещали? О том, что ждут меня муть озерная, ил речной, стылая вода ледяная, коли доберется до меня окаянный?..

— Ты не балуй мне, Алена Ивановна, и не думай, что я самодурничать тут решила! — Василиса косу свою за спину перекинула, нависла надо мною коршуном. — Я испытание тебе не просто так придумала — мне поглядеть надобно было, сможешь ли ты в Нави выжить, сможешь ли с тьмой в своей душе справиться. Ты смогла. Ты победила ее, жуть свою обуздала. А теперь чего струсила? Пойми, я с тобой нянчиться тут не намерена, не нравится — вон порог, иди откуда пришла. Только подумай, что потеряешь! И где окажешься, ежели покинешь мои терема!..

И глаза ее стали черными провалами — морок там, бездна раскрылась моровая. А я представила на миг, что будет, коли развернусь и уйду сейчас, испугавшись.

Пропаду ведь. До ближайшей реки дойду — и все, беда. Некому защитить будет.

А так есть шанс, хоть и махонький, что помогут мне, научат, дадут знания да умения. Пусть и темные знания...

— Не уйду, — я тихо, но твердо отвечала. — Зря я, что ль, все бросила? У меня пути назад нет — я, если за ворота выйду, сгину. Посему хоть и боязно мне, а пойду куда скажете. Хоть обратно в Навь клятую. Все лучше, чем на осмеяние людское или в объятия царя речного.

Гроза миновала. Взгляд Василисы снова зеленю заискрился, снова улыбка на малиновых губах ее заиграла.

— Правильно, Алена Ивановна, все правильно. Смелость твоя мне любя, не зря я тебя сразу заприметила. Отправляйся с домовиком нашим, Федюнькой, в свою горницу — он проведет, все покажет да расскажет.

— А как мне быть?..

— Про домового своего да женку его не волнуйся, — перебила, с полуслова поняв меня, волшебница, — места в твоих покоях вам всем хватит, а теперь иди отдохни, завтра тяжелый день будет — к занятиям приступать пора...

Возле лавки появился лохматый домовый — глазенки-бусинки сверкают, как камушек самоцветный на срезе, нос кнопочкой, россыпь веснушек по лицу — конопатый, как и я, рубашонка у него красная, косоворотка, поясом перетянута узорчатым. Вид у духа важный, по всему видать, Федюнька свое дело знает и любит.

— Айда со мной, — сказал домовый и направился к двери.

А я Василисе в пояс поклонилась, подобрала свою котомку и, не чуя себя от радости, пошла следом за Федюнькой.

Кузьма, бородатый да нечесаный, с дороги помятый, хмуро глядел на вышедшего вместе со мной из хоромины Василисы домового, и онисовые глазки его, что казались стеклянными пуговками, наполнены были мутью болотной. От женки своей научился так пялиться, что душа в пятки уходит, — а кикимора была духом сварливым да вредным, удивительно, что меня приняла как родную, но в том заслуга как раз таки Кузьмы. И вот глядит он так вот, как лихо лесное, на доможила рыжего, что нас встречать вышел, а у меня душа в пятки уходит — вдруг как подерутся, что тогда?

— Федюнька я! — протянул пухлую ручку местный домовик, не

осердившись ничуть. — Не важничай, и не таких видывали! Ты мне лучше вот что скажи, ты тут с хозяйкою обитать будешь?

— Кузьма, — буркнул мой дедушко и руку протянул — хотя было видно, ой как не хочется. А нельзя отказаться — беду навлечь можно. Тут хозяином этот рыжий да конопатый, в алом кафтанчике барском, с золотым пояском, в сапожках блескучих. Видать по всему, своей льняной рубахи да онучей застеснялся Кузьма. Интересно, куда женка его делась? Сказывали они, сестры у нее тут на болоте — наверное, уже туда захвостолупила, неугомонная.

— Ты не пужайся наших теремов — у царя и то не такие, — продолжал похвально местный домовик. — Айда за мною, наказано показать вам покои ваши.

И он уверенно и бодро направился в сторону росших чуть подале яблонек — темно-красные налитые плоды их сладко пахли и истекали медовыми соками, а я в этот миг поняла, как голодна — Василисины испытания последних сил лишили. Едва передвигая ноги, будто к ним колоды кто привязал, я направилась вослед за Федюнькой, а мой верный Кузьма, что-то сердито бормоча себе в бороду, поплелся рядом. Кажется, он полагал, что на болотах, с родней его женки, нам и то лучше будет, чем с этим рыжим прохвостом. Невзлюбят коли мой домовик местного — нехорошо будет, нам тут жить еще. Коли не приглянемся, ко двору не придемся, пакостить начнет Федюнька — и косы мои будут по утрам как пакля, и порядка не будет — вещи исчезать начнут, нитки путаться...

Не дело это. Нужно домовых мирить. Хотя местный вроде пока не озлился, уговорить своего бы...

Или не лезть? Сами разберутся? Не дети, чай...

— На Кудесы с тебя новая рубаха, — вдруг выдал мне Кузьма, пока местный домовик ушел вперед и не слышал его. Видать, мысли мои дедушко прочитал.

Я лишь улыбнулась и кивнула. Именины свои домовик любит, загодя к ним готовится.

Тут наш проводник приостановился, и Кузьма его догнал, пошел вровень — словно не Федюнька тут главный. Хоть бы беды не было — два домовых в избе не к добру.

— Ты не думай, хорошо жить будете, — вдруг сказал местный домовик, искоса на моего поглядывая, — я что, я привык тут сам-один хозяйничать, а ты вроде как чужак тут. Понравилось бы тебе, дедушко, коли бы я явился в твою хату? То-то же! Но тут хоромин много, дел тоже не впрокорот, предлагаю так — я за господскими буду следить, а тебе отдам

все постройки, где девки с хлопцами живут, в горницах да клетях их будешь лад вести, за порядком смотреть... Но хлопот много, отлынивать некогда будет. Согласен?

Приостановился, золотистыми глазенками на Кузьму моего смотрит — сразу видно, хороший хозяин в школе сказочной, куда меня дорожка привела, а коли gospodarь лад ведет, то и людям в таких домах хорошо живется.

Мой-то домовик сразу бороду поглаживать начал, взгляд его подобрел, на миг лишь он нахмурился — веточку сухую нашел. Выкинул ее, побряхтел для виду — поважничать надобно — и кивнул.

— Быть по-твоему, Федюнька, как Аленку разместим да накормим, так и покажешь мне свои владения, расскажешь, чего требуется...

Я улыбнулась — надо же, попервой обо мне думает, родненький.

— Айда поспешай! И вправду ведь, голодна девка у нас, да после Василисиных испытаний проспит до завтрашней зари, — отозвался рыжий и посеменил в сторону высокого терема с резными балясинами и крыльцом расписным. Я в таких хороминах отродясь не бывала до сегодня, а теперь жить в таком буду — чудеса, да и только!

Повеселевший Кузьма что-то спрашивал негромко, успевал и по сторонам глядеть, и под ноги, про меня не забывал, то и дело ловила я его заботливый взгляд. Доможил Федюнька принял его да в помощники записал — хорошо это, ладно.

— Ты, братанушка, вот еще что скажи, другие суседушки есть в теремах? Неужто один такое хозяйство вел? — поражался мой Кузьма. — И как успевал-то?

— Тяжко было, — вздохнул Федюнька, по ступенькам поднимаясь — проворно, как кошка. — Я почему возрадовался, как тебя увидел? Вот, думаю, идет помощник мне. А ты... — Он расстроено махнул рукой, двери распахнул, скользнул внутрь по сверкающим натертым половицам.

— Ты уж прости меня, дурака, — виновато пробурчал Кузьма, оглядывая порядок, царивший в подклети, — все сверкает, блестит, ни пылинки, ни паутинки нигде. Хороший в школе хозяин, все в ладу у него.

— Ночами в подызбице не стучи, в поставцах посудой не громыхай, за печью не возись, — предупредил Федюнька строго, — лошадям гривы не путай да стопами народ не изводи, сонных не щекочи — шалости все эти Василиса не любит, мигом вылетишь на болота али в лес, а там свои хозяева, и нам там делать нечего. Скучать не придется, работы тут хватает — сам вишь, как много изб-то, подворье огромное. Во дворе овинный нам в помощниках, дядька вредный, но справедливый, ввечеру

познакомлю.

— Я драки боялся, — честно признался вдруг Кузьма и виновато на меня глянул, — ты, Аленка, не сердись, что я как лешак дикий себя повел. Тут как бывает — в одной избе двум домовым не жить...

— А у нас не одна изба, вона их сколько... — широко улыбнулся рыжий и распахнул перед нами дверь в клеть, которая с этих пор моим домом станет.

Я и охнула — просторная, светлая, с широкими окошками в две стены, с ткаными половичками яркими да сундуками расписными, с широкими лавками у стен. В такой горнице боярской и княжна могла бы жить.

— Проходи, не стой на пороге. — Федюнька первым протопал вперед. — У нас бояре да царские сынки научаются волшебству да чарам, негоже их в черной избе селить, вот и построили такие хоромыны.

Я зашла, котомку свою к груди прижимая, трепетно было, боязно, словно во сне очутилась. А на столе вмиг молоко в кувшине оказалось — еще теплое, с пенкой, нашлись тут и каравай маковый, и пироги — рыбный и ягодный, и каша на меду. Я и не думала, что так голодна, пока все это не увидала. Котомку на лавку положила и, прежде чем самой за стол сесть, Кузьме да Федюньке молока отлила, пирога отломала.

— Понятливая девка твоя, уживемся, — довольно сказал местный домовик и улыбнулся широко, отчего еще больше на кота стал похож.

Хорошо здесь, уютно — травы сухие к подволоке привязаны. Мелисса, мята, полынь — горьковатый запах, но приятный. Видать, нечисть шалит, вот и метелки трав сухих тут берегами и развешены. Я сначала не заметила, а над окошками тоже веночки — ромашка, горицвет, одоленева трава, крапива, веточки ивы, осины, березовые сухие сережки, и кажется — никогда с запахом этим травяным лето не закончится, даже зимою снежной будет пахнуть здесь лесом да лугом. Хорошо, что мой капризный домовик злиться перестал — я с радостью смотрела, как они с рыжим Федюнькой уплетают пирог, обсуждая привычные им заботы да хлопоты.

— Навьи тут не ходють? — серьезно вопрошал Кузьма, попивая молоко. — У нас всяко бывало — на мельнице, поди, жили... места там гиблые были, погост недалеко.

— Того года упырь явился неупокоенный — кажут, ученики черных колдунов постарались. У них занятия были, а двери на проклятый погост, куда их водють мертвяков воскрешать, кто-то приоткрытыми оставил. Так вот... Приполз с кладовища этот мертвяк, переполошил мне чародеек да травниц — они-то с Навью дел не имеют! Но быстро угомонили умертвие, и часу не прошло. У нас тут сильный колдун один имеется — вот он за

такими вещами следкует. Кащеем Бессмертным его кличуть...

Тут Федюнька ко мне повернулся.

— Это он у меня наставником будет? — догадалась я. Как подумаю, что с Навью теперь постоянно соприкасаться придется, так и тошно становится, даже горница эта светлая не в радость.

— Ты, девка, не бойсь, он хоть и колдун, а все ж справедливый, иначе Василиса его бы не покликала сюда. Она, знать, обо всех печется, всех бережет. Она волшебство сохранить хочет, а что не только светлое оно, про то знаешь? То-то же, ведьмарки да чаровники темные тоже нужны миру явьему. Тьма да свет — вместе быть должно им, иначе беды великие в мир людей придут... Но ты про то все узнаешь еще, а пока отдыхай, отдыхай, красава... Завтра тяжкий день.

Под тихое бормотанье домовиков я и заснула. И впервые за долгое время мне омути черные да дочки водяного не снились. Впервые спокойно я спала, как в детстве.

В опочивальню свою, что в горнице была расположена, я все едино с опаской заходила, хоть Федюнька, домовик местный, мне и показал хоромины — слишком все вокруг было красиво да богато. Из широких окон сосновый бор на холме виднелся — просторно, вольготно, любила я и прежде на лес смотреть, на поляны дикотравные. Чую, хорошо будет здесь жить. А сундуков сколько стоит, ларей — у меня и пожитков-то нет столько.

— Еще бы не хорошо, я как порядок наведу-то, то добре все будет... — слышался скрипучий голосок из-за столба резного, который высился посреди комнаты, изукрашенный росписью аляповатой. И тут же мой домовый вышел на свет белый. — Хозяйка, ты не забудь, этого дня тебе идти в тот терем, где Василиса собирает всех отроков, — будут наставники ваши там...

— А женка твоя где? — Я про наставников своих и думать боялась. Ну кто хороший может обучать черному чародейству? Колдовство, волхование да заклинание умерших — вот куда меня Василиса после испытания Навью отправила. Говорила, мол, тот, кто смог царство мертвых пройти да живым вернуться, тому прямая дороженька к Кащею Бессмертному да Марье Моревне...

— К болоту пошла она, там у ней сестрица живет, не терпелось повидаться, — махнул рукой домовый куда-то в сторону. — Тебе хорошее дали место... тут под нами кладовая, чуть подале — людская. Голодной не будешь. Гарная одрина, гарная...

И улыбнулся хитро, поглядывая на узорчатый потолок — на синем фоне там цветы распускались, птицы белые летали. Вьюн обвивал окошки, да сухие метелки трав шелестели возле распахнутых настежь створок...

Я Кузьме пальцем-то погрозила — неча, мол, и думать таскать еду.

— Иди подыши воздухом-то. — Домовой мне на плечи шаль накинул — легкую, пуховую, но я ее сняла, назад в сундук отправила, тепло еще, упарилась бы я в шали-то. Кузьма ее нашел среди той одежды, что отрокам выделялась, — заботилась Василиса, видать, о тех, кто в школу ее поступал. Много сорочек там, рубах красивых было — все из выбеленного льна, с узорами, алой нитью выющимися, были в сундуке и поневы, и верхние рубахи, и запоны, которые чуть короче рубах да по бокам не сшиты, были там и пояса узорчатые — из тканей дивных, камнями украшенные. Румяна, белила, краска для ресниц лежали в ларце невеликом — на это все я смотрела, нахмуясь. Не любила и не умела я всем этим пользоваться. Спрятала на дно сундука... Порадовал плащ шерстяной, темно-синего колеру, в таком и непогода не страшна. Тулупчик лисий тоже приглянулся — у меня таких мехов отродясь не бывало.

Верхнюю рубаху я выбрала беленую, присобранную у ворота и обшитую алой каймой, потому как простая она, без золотых узоров, без камениев самоцветных. Носить ее нужно было с поясом — и отыскался среди подарков Василисы обычный алый пояс, тонкий, узенький.

Из окошка я увидела боярыню в дивной рубахе и поневе на шнуре, запона у боярыни была чуть покороче рубахи, а наверхник — туника с коротким рукавом — золотой вышивкой сверкал и искрился. Павой плыла под яблоньками дева эта — лицо белое, румяное, брови широкие, взлет — соболиные. Коса — что кулак мужицкий, толстая, жемчужной нитью перевита, косник серебрится вышивкой и камушками сверкает. По всему видать, благородных кровей...

К ней давешний знакомец подошел — Иван, который царским сыном назвался. Улыбчивый, златокудрый, в камзоле алом да сапогах высоких, казался он павлином, птицей заморскою, что окрасом дивным взор ласкает. Одно загляденье...

Да только загляденье это не про меня. Вот этой паве раздуманной как раз такой жених и подходит — и по всему видать, нравится ей Иван. Глядит боярыня на него ласково, улыбается, но неприятное лицо у нее, с хитрецей лисей.

Отвернулась я резко от окошка, отчего-то тоскливо стало. Решила прогуляться. И хотя сапожки алые в сундуке были, я, не глянув на них, в привычных онучах пошла — не боярыня, нечего тень на плетень наводить.

Прав Кузьма, пора пройтись, поглядеть на сад сказочный, чего киснуть в горенке-то?

Сад встретил меня шелестом листьев, ветром свежим, ароматами спелых яблок, налитых, краснобоких. Отроки школы прогуливались по узким тропинкам между старых деревьев, и видно было, что крестьянских сынов да дочерей среди них нет. И даже не в одежде дело — уже знала я, что в сундуках наших поневы, рубахи да камзолы дивные лежали, черевьи да шушки, туники заморские, — а в том, как держали себя девки да хлопцы. Горделивые да осанистые, поглядывали они друг на дружку пытливо, и взоры колкие были, ледяные.

Та пава, которую я в окошко видала, с видом царским рядом с Иваном не шла, а плыла лебедью белой. Он меня увидал, улыбнулся, поклонился, как боярыне какой, но тут же спутницей своей уведен был куда-то.

А мне и гулять перехотелось.

От домового своего, который успел с местными духами познакомиться, я еще раньше узнала, что один из наставников наших прямиком из Нави явился. Мол, согласился он с юными колдунами и ведьмами знаниями делиться с одним лишь условием: к концу каждой седьмой весны жребий будет брошен, и кому выпадет волчья ягода ядовитая — а она одна будет в холщовом мешочке среди шиповника, — тому и идти со злыднем в Навь.

Зачем — про то лишь ему известно.

Вот потому жаждущих научиться мертвяков воскрешать да с духами разговаривать не больно много было.

Царевич давешний, который все бахвалился умениями своими, пропал куда-то, после прогулки в саду я его ни разу не встречала. Но мы, видать, разным наукам будем обучаться, ему путь-дорожка к витязям и поляницам, боевой магией богатыри ведали, сказывали, у нас тоже волшбе этой уделят внимание, но все ж нечасто это будет. Отчего-то ждала я тех занятий, но признавать не хотела, что из-за Ивана это, не моего он полета птица, нечего и думать о нем.

Когда я подошла к дубовой резной двери, за которой ждал своих учеников Кащей Бессмертный, то увидела, что собралось отроков здесь чуть больше дюжины.

Я обвела тоскливым взглядом девчат в цветастых платьях — они спешили куда-то, держа в руках по охапке трав. Сладко запахло лугом, прогретым жарким солнцем, покосом, бересклетом и мятой, чуть горчила в воздухе полынь...

Я лишь вздохнула — и почему Василиса отправила меня изучать Навь проклятую? Как хорошо было бы спешить вместе с задорными девчонками-травницами к полям и лесам, что раскинулись за забором сказочной школы, как хорошо было бы радоваться солнечному дню, а не идти в морок и туман колдовской ночи.

Почему-то я была уверена, что в подклети этой, куда нас отправили, сыро и темно, пыльно джуже. Филины небось по углам сидят, ухают, глазищами хлопают, паутина с балок свисает, ставни закрыты... Хоть бы костей да черепов не было.

Но коль выбралась из Нави, пусть и не без помощи куколки волшебницы, то прямая дорога мне теперь в заклинатели мертвых. Так сказала Василиса Премудрая, а с ней, как я уже поняла, спорить тут не принято. Прозорливая она, сказывают — все знает, что будет, что было, и помогает ей в том яблочко наливное.

Говорят, садится она у окошка, за которым яблони медовыми соками истекают по осени, а по весне — белой пеной плещут, садится... и берет в руки блюдо, пускает по нему яблочко волшебное. Катится яблочко, а на блюде картинки появляются — главное, понять их правильно, разгадать. Потому и Премудрая она, что умеет суть видеть этих картинок. Другие, кто ни глядел, ничего не понимают в том блюде, даже смеялись — мол, врет все ваша Василиса, за нос дурачков водит. А наставница главная лишь бровью соболиной поведет, губки алые подожмет, да и дальше глядит в свое блюдо.

И вот увидела она там, что я стану лучшей ученицей Кощея Бессмертного, что сила моя Навь удержать сможет однажды, если в прорехах между мирами скопится слишком много тьмы. Нельзя, мол, этой тьме хлынуть в Явь, иначе мертвые власть возьмут над живыми, исчезнет тогда людской род, упыри да навии будут править, выжженная пустыня, пепел и тлен, гнилые болота с затхлой, непригодной для питья водой, заснеженные ледники и гиблые буреломные чащи — вот чем станет Явь.

А я бывала в мире мертвых — это страшно. Это жутко. Выжить там человеку без чьей-либо помощи — никак. Пропадешь — либо в болото утянут, либо в бездну моровую, либо сожрет какая-нибудь тварь.

Пока я, задумавшись, стояла у бревенчатой стены, чуть облокотясь на нее, двери отворились с тихим скрипом — мерзким, протяжным, словно бы кто-то когтями по отшлифованной серебряной пластине провел, будто ночные птицы зарыдали в черном лесу. Меня кто-то плечом задел, проходя, но словно бы специально, изо всей силы — и я пошатнулась, нелепо взмахнув руками... Как пить дать, упала бы, если бы не подхватили меня

чьи-то сильные руки.

Прикосновение чужих ладоней даже через лен, из которого выткана рубаха, обожгло льдом, и показалось, будто выстыло все внутри.

И запах земли после дождя, запах железной окалины, прогоревших костров и палых мертвых листьев окутал меня туманной дымкой.

Исчезло все — неширокие сени с половичками, где я с другими учениками ждала нового наставника, исчезли окошко и старая яблоня, что шумела под ним листвой. Были только прозрачно-льdistые морозные глаза с узкими змеиными зрачками. Только длинное бледное лицо со стальными спицами волос. Только белоснежный мех на оплечье, украшенном искряными топазами и жемчугом... Я моргнула, и видение заморского рыцаря с прекрасным ликом исчезло.

На меня глядели черные провалы глаз на иссохшем старческом лице с глубокими морщинами.

Закричав, я резко дернулась из рук старца, показавшихся еще холоднее, прожигающих до кости огнем ледяным.

— Пугливые нонче ученицы у меня, — осклабился наставник, поправляя плащ, перекинутый через плечо на северный манер. — Неужто лучше было бы кости переломать — вона какая тонкая уродилась!

И впервые в жизни слова о моей хрупкости прозвучали не с издевкой, а с... восхищением?

Я ощутила, что щеки мои вспыхнули, а краснела я всегда легко, от любого слова становясь пунцовой. На миг стало жаль, что говорит это мне мерзкий старикашка, а не тот бледный красавец со стальными волосами и пронзительным взглядом морских глаз.

Он расхохотался, словно прочитав мои мысли, и сложил руки на груди.

— Вы наш наставник по заклинанию мертвых? — тихо спросила я, все еще недоумевая, что за видения только что были, словно белены объелась, вот и марится всякое.

— Ты, — флегматично поправил Кащей и ухмыльнулся, указательным пальцем проведя по своему подбородку, — я не так уж и стар, ты сюда не больно-то гляди. Просто с морщинами да седыми космами оно посolidнее как-то, да и от девиц надоедливых избавляться легче.

Представив, какая толпа боярынь ходила бы следом за тем пепельноволосым красавцем с гладкой мраморной кожей, я невольно улыбнулась.

Касей же распахнул передо мной двери пошире, и я шагнула в клубящийся на пороге зеленый туман.

Что я ожидала увидеть там? Широкие лавки и столы с котлами, в

которых бурлит ядовитое варево? Паутину на стенах и под потолком? Летучих мышей? Что угодно, но не обласканный лунным светом погост.

Среди полуразвалившихся надгробий и покосившихся крестов растерянно бродили юные колдуны и ведьмы, явно пытаясь понять, как это они очутились в изломе времен — ведь иного объяснения происходящему не было. Нельзя так искривить мир, заполнив пространство комнаты в небольшом тереме огромным полем. Я застыла каменным изваянием.

— Надеюсь, в этой обстановке мне будет проще научить вас общаться с Той Стороной, — услышала я низкий голос наставника, — но прежде всего позвольте показать вам, с чем вы столкнетесь в Навьем царстве, если судьба забросит вас в его гнилые чащи... — Кащей обернулся ко мне, и глаза его вспыхнули ярко-зеленым гнилушечьим светом. — А кое-кто уже бывал там и не понаслышке знает, как себя вести в мире мертвых. Итак, девица Аленушка, первый вопрос — что прежде всего запрещено в Нави?

— Ничего не ешь, ничего не пей, — заученно пробормотала я, вспомнив наказания Василисиной куколки.

— Отлично. Все запомнили? — Он повернулся к сбившимся в стайку ученикам, которые похожи были на испуганных голубей в своих светлых льняных рубахах.

Затем Кащей повернулся ко мне, и я с облегчением увидела в его взгляде одобрение.

— Продолжай... — Он приглашающим жестом указал ученикам на небольшой круг скошенной травы, где появилось несколько лавок, крытых волчьими шкурами, — мест было аккуратно столько, сколько парней и девиц.

Пока я, краснея и сбиваясь на каждом слове, перечисляла все то, что рассказывала мне куколка, все рассаживались по лавкам с явным облегчением на лицах.

Глава 5

Спала я в тот день, после занятий на погосте Кашеевом, не больно хорошо — мертвяки снились, будто идут они по влажной, покрытой белесой грибницей земле, и сияют кости их в лунном свете, и тянут они руки свои ко мне... И взгляды с Той Стороны — ищущие, в душу самую глядят умертвия, чтобы поработить ее, чтобы с собой в болота моровые утянуть. С визгом просыпалась, а Кузьма все рядом хлопотал — то одеяло поправит, то воды принесет, то молока теплого...

— Что ж такое-то! — вздыхал часто, горестно.

После очередного сновидения, когда Навь примарилась, когда уже водяной грезиться начал да дочки его, лахудры, я спать лечь не решилась. Да и рассвет уже несмело полз в горенку мою, родонитовым пламенем половицы поджигая.

Я набросила верхнюю рубашку, принялась косу переплетать — и чудо чудное, после баньки, куда вечером вчера ходила, чтобы навьи чары с себя смыть, волосы мои вроде как гуще да длиннее стали, и блеск появился дивный. Были локоны как золото красное, как рассветная дымка над садом, шелковистые да гладкие... Я и про тревоги все вмиг забыла, не нарадуясь тому, что коса моя стала красивой такой. В сундуке Кузьма нашел голубую шелковую ленту — у меня таких блескучих отродясь не было, — и я ее в косу вплела. Она игриво вилась среди пшенично-золотых прядей, словно змейка.

— Чародейские отвары, водица волшебная... — все приговаривал мой домовик. — Вот как у лешего науку познаете, так вовсе не будет бед да болячек. Он про травки лечебные все знает — ходил к нему давеча я, хороший он мужик, справедливый. И умный. Не балует.

— До сих пор не верится, что меня приняли в школу эту... — вздохнула я. — Жаль вот, что не удалось на светлую волшбу или травничество пойти, с умертвиями тяжело будет...

— Тяжко не тяжело, а тьму свою приручишь, — ворчливо отозвался домовик. — Сонного зелья надо сварганить, а то ежели так ночью будешь мучиться, никакая наука в голову не полезет. И чего к тебе снова ночницы пристали?

— Что там сегодня у нас? — Я, не ответив, кусок бересты развернула, где список занятий нацарапан был. — Зельеварение, а опосля... воинское искусство.

Я так и застыла — какое-какое искусство?

— Кажись, рукопашный бой пока будет, да с палицами... стрельбе из лука научат, через годок и с мечами управляться будете, — спокойно отвечал домовик, собирая на стол завтрак. Грибы и квашеная капуста, пироги с мясом, чай мятный с сушеными листочками земляники и смородины.

Услышав про палицы и мечи, есть я расхотела совершенно — с детства была слаба и костью тонка, и тяжело мне давалось даже хозяйство вести, что уж об ином говорить.

— Ты раньше времени не печалься, наставники у вас хорошие будут — лучшие богатыри русские! — продолжал рассказывать Кузьма — откуда и узнал все? — Илья, Алеша да Никита — они и Тугарина победили, и Змея Горыныча, и половцам проклятушим наподдали. Теперь на границах охорона царская, спокойно там, а богатырей сюда позвали — витязей обучать да поляниц. Но ты не думай, не загоняют, основной твой наставник — Кашей Бессмертный, навий царь, остальным наукам мало будет времени уделяться. Но и без них — никак. Ты ешь, ешь, силы нужны будут.

И я села за стол на широкую лавку и молча принялась трапезничать, вкуса еды не ощущая. Не хотелось мне к богатырям идти.

Как рассвело, Кузьма показал пухлой ручкой в сторону старой липы — мол, иди туда, к главному терему, там общий сбор будет, Василиса Премудрая слово хотела молвить.

Я с крыльца спустилась, щурясь от яркого солнышка, и по указательным камням дошла до нужной мне избы. Заблудиться тут невозможно было — стрелки на этих придорожных камнях помогали, на них алые буквы горели дивным пламенем, указуя путь.

«Терем Василисы Премудрой» — вот что значилось сегодня на камнях, словно я попросила их провести именно туда, и они волшебным образом просьбу мою исполнили, а вот вчера, когда шла к терему Кашея Бессмертного, на камнях синее пламя литеры вычерчивало и привело аккурат к месту, где навий погост открылся.

И я шла, куда стрелки мне показывали, мимо лип и яблонь, мимо высоких кустов терновника и бузины, мимо лужаек, усыпанных полевыми цветами, кои в это время года уже отцвести должны были. Но здесь, в Зачарованном лесу, где школа Василисы Премудрой от мира спряталась, время словно застыло в вечном солнечном травне.

Наконец я добралась до нужного мне терема, приостановилась чуть в стороне, не зная, как общаться с боярскими отпрысками, что собрались под окошками с резными ставенками, — многие на меня поглядывали с

любопытством, а кто — с неудовольствием. Видать, уже прошел слух, что Мельникова дочка будет наравне с боярами наукам чародейским обучаться. И не всем то по сердцу пришлось.

Несколько барышень стояли кругом, о чем-то шепчась. Все в рубахах ярких, с белоснежными длинными рукавами, собранными на запястьях, отчего казалось, когда ветер поднимался, что это крылья лебединые. Косы у барышень лентами перевиты, сапожки сафьяновые, перстни золотые на пальчиках холеных, височные кольца с камушками самоцветными.

На меня одна из барышень поглядела искоса, и я узнала ту боярыню, что давеча с Иваном в саду гуляла. Глаза у нее неприятные оказались, змеиные, изжелта-зеленые. Руки на груди сложила она и бровь одну приподняла, мол, кто это тут к нам идет?

Я чуть в сторонке и осталась стоять в ожидании Василисы, а взгляд этой барышни так и прожигал насквозь.

Тут и Иван показался — шел со стороны теремов с зеленой кровлей, где светлые волшебники жили. Красивый, статный, в алом кафтане, поясе златотканом, сапоги у царевича ярко-красные — казалось, всегда он так богато одевается, ни разу еще в простой одежде его не видала, даже на занятия, как оказалось, рядится.

— Аленка, и ты здесь! — обрадованно, с улыбкой, сказал, подойдя.

Я лишь взгляд опустила, ощутив, что щеки вспыхнули, — не думала, что он запомнил меня. Еще и имя знает...

— Митрофанушку спрашивал, приняли тебя иль нет, а то как зашла ты тогда к Василисе, так и сгинула, — продолжил царевич, не замечая будто, что давешняя его подруга недовольно ножкой притопнула.

Явно ждала, что он сразу к ней подойдет...

Я не успела ничего ответить, как заискрилась радуга возле крыльца и появилась Василиса Премудрая — в зеленой парче, с косами, подвязанными кольцами, на голове — веноч из маков и незабудок, колосков золотых и веточек полыни. Красивая, дух захватывает.

— Приветствую вас, ведьмарки, травницы и волшебники... — послышался ее тихий голос, и все смолкли, слушая внимательно. — Я собрала всех сегодня перед тем, как вы отправитесь знакомиться с Варварой-красой и ее наукой — зельеварением, для того, чтобы раздать охранные обереги...

В руках у каждого появились самоцветы на кожаных шнурках, у кого — аметисты фиалково-желтые, у кого — лазурит небесно-васильковый, а у кого — сердолик огненный. Мне достался аметист, как и другим парням и девушкам, кого я у Кащея вчера видала. Только вот у них были светлые

камни, почти прозрачные, льдистые, мой же — темный, насыщенный, желтизны в нем почти и не было... Странно, да только Василисе виднее.

— Камни эти будут вас от беды беречь, от умысла злого, чтобы не было меж воспитанниками школы дразг аль ссор каких, — и при этом Василиса поглядела строго на боярыню, которая на мне едва дыру не прожгла своим ревнивым взглядом. — Коли кто кому вред надумает учинить, так камушек вернет наговор иль чародейство назад — тому, кто наслал его. А теперь поспешите на свои занятия, но помните — наставники ваши сильны да могущественны, выполнять их задания советую сразу и не прекословить ни в чем. Кто провинится, тому опосля третьего слова в путь-дорожку, домой. Жить вам в Зачарованном лесу пять зим и лет, и я желаю вам провести это время пользительно, не баловать, к наукам со всей серьезностью относиться, потому как силы, вам дарованные, не забава и не игра, особливо кто с тьмой дело имеет. Не сгубите себя да души свои...

Улыбнулась Василиса нам ласково и пропала, лишь ящерка на том месте оказалась, юркнула она меж камней и была такова, а я заприметила это и решила с оглядкой ходить, видать, главная наша наставница могла любой тварью аль птицей оборачиваться и все узнать сумела бы...

— Айда зелья варить? — подмигнул мне царевич.

— А разве ж светлые волшебники с колдунами темными да заклинателями мертвых вместе будут у Варвары-красы обучаться? — удивилась я.

— Это наука общая, как и воинское искусство, которое тоже сегодня по списку. Вот к Кащею нам не попасть, как и вам к волхвам в священную рощу не пройти. А жаль, у нас там красота неопиcуемая, деревья говорящие, да и мне было бы любопытно хоть одним глазочком на Навь поглядеть...

Ох, не знает царевич, чего желает... Я лишь вздохнула, про болота моровые вспомнив, кои с куколкой Василисиной прошла. Вовек бы туда не вернуться, но уже знала я, что будет наставник наш туда водить, и ничего с этим не поделаешь. Я взглянула на девчат в венках и ярких рубахах, у которых на груди сердолики сверкали, — повезло им, целительству обучаться да волшбе светлой будут.

Но коль говорит Василиса, что моя судьба — Навь проклятая, никуда не денешься.

И я оберег свой надела, ощущая могильный холод, идущий от камушка. Но он на груди тут же согрелся и словно бы потеплел.

Мы с царевичем пошли за девушками, и меня всю дорогу преследовал взгляд той боярыни, ведь Иван отчего-то к ней больше не подходил, что,

кажется, злило ее неимоверно.

Но когда мы пришли, следуя указательным камням, к покосившейся избушке, вид имеющей весьма дивный рядом с высокими расписными теремами, то нас ждало разочарование.

Варвара-краса, полюбоваться на которую все хотели, нас не встречала. Особливо царевич расстроился — по дороге он все балагурил про то, какая прекрасная она, наставница наша по зельям. Мол, во лбу у ней звезды горят, под косой — месяц ясный... Но вместо Варвары нас ждал огромный серый волчище — в холке по матицы бы в избушке достал, лапы мощные, сильные, глазищи зеленые, пекельные, но... добрые.

Волк царевичу коротко кивнул, как давнему знакомцу, и Иван прошептал мне:

— Это Серый Волк, он батюшке помогал, когда его дядьки мои убили, воскресил водой живой и мертвой и помог ему и на престол сесть, и на матушке моей жениться.

— Приветствую вас, травники и витязи, колдуны и волшебники, заклинатели и чародейки... Сегодня заменять вашу наставницу, которая, — Волк запнулся, — не сможет пока что обучать вас, будет леший... Но вскоре приедет в Зачарованный лес Марья-искусница, она станет зельеварению учить. Я же с просьбой к вам — будьте предельно осторожны, за заборол не ходите, ибо вокруг школы нашей дивные дива творятся... Красавицы вот пропадать начали — сначала дочка царя из заморского государства исчезла, едва нашли в лесу, испуганную да зареванную, тепереचा вот Варвара, наставница ваша, сгинула, только ленточка из косы на сосне и осталась... Кто девчат ворует, про то не ведаю, но помните, что за воротами защитить вас ваши обереги не смогут!

И отошел чуть в сторону, лег у избушки, будто сторожить ее собрался. Шепотки пошли по толпе учеников, вскоре уж все загалдели, да так, что показалось — на птичник я попала. Царевич же меня к Волку потянул, пока лешего все ждали.

— Серый, ты скажи прямо, это Кащей вновь балует? — спросил царевич.

— А почему чуть что — так сразу Кащей? — вырвалось у меня. — Он мне показался... хорошим.

— Кащей — и хороший? — Иван на меня уставился, потом заржал как конь. — Девка, да ты небось совсем болезная... Отродясь он добрым не был!

— Хороший — не значит добрый! — изрек волчара, устраиваясь поудобнее. — Меня, Иван, батюшка просил приглядывать за тобой, так что

не набедокурь тут, спрос строгий будет. Тебя как звать? — это уже ко мне.

Глядит строго, а в глазах его — чаща дикая шумит, малахитовые сосны скрипят, ветра дикие стонут, луга дикотравные во взгляде его и бег ночной туманными тропами. Скучно, видать, Волку здесь будет.

— Аленка это, — не дал мне рта раскрыть царевич. — Тут все только про нее и говорят — мол, не хотели принимать безродную, решили ей испытание устроить — мол, не пройдет она его, сама убежит в свою деревню, только пятки засверкают! А она умудрилась заодно и Посвящение пройти, которое остальным только после первого солнцеворота суждено.

Я на него удивленно уставилась — Василиса мне про Посвящение ничего не говорила. Так вот почему куколка сказала, что первая я, кого навьими тропами гулять отправили, первая, кто при попытке попасть в школу чародейскую должна была испытание пройти... И прошла. Хотя не больно верила в это наставница наша главная. Обидно стало до слез — почему бояр просто так принимали, а мне пришлось столько страха натерпеться?.. Но обиду эту я проглотить попыталась, подале спрятать, радоваться надо, что все же приняли меня, не выгнали прочь. И как-то быстро яриться я перестала на Василису, ведь благодаря ее испытанию у меня это самое Посвящение уже позади, не то что у остальных — им предстоит только доказывать силу да смекалку.

А Волк уже с интересом поглядел на меня, принялся к руке, я не сдержалась и погладила его по мягкой шерсти. Пахло от него дымами от прогоревших костров, хвоей пахло и чаще́й гиблой, словно он по ельнику продирался. Но так и есть, вестимо — вон иголки застряли. Я их выбрала быстро, а потом лишь заметила, как на меня Иван глядит.

С ужасом и испугом.

— Что такое? — Я поспешно руку отдернула, спрятав ее в складках рубахи. Может, к этому зверю и прикасаться нельзя?

— Не пугай девку! — послышался голос Волка. — У нее много силы, да нерастраченная она, неприрученная...

— Даже я его гладить не смею, — насупился Иван и сложил руки на груди, будто обиделся — и на меня, и на Серого.

А Волк ощерился, и мне показалось — улыбается, совсем как человек.

— Все, бегите в избу. Там леший пришел. А он не любит опоздавших, будете потом до полуночи поляны от хвои чистить...

И правда — лохматый зеленоволосый старик в надетой навыворот овчине строго глядел на нас, стоя у ступенек, а почти все ученики уже внутри избушки были.

Мы с Иваном поспешно бросились к крылечку и, отталкивая друг

друга, взбежали по ступенькам. Я лишь хмуро глядела в спину царевича, когда он первым вломился в двери — мог бы и пропустить!

В избушке, на удивление, оказалось очень просторно — хотя я уже начинала привыкать к чудесинкам школы. Войдя вслед за Иваном в сумрачные сени, я с любопытством вперед поглядела — цветные тканые половики устлали полы, на бревенчатых стенах лубяные картинки, печь в углу, а под притолокой и у окошек сухие пучки трав.

Из сеней как вышли в переднюю избу — светло стало, хорошо, потоки янтарно-золотистого света в окошки льются, и травы словно купаются в солнечных бликах.

На столах — сосуды, пузырьки, бутылочки с пробками, хорошо высушенные травы, и хотя говорили, что будут у нас уроки по сбору их, пока готовые нам выдали. Но тут мне волноваться не о чем было — травница Дарина всему научила меня, даже ядовитые растения в руки шли покорно.

— Вы коли баловать не будете, — послышался голос лешего, — так всему научиться легко станете. Эти уроки не я вести буду, мое дело — сбор трав да ягод с грибами. Но сейчас главное запомните — вот коли собрано все да ладно высушено, коли луна растет, тогда и полезно делать настои всяческие. Сейчас вот давайте попробуем совсем простое дело — розовую воду.

Все столпились у столов — на каждом лежал кусок бересты с его именем — и принялись обрывать лепестки у приготовленных заранее роз. Никто не шумел, не галдел, все слаженно работали, но тут, видать, причина была в том, что вести про исчезнувшую наставницу всех пришибли. Даже царевич балагурить прекратил и задумчиво бросал лепестки в ступку, почти не глядя на нее. Хмурился, все в окно посматривал, на Серого. Видать, коли батюшка-царь охранника прислал, совсем дела плохи.

— А почему ведьмарки темные с целителями да травниками вместе? — раздался звонкий голос давешней боярыни, что вся от ревности изошлась, на меня с царевичем глядячи. Черная коса ее тяжело лежала на плече покатом, и жемчуг речной перламутром сверкал в ней, искрился — словно узор на змеиной чешуе.

Сдался он мне, царевич энтот... Я голову опустила, пытаюсь сделать вид, что ее вопрос меня вовсе и не волнует.

— А потому, Добронравушка, что нельзя свет и тень разделить, — назидательно сказал леший.

А мне подумалось — ну и имечко у боярыни! Как посмеялся кто, нарекаячи: ее Темнозорькой бы кликать али Чернавой — судя по всему,

норов ее добрым не был. И я принялась толочь лепестки, не дожидаясь указаний наставника, представляя себе, будто и не здесь я вовсе, а в своей избе родной, которую батюшка ставил.

Леший хмыкнул одобрительно, на меня покосившись, и продолжил:

— Вот сейчас в пыль лепестки потолчете, а я вам попытаюсь донести, почему вместе вы на некоторых занятиях. Представьте себе вечное лето, вечный жар Ярилы-солнышка, суховеи да перекасти-поле на потрескавшейся от зноя земле — ничего не растет там, ведь нет спасительной тени. И представьте вечную холодную зиму, ночь кромешную, льды да темную пустошь без конца и без края. Представили?.. То-то же. Еще вопросы есть? Коли нет, так продолжаем...

И мы занялись своими ступками. Вскорости приготовили и другой настой — из дягиля, тысячелистника, мелиссы, ландыша да фиалок. Мне все легко давалось, оттого радостно было, приятно. Даже про чернокосую ту боярыню забыла, все равно стало, что зыркает она. Да и наставник, не переставая, меня хвалил, говорил, что тьма да силы, к Нави обращенные, не мешают колдунье хорошим травником быть да добрые зелья варить.

Мне было жутковато, когда меня ведьмой или колдовкой звали. Но нужно было привыкать. Нас таких было чуть больше дюжины — травников, витязей да целителей со светлыми волшебниками завсегда, как леший объяснил, больше рождалось.

Еще он говорил, что нельзя против судьбы идти — кому что на роду написано, то ему и исполнять... И потому тьму свою приручать надобно, чтобы не плеснулась она в Явь да не отворила ворота Той Стороне — не то хлынут оттуда навии, принеся беды да злосчастия.

Все отроки лешего слушали внимательно и на меня и других колдунов вскоре перестали поглядывать с недовольством, особенно как увидели, что от наших прикосновений ничего не загорается да слизью и мхом не покрывается.

— Не бойтесь пробовать что-то новенькое, смешивайте настои и травы, — говорил меж тем леший, расхаживая меж травников — девчушки в веночках и струящихся, будто вода, рубахах тоже справлялись хорошо с этой наукой, но и немудрено, у них в крови горит огонь этот, могущий из любой былинки силу вытянуть да человеку во благо направить.

Вот витязям тяжело давалось, но юноши не смущались — у них свои силы, и сегодня, на уроках у Алеши Поповича, они их еще покажут.

— Найдите свои соотношения трав, — продолжал поучать леший, — но коли боитесь, так пользуйтесь известными способами. Теперь вот будем делать отворот! Корень дягиля в соотношении один к пяти добавьте в

розовую воду, туды же — тополиных почек, и, смешав все, поставить надобно настой к солнышку, чтобы напиталось его лучами наше зелье...

— А приворот будем учиться делать? — Снова Добронрава скалится, косу черную на грудь перекинув, и та ползет по рубахе, сверкает камушками.

— Я потому этому зелью вас учу, что приворот и сами спрможитесь, — сухо сказал наставник. — Зато тепереча все в безопасности будут, каждый сможет защититься от больно настойчивых ухажеров. Зельем этим одежду пропитать можно, на кожу набрызгать...

Занятие шло своим чередом, я и не заметила, как время пролетело — казалось, только пришли мы в избу эту, а уже и день на излом пошел.

— Еще волшебство подскажу вам! — Леший достал баночку с медом — густым, коричнево-золотистым, тягучим. Приоткрыл крышку, и запахи летних луговых трав и медоносных деревьев — клевера и медуницы, липы — понеслись по избежке. — В воде коли разводить свежий мед, добавлять лепестки ромашки да умываться на заре таким настоем, кожа будет мягкая да шелковистая. Можно еще туды вереск добавить — он морщины разгладит...

Я заметила, девочки все с интересом слушают наставника, да и мне наука эта всегда нравилась — делать зелья несложно, да и интересно, какая травка для чего пригодиться может.

— Шесть лепестков белой розы, дюжину лепестков ночной фиалки, собранной в новолуние, — продолжал леший, — щепотка мяты да шалфея, десять листочков вербены, на кончике ножа — пепел от костров майских, толченая рябина... Коли все это настоится в темную осеннюю ночь, беззвездную да холодную, так завсегда от упырей да умертвий поможет. Стоит только плеснуть на порог такое зелье — ни один мертвяк в избу не попадет. Вы пишите, пишите, — наставник в упор на травников глядел, — коли думаете, жизнь вас с Навью не столкнет, больно наивные! Как дети малые...

Я поспешно нацарапала на бересте состав зелья, решив, что мне оно точно пригодится.

— Еще для красоты волос подскажу вам одно зелие, — продолжил леший, — не обессудьте, что чуток задержу, но Марья вам может и не сказать такого — у ней свое видение, чему учить. Так вот... ландыш, квитка папороти, лилии белые да вербена — коли все смешать в одинаковых частях да приготовить на растущую луну, а опосля волосы полоскать после мытья — никогда беды с косами знать не будете!

И снова заскрипели тонкие палочки — ученицы бросились писать

состав. Вот знала бы раньше, может, не была бы коса такой тонкой. Хотя... чего печалиться? Теперь жизнь другая, не будет больше злобных взглядов соседских, не будет страха перед рекой — здесь, в сказочной школе, проток не было, даже ручейки — и те в лесу, за забором. А мы туда сами ходить не будем, только с наставниками.

Еще бы сны меня мучить перестали...

— Полынь да любисток, мята и мелисса, семена мака и красавка уснуть помогут, еще боярышник можно добавить... — Леший ко мне повернулся, а я смутилась — и как понял, что мне надобно? — Но с красавкой ядовитой осторожно... кому зелье такое надобно, скажете домовому Митрофану, он споможет.

Обязательно скажу, а то какая с меня учеба будет?

После занятий все дружной гурьбой уселись за столы, которые волшебным образом проявились возле избушки, — говорил мне Митрофанушка, что так задумано, чтобы время не терять, скатерти-самобранки появляются в строго определенное время в той части Зачарованного леса, где ученики находятся.

Я села с краю, подальше от Добронравы, но она ко мне интерес утратила — царевич с ней о чем-то гутарил, вот она и щурилась счастливо, как кошка, что сметаны объелась. И тут я поняла, что она мне и правда животину эту напоминает вальяжностью своею да грацией. Чего у боярыни не отнять, так это стройности и умения ходить павою.

Мне б так...

Кормили нас кашей с мясом, пирогами рыбными, яблоками в меду. Поели быстро — некогда было рассиживаться — и отправились к терему, где нас ждал наставник по боевой магии.

Указательные камни привели нас к высокому крыльцу — терем был двухъярусный, с гульбищем, украшенным резными столбами, по перилам вились хмель и дикая роза... будто и не к богатырям пришли, а к волшебницам каким. Но едва в сени вступили — сразу понятно стало, что судить терем этот по внешнему виду не стоило. Ни половичков, ни мягких шкур, ни трав у притолоки — лавки и столы, да оружие по стенам. Палицы еще развешены, мечи да щиты, копья да луки приготовлены.

В избу зашел огромный детина в кольчуге, надетой поверх льняной рубахи, с мечом у пояса — ростом на пару голов выше Ивана-царевича, а тот немаленький у нас.

— Зовут меня Илья, — объявил богатырь, — обучать я вас буду ближнему и дальнему бою, но книжным премудростям должен попервой всего этого, так что не думайте, что сразу на ратное поле выпущу.

Илья Муромец, вспомнила я, тот самый, кто родился в крестьянской семье, в селе Карачарово, самый главный он русский богатырь, всем богатырям богатырь. Тридцать лет и три года на печи просидел, пока калики перехожие его силой дивной не одарили, вот и отправился он к князю Владимиру, чтобы в дружине его послужить. Почет это большой. Соловья-разбойника пленил он, Чернигов от нечисти очистил, Идолище поганое зарубил, Калина-царя победил... Такой наставник хорош, у такого многому научиться можно.

Царевичу вон в самый раз это все, а мне, девке, занятия по ратному бою зачем? Не богатырша я ведь, хилая, тонкая, меч в руках не удержу... Про таких говорят — и как душа в теле держится, мол, совсем слаба. Сватов ко мне потому и не слали — баб в селе каких любят? Кровь с молоком — чтоб дородная была, пышнотелая, чтоб рожать могла легко да в поле пахать. А с меня чего взять-то? Я и огород почти не вела, потому как умаривалась быстро... Если б не домовик, неизвестно еще, с избой справлялась бы иль нет... Костлявая, как мара, так бабы в селе говорили, жалеючи меня.

— И ежели кто думает, что предмет мой ненадобен будет, то шибко он не прав... — как будто сквозь туман услышала я голос богатыря Ильи и словно ото сна очнулась.

Гляжу, а он прямо возле меня стоит, руки на мощной груди сложил, усмехается в бороду, но вроде не сердится.

— Рукопашному бою девок учить без надобности, но вот с палицей управляться али луком — верное дело! Главное, помните — бить себя да в обиду давать нельзя никому. Ежели и сильнее обидчик ваш, не попускайте его — а то вовек не избавитесь от измышательства. Честь дороже жизни должна быть. Особливо для волшебников. Все поняли?

Нестройный хор тихих голосов был ему ответом — побаивались, кажется, Илью. Но вот гляжу — травницы наши улыбаются, косы теребя, да глазки строят. Видать, приглянулся им наставник. Мне смешно стало, но попыталась спрятать смешинку, еще подумает Муромец, что насмехаюсь над ним.

— Если забудете про честь свою... так однажды ни ее, ни жизни — ничего не будет у вас, — продолжил Илья меж тем, — помните о том. Боевой пляске да кулачному бою обучать буду токма витязей, потому после занятий им надобно получить комплект одежды специальной у Митрофана. Потом и про ношение кафтана поговорим... Но всем знать надобно, что кафтан, взятый за ворот и переброшенный через одно плечо, сообщает о нежелании драться. Такого человека задирать не надобно. А вот ежели

кафтан наброшен на оба плеча, но руки в рукава не просунуты, то такой человек ищет драки, опасности не боится... Как одеждой пользоваться в виде щита, энта мы изучим на практике...

Богатырь прошелся у окошка, нахмурясь, засмотрелся на что-то, но рассказ свой не стал прерывать. Когда я поняла, что на ристалище нас никто не гонит пока, то даже приятно стало слушать низкий бархатистый голос Муромца.

— Будем собирать боевые группы, — продолжал Илья, обратив снова на нас свое внимание, — но попозжа, попозжа... Эмблемы каждая группа себе сама выберет — Буй-тура можно взять, али оборотня Вольгу, аль богатыря Вырвидуба, которого волчица выкормила... тут настаивать не стану.

— Царевича артель пуцай берет Ивана Быковича, коровой вскормленного! — раздалось позади, но кто это выкрикнул, я не поняла.

А Иван пунцовый стал, вскочил, и только окрик наставника остановил его — а то б кинулся на обидчика с кулаками.

— А-а-атставить! — гаркнул Илья, да так, что уши заложило.

Иван сел покорно на свое место, но глаза его недобро горели. Увидев на шее его волчий клык на шнурке да вспомнив рассказ Серого Волка, который батюшку спас да воскресил, я поняла — сравнение с Быковичем было оскорбительным да обидным для нашего гордеца. Не поздоровится небось тому, кто так пошутил грубо.

— Ежели кто будет балагурить на занятиях, опосля стражу будет нести за забором разом с богатырями Черномора, — тихо проговорил наставник, и голос его показался ветром, что вот-вот в ураган превратится. — Все ясно?

Стало тихо-тихо.

Но Илья Муромец дождался нестройного «да» и продолжил:

— Про традицию ряжения зверем углубляться не стану — все про то знают, коли необходимость будет чудить, всем шапки да шкуры выдам. Також будем учить боевые танцы с кафтаном — бузу да поддраку, охотничьи да воинские танцы это, пляшут их в шкурах токма. На этом закончим, айда шагом в лес, там нас Черномор да его богатыри ждут!

...Когда мы отзанимались с палицами — не в полную силу, так, для остратки погоняли нас, то возвращались в свои горенки усталые и обессиленные. Непривычна изнеженным да холеным боярам такая жизнь, сразу видать, а ведь в школе Василисы крестьянских детей почитай и нет — среди наших учеников я одна безродная, отчего и глазеют на меня, как на чудо чудное.

Думала, отдохну, как до терема добралась. Но не тут-то было.
Соседку ко мне подселили.

Глава 6

— Любава, — представилась русоволосая девушка в ярко-синем платье заморского фасона, с длинными рукавами, собранными на запястьях. Пышные юбки широким колоколом легли вокруг Любавы, серебристые узоры сверкали на ткани, и, подсвеченные солнцем, они казались струями воды. Подвески из хрусталя и бусы из бирюзы, синий искряной топаз в перстне — словно морская царица, словно... русалка. А вокруг сундуки, украшенные перламутром и жемчугами.

Присмотревшись, я поняла, что волосы Любавы отливают болотной зеленью, а глаза водянистые, мутные, словно озеро в шалах туманных. И из глубины ее глаз будто бы смотрит на меня тот, кому я обещана была... царь водяной. Я вздрогнула от испуга, моргнула — и тут же взгляд Любавы стал человеческим, сине-зеленым, с золотыми искорками, но вполне обыкновенным.

— Алена, — ответила я тихо. А сама подумала, что от девушки веет чем-то тревожным. Словно я заглянула в прорубь зимой, но полынья тут же заледенела, не захотев показать мне, что там, на дне.

Любава улыбнулась, а из-под лавки, на которой она сидела, послышалось утробное рычание, и я испуганно глянула туда. Высунулась черная усатая кошачья морда, и искры зеленых глаз, казалось, прожгли на мне дыру. Неужто это кот так рычал?

— Новые соседи у нас, — ворчливо сказал Кузьма, протирая чугунок — тот и так блестел, но домовому явно нужно было чем-то заниматься в этот момент. Он, кажется, ярился из-за животного, с которым ему придется уживаться.

— Я рада, что не придется одной жить, ты располагайся, места хватает, горница у нас большая, в деревнях люди в меньших избах всей большою семьей ютятся. — Я через силу улыбнулась, решив подружиться с соседкой и ее котом, ведь неизвестно, чего ждать от этой девушки с русалочьими волосами и странными глазами. С водой да ее духами ссориться никак нельзя, и так на мне метка черного колдовства речного.

— Это Вася. — Любава погладила кота, и тот дугой выгнул спину, потерся о подол хозяйкиного платья. — Он приبلудный, нашла в чаще, пока ехала сюда...

— А ему разрешили оставаться? — обеспокоенно спросила я, после чего Васька зашипел в мою сторону.

— Василиса сказала, что это обычный кот и никаких немытиков в нем нет! — Любава чуть поджала губы и прищурилась, с вызовом на меня глядя. Потом схватила Ваську и, не боясь, что он изорвет когтями ее чудесное платье, помогла ему забраться на свои колени.

Немытиков? Я нахмурилась, пытаюсь понять, о чем она. Ах, о чертях и анчутках... кажется, здесь, ближе к северу, их племя проклятое часто так кличут.

— А ежели притаился хорошо? — Кузьма бросил начищать свой чугунок и уставился на кота.

Васька в ответ противно мяукнул — визгливо, словно кто-то провел железом по стеклу.

Я лишь вздохнула — не очень приятное соседство...

Но ошиблась.

Несмотря на то что всем своим видом Любава напоминала водную нечисть, никаких хлопот она мне не доставила. Оказалось, что девушку, прибывшую из того же царства, где батюшка Ивана нашего правил, приняли обучаться целительству, и Василиса стала ее главной наставницей.

Когда Любава узнала о том, кто я и чему буду обучаться в сказочной школе Зачарованного леса, она меня пару дней избегала, но после сама с вопросами пристала, как, мол, так вышло, что я выбрала темное колдовство. И Кащей Бессмертного в главные наставники...

В тот день мы пришли с занятий по волшебю, которые Василиса вела для всех чародеев — и светлых, и темных, и встретила нас удивительная картина... Васька, наглая морда, и Кузьма мой, наряженный в новенькую рубаху со скошенным воротом, спали едва ли не в обнимку рядом с пустым кувшином из-под молока.

Любава лишь улыбнулась, на них поглядев. К ее чести, она хоть и отмалчивалась, но не смотрела на меня презрительно, как та чернокошая, которая царевича взглядами поедом ела. Он, кстати, с ней, почитай, не разговаривал, но и ко мне не подходил. Какой-то смурной ходил с тех пор, как Серого Волка батюшка к нему приставил. Я слышала, насмешничали над Иваном по этому поводу, даже небольшую люльку кто-то выстругал и под порог к нему подбросил.

Но не до Ивана мне было — занятия больно тяжелые стали, наставники нас гоняли нещадно, к Кащею скоро идти — говорил он, будет нас в Навь отправлять, а мне после прошлого туда хождения не больно-то и хотелось бы по моровым болотам шастать. Да и без Василисиной куколки на Той Стороне я буду чувствовать себя неуверенно — ведь во время прошлых испытаний она меня вела.

Я попыталась отвлечься от тяжких мыслей, предложив Любаве самовар поставить — мята и земляника плохой настрой вмиг прогонят.

— Ты в травах хорошо разбираешься, почему же не захотела целительницей быть? — спросила Любава как бы между прочим, пока я над настоем колдовала, пытаюсь хорошо растолочь ягоды.

— А меня никто не спрашивал, чего я хочу, — спокойно ответила я, но вдруг обидно стало и горько. Неужто не в радость бы мне было по светлым полянам Зачарованного леса гулять да травы сушить и заготавливать, людей лечить? Снова про Навь вспомнила, и показалось на миг, что лечу я в бездну моровую, по дну которой туман стелется, и горячий ветер печет кожу, и воняет кладбищенской землей, и гарью несет откуда-то. И нет конца полету этому над белой мглой...

— Что с тобой?.. — испуганный голос Любавы донесся откуда-то издалека, словно из-за этого проклятого тумана.

— Ничего... А что такое? — Я словно очнулась ото сна, огляделась — нет, в горенке я нашей сижу, передо мной блюдце стоит, самовар блестит, и в боку круглом его золотом отражение мое кривое — нос огромный, лоб узкий, страхолюдина...

— Ты почернела вся, узоры какие-то жуткие по лицу пошли, словно бы пеплом кто измарал кожу. Не пугай ты так! — в голосе Любавы страх был.

— Пей чай... — Я не ответила, лишь чашку Любаве пододвинула и чуть не рассмеялась, когда она с опаской принялась. — Да мята там и ягоды!..

— А я вот сама решала, куда хочу, даже наставницу смогла выбрать, — похвасталась она, сделав вид, что ничего жуткого только что не произошло, а мне снова обидно стало — меня-то небось никто не спрашивал. — Матушка говорила, что за меня еще давно батюшка ручался, не слыхала про гусяра Садко?

— Нет, не слыхала. — Я отпила настоя, и приятная кислинка земляники защемила язык.

— Он самого морского царя победил да дочку его, матушку мою, смог в жены вытребовать...

Что-то еще рассказывала про свою семью Любава, а у меня сердце захолонуло. Так вот в чем дело, вот почему мне в первый день показалась соседка новая странной — в ее крови водица морская, сама она рождена нечистью. Мне опасно рядом с ней — вдруг да почует водяной, что я рядом с Любавой, да и через нее до меня доберется?

Я и застыла с чашкой в руках, боясь, что Любава мой страх

заприметит. Улыбалась, а душа в бездну летела.

Вот так соседка мне досталась...

К наставнику, в терем его, мрачный да жуткий, идти не хотелось, особенно глядя на то, как соседка моя к Василисе собирается — травы, загодя припасенные, в лукошко из бересты складывает, веночек из ромашек плетет.

За пределами Зачарованного леса давно осень стылыми ветрами завывала да с деревьев листву рвала, а здесь лютики да васильки глаз радовали — словно излом лета жаркого на дворе, горошек зацветал и плющ звездчатый, которому срок аккурат конец серпня, ландыши дурманный запах источали, словно лето да весна в этом чародейском месте подружились, вот и не разберешь теперь, чья пора пришла.

Но мне нравилось такое буйство трав, дивные ароматы с полян дикоцветных доносились, сосны янтарной смолой истекали, а в саду яблони золотились — казалось, они круглый год плодоносят.

И почему кому-то лекарское дело изучать, а кому-то... в Навь идти. Да, меня уже предупредил домовик местный, что на этом занятии о погосте да мертвяках только мечтать и остается, ведь хочет Кашей показать своим ученикам моровые болота, что за рекой Смородиной расстилаются.

Только уточнил Митрофанушка, что пойдем мы в обход Калинова моста, чтоб с чудом-юдом не встречаться. Какими путями нас царь мертвых к себе в гости отведет, про то не сказывал домовик, но, помня падение сквозь туманную бездну в тот день, когда я пришла с поклоном к Василисе, мол, примите меня в обучение, я уже знала, что дорог в подземный мир множество.

Даже любопытно стало — какой в этот раз идти?

— А что сегодня у вас будет? — С любопытством на Любаву поглядывая, я перед зеркальцем прихорашивалась — все ж не хотелось замухрышкой ходить среди боярских да царских дочек. И тут вспомнилось, как смущена я была в тот день, когда распахнулись передо мной ворота школы волшебной, — приехали к Василисе родовитые все девки да юноши, крестьянских детей да дворни не было, я одна безродная оказалась. Спросить ли у Любавы? Может, знает она, в чем причина?

— И почему сдается мне, что не о том ты спросить хочешь? — Лисий прищур Любавы показался мне на миг недобрым больно, но вот она улыбнулась, и исчезло это чувство странное.

— Права ты, — вздохнула я и отложила зеркальце. — Почему нет в нашей школе никого из... простых людей? Все знатные, родовитые...

Я замолчала, а соседка моя рассмеялась звонко.

— Неужто не знаешь, что волшебные силы по наследству передаются и роды колдунов да чародеек, хоть темных, хоть светлых, с давних времен в почете у людей? Их и на царствование звали всегда, недаром царские сынки завсегда здесь обучаются! Разве ж будут землю орать али за лошадами ходить те, кто может начаровать себе все, что угодно? Ну... почти все, что угодно, это уж зависит от того, сколько силы досталось волшебнику. Потому и удивились все, что ты в простой рубахе да онучах пришла... — Любава не смущалась совершенно, и улыбка ее была вполне искренняя. — Да, мне Добронрава уже все рассказала...

Добронрава — это та самая чернокосая боярыня со змеиными глазами, вспомнила я и погрустнела. Коль соседка моя с ней сдружится, житья не будет.

— Наверное, у тебя в роду был сильный колдун или колдовка, — продолжала Любава, не обращая внимания на то, что я отвернулась и почти не слушаю ее. — Иначе никак не объяснить твой дар. Жаль, что ты не со мной будешь учиться, но ты расскажи все, что в мире подземном увидишь, мне очень интересно!

— Ничего там нет... интересного, — пробормотала я, вспоминая свое испытание. — Василиса, когда во мне силу увидела, отправила туда... погулять. Едва я выбралась. Страшно там, Любава, страшно да мерзко. И не хочу я туда возвращаться.

— Извини. — Она порывисто встала и схватила свое лукошко с травами. — Мне пора уже, да и ты собирайся, сказывают, наставник ваш не любит, ежели опаздывают...

И выпорхнула за двери, только половицы скрипнули да затрепетали занавеси на проеме дверном. Тоскливо поглядел вслед хозяйке кот Васька, пригревшийся на лавке у окошка. Мяукнул тревожно, хвостом махнул, я его погладила ласково — хорошая животина, умная. И с Кузьмой подружился.

Когда я вышла из терема, солнце уже высоко поднялось, жаль, что раньше нас не собирали, уже бы, может, и освободились. В этот день других занятий не было — видать, Кашей полагал, что не выдюжим.

Я вздохнула, с тоской посмотрела на спешащих мимо травниц — белые рубахи, тонкие алые плащи, на иноземный манер на плече закрепленные брошами с самоцветами, на головах — серебристые обручи с подвесками. Я давно заметила, что большинство девушек в школе были северной наружности — голубые или светло-серые глаза, золотистые волосы. Рыжих, как я, или чернявых, как Добронрава, почти и не видела... Правда, наставницы некоторые были темнокосыми и кареглазыми —

Марья Моревна, например, та, что волхвованию учила. Руны древние мы с ней разбирали, по старинным свиткам пытались духов вызывать — не понравилась она мне, хоть и красивая была. Морозная, зимняя краса ее была — так и казалось, сейчас озлится да в статую ледяную превратит! Чуяла я, что в крови ее стужа да метели, что привычна она Той Стороною ходить, что неуютно ей посреди Зачарованного леса. Интересно, а что ей пообещали за то, что она будет у нас наставницей? Тоже кого-то в услужение отдадут?..

И волхование мне не понравилось, у Кащея и то спокойней было, а Марья как глянет черными глазищами, так будто огнем опалит. И показалось мне сразу, что невзлюбила она меня, придирками изводила, требовала невозможного — на первом же уроке наказала дополнительными заданиями за то, что я наговор не смогла прочесть с первого раза. Я потом седмицу сидела над свитками, чтобы все в срок исполнить.

Ощутила на себе тяжелый взгляд, обернулась — а у небольшой избы, окруженной зарослями папоротника и бересклетом, Добронрава стоит. Хмурится, меня внимательно рассматривая.

Я косу на грудь перекинула, резко отвернулась и поспешила прочь, на занятия — не хватало еще показать гордычке этой, что меня заботят ее взгляды. А самой все равно противно, словно в паутину влезла, и липкие взгляды боярыни меня преследовали, пока я не скрылась за цветущим шиповником.

К терему Кащея, где нас в прошлый раз собирали, я подошла быстро — он неподалеку располагался, за небольшой березовой рощицей, которая ажурными листочками с ветром шепталась. Ветви некоторых деревьев были в косы заплетены, лентами атласными украшены, венками — это, видать, светлые волшебницы каким-то своим чудесам учились, я, еще в своей деревне когда жила, не раз слышала про чародейство, связанное с силами деревьев.

Мои деревья теперь ель да осина проклятая — с ними ворожить. Провела я ладонью по шершавому стволу березки, и дерево обняло меня своими ветками, приголубило. Надо же, хоть и темная я, а все одно березка меня любит...

Но некогда в роще гулять — гляжу, колдуны, что со мной на погосте были, уже толпятся возле высокого крыльца, наставника ждут. Я рощу покинула и быстро пошла к ним — все в темной одежде, сапогах высоких, видать, чтобы в болоте ноги не промочить, у некоторых в руках посохи дубовые и свитки. Было нас всего-навсего дюжина, из девок, кроме меня, лишь две сестры из Темнозорья — Черника и Чернояра, из старинного рода

колдовского, говорят, их предок, тать проклятый, девиц воровал да вот только однажды погиб от руки светлого витязя.

— Я не опоздала? — Запыхавшись, я остановилась, облокотясь о балясины, с тревогой на окна поглядывая — там тени мелькали, словно бы стоя воронья кружила в горнице. Хотя что нас встретит в избе сегодня — того никто не знал.

— Тебе-то чего страшиться? — Один из юношей, Радогост, чернявый и черноглазый, в богатом камзоле да шапке высокой боярской, усмехнулся криво. — Ты в Нави бывала!

— Потому и боюсь, что бывала...

И я вспомнила молочно-белый туман, змеями ползущий по заболоченной земле, покрытой грибницами и мхами, вспомнила кривые искореженные деревья, чьи ветви кажутся скрюченными пальцами старой ведьмы, вспомнила чернильную тьму небес, страшную кровавую луну и мелкие соцветия ядовитого плюща, который норовил оплести ноги, едва я останавливалась, чтобы перевести дух... Но нельзя стоять без движения на навьей тропе, нужно все время идти, иначе или в трясину затянет или сожрут какие-нибудь растения.

Видать, у меня во взгляде все эти жути отразились, потому как Радогост улыбаться перестал. А тут и наставник появился — причем приблизился он совершенно бесшумно, и я заметить не успела, с какой стороны он подошел. Вот только что не было никого у зеленых перил, увитых дикой розой, — и вдруг молния сверкнула, дым за клубился, и будто бы из воздуха появился Кащей Бессмертный.

Седой старик со взглядом молодца.

Навий проклятый с улыбкой-оскалом, с губами синими и длинным носом на костлявом узком лице.

Но я-то помнила, как может выглядеть повелитель морового подземного царства, и от этого еще страшнее было.

— Гой еси, добры молодцы да красны девицы... — Кащей обвел нас темным, сумрачным взглядом и нахмурился. — Кто передумал ежели, пусть сейчас уходит, потом поздно будет.

— А если... если передумал? — чуть дрогнувшим голосом спросил кто-то из юношей, кажется, внук богатыря Святогора. В отличие от своего знаменитого деда, парень уродился хилым, слабеньким, а когда в нем еще и темные силы проснулись, так и вовсе он в себе разуверился.

— Домой идти, на печи сидеть, каликов перехожих ждать! — рыкнул Кащей и поднялся на крыльцо с удивительной живостью. — Кто все еще готов продолжать учиться — за мной!

Несмотря на свой страх, внук богатыря поплелся вслед за наставником, впрочем, особой прыти и остальные не проявили, меня так и вовсе трясло, пока я шла по скрипящим ступеням, пришлось цепляться за перила и заставлять себя не думать о могильном тлене и мороке царства мертвых.

Как так вышло, что я последняя осталась стоять перед дверью? Не знаю... Да вот только Кащей, застывший со сложенными на груди руками, смерил меня холодным взглядом и спросил:

— Что происходит? Мне Василиса рассказывала, ты смелость да удалость показала, пока по подземью с Гоней бродила, все напасти преодолела, все соблазны... Неужто без куколки ни на что не способна?

И поняла я — дразнит он меня. Хочет на злость вывести, чтоб я ответила — все смогу безо всяких волшебных помощников!

А я... не могла я. Я так и стояла, схватившись за перила так сильно, что побелели руки, и их судорогой свело, едва с дрожью справилась.

— Я... боюсь. И не стыжусь этого. Это честнее, чем хорохориться, а потом в мороке вашем сгинуть... — Я пыталась каждое слово подбирать, чтоб ненароком чего неправильно не сказать, боялась я наставника, жуть как боялась. Не человек ведь он, и людское все ему чуждо. И тревоги наши его не взволнуют — ведь нет в нем сердца и не течет по венам кровь. Смола ядовитая, туман да стынь, сотканная из дымов осенних костров, — вот что у него вместо крови. А сердце его — игла волшебная, что спрятана от глаз подале. Ни убить его, ни ранить. Нет в нем ни жалости, ни сострадания. С нами возится лишь потому, что получит себе ведьму или колдуна в услужение — так ему было обещано.

И боялась я еще и потому, что приснилось мне однажды, что именно я вытащила из шелкового черного мешочка проклятый камень, означавший, что мне в Навь с умертвием уходить.

Кашей глядел на меня, глядел стеклянными глазами, в которых стыла осенняя ночь, а потом расхохотался.

— Уморила, девка... Сгинуть! Ишь, чего удумала! — наклонился ко мне, и пахло на меня тлением и болотом, перегнившей листвой, а потом железной окалиной понесло, словно я среди кузни стою, а в ней работа кипит, меха раздуваются, огонь пляшет и по раскаленной наковальне молот танцует.

— А зачем мы в Навь идем? — Я отшатнулась и, оступившись, едва с лестницы не скатилась — если бы не Кащей, схвативший меня обеими лапищами за талию. Дернул на себя, и я носом в его камзол, вышитый колючей серебряной нитью, уткнулась. Будто в сугроб с разбегу... А ведь

только что жар от него шел неимоверный.

Что же он такое, владыка подземного мира?

И что такое Навь?

В этот миг, страшный и тревожный, когда сердце в бездну едва не ухнуло, когда нога опоры не ощутила, а руки Кащеевы льдом сквозь две рубахи обожгли, мне отчего-то даже захотелось понять, как две такие разные стихии в наставнике моем уживаются?

Нежели и в Нави есть снега и метели? Неужто и там зима бывает? Впрочем, почему ей там не бывать, коли Кащей — смерть и холод, бог тьмы и Той Стороны, за которой солнце не светит и птицы не поют?..

Кожа старика разгладилась, и на миг увидела я витязя среброволосого с морскими глазами прозрачными, острыми, как клинки из лучшей стали, но моргнула — и вот снова — передо мной умертвие горбоносое, от которого разрытой могилой несет.

— Осторожнее, Аленушка. И проходи, ждут нас с тобой. А зачем я вас в гости зову, про то позже узнаешь... — Он меня отпустил наконец и отворил двери, приглашая зайти в сени — сумрачные, пустые, с паутиной на бревенчатых стенах и нетопырями, уснувшими на лестнице, что вела к чердаку.

Я на негнущихся ногах пошла по тканому половичку туда, где слышались разговоры и тихие смешки — интересно, что теперь судачить будут? Впрочем, не все ли равно? Лишь бы выдержать урок этот клятый.

Кащей следом вышагивал — пол трясся, и могильный холод за спиной моей плыл, но я не оборачивалась, снова заглянуть в морок его страшных глаз жутко было.

Еще хуже было снова увидеть того витязя прекрасного, от глаз синих которого дыхание перехватывало.

Зашла, огляделась — изба как изба, все наши столпились у стола, заваленного черепами, свечными огарками, мертвыми окостеневшими крысами, засыпанного черным пеплом, кажется, колдуны нашли там какой-то свиток и как раз его так живо обсуждали, так что зря я волновалась.

Но вот наставник наш обозлился — черным вихрем подлетел к столу, вырвал свиток из рук Черники, одной из сестер-колдовок, молниями запылял да и вылетел зарницей в окошко.

Все и застыли... Но едва общая оторопь проходить стала, как наставник вернулся, черной птицей огромной о половицы с грохотом ударился и снова обернулся стариком лохматым. Камзол его был гарью испачкан, золою, словно возле костров только что Кащей был, но в округе и не пахло дымами.

— Без моего на то разрешения никто не смеет прикасаться ни к единой вещи, что в избе этой находится, — тихо и строго проговорил он, и, уверена, не у одной меня мурашки по телу побежали.

Черника испуганно таращилась на Кащея, и руки ее дрожали, а на пальцах стали проступать красные пятна. Вскоре я увидела, что пятна эти в язвы превращаются и мясо гниет на глазах, чернеет, плоть отмирает — и вот уже белые кости торчат вместо прекрасных холеных рук.

Черника завизжала — тонко, пронзительно, оседая на пол... Все расступились, будто боялись, что зараза к ним перейдет.

— Что ж вы все стоите? — Я к девушке бросилась, поспешно ее подхватывая, но хоть я и хилая, да и она не богатырша — тонкая тоже, как тростиночка, мне едва удалось ее удержать да бережно на лавку усадить. — Ей же лекаря надо!

Я подняла взгляд на наставника — неужто и будет так стоять молча? И видать, что-то промелькнуло в моих глазах, что Кащей вдруг сжалился.

— Отведите ее к целителям, — сказано это было уже без ярости и злости, и посмотрел Кащей при этом на внука Святогора, который едва не передумал на занятия ходить. Хотя... кто б ему дал передумать-то? Играл с ним Кащей, забавлялся.

И со мной играет.

Но Чернику увели, и мне почему-то легче стало — не могла я допустить такой несправедливости. Ежели Кащей не хотел, чтобы трогали его вещи, нужно было сразу о том упреждать.

— Мог и упредить, — вдруг сказал он, будто прочитав мои мысли. — Да только это был урок для вас — в Нави ничего не брать без спроса. Ни к чему нельзя прикасаться, никаких цветов нельзя рвать и ягод нельзя есть, воды нельзя пить... Все понятно? Урок сей все поняли? Тогда вперед!

И Кащей сотворил огненный круг, в котором были видны заболоченные ельники да суглинистые земли Нави. Сверкающие ступени вели от края этого круга до одной из огромных кривых елок, вокруг которой росли красные мухоморы и белые поганки, мерцающие в сумраке вечной ночи подземья. Тусклый лунный свет заливал ельник, и черные пни казались уродливыми карликами из старых сказок — вот сдвинутся сейчас с места, схватят за рубаху, и сам станешь таким же пнем, мхом порастешь, сгниешь в болоте... Но темные колдуны наши шли туда, в моровое царство, под пристальным взглядом наставника, шли, дрожа от отвращения и ужаса, потому что понимали теперь — Кащею перечить себе дороже.

Я напоследок глянула в окошко на светлых волшебниц, что с охапками луговых трав спешили к березовой роще, вздохнула тяжело и шагнула в

круг рычащего пламени. Навь плеснулась мне навстречу запахом моровых болот и гнилых деревьев, Навь схватила меня в кольцо своих веток, обняла туманами, набросив на плечи шаль призрачного света кровавой луны, и я едва не задохнулась от ужаса.

Нельзя живому в мертвый мир, никак нельзя... Неужто Кащей не понимает, что погубить нас может? Нам, людям, и дышать невозможно здесь, давит стылость и хлад, ядовитые пары, что от болота исходят, на губах оседают горечью и отравой, разъедая гортань, когда пытаешься вдохнуть... Нет рядом волшебной куколки Василисиной, нет моей помощницы. Но вот Кащей взмахнул полой своего черного, как ночь, плаща и будто куполом нас всех закрыл.

— Для первого раза достаточно, — усмехнулся он, глядя, как его ученики откашливаются и отплеваются с отвращением. — Второй урок какой? Аленка!

Обернулся ко мне, приподняв бровь, прожигает огненными глазами, а у меня от его взгляда колени от ужаса подгибаются.

— Второй? — Я растерянно оглянулась, рассматривая темную чащу за пределами купола, вспоминая прошлый свой приход в моровое царство. — Я... я думаю, нельзя сюда живым. Не наш это мир. Не ходить без проводника этими тропами заколдованными. Сгинешь...

— Не зря тебя Василиса хвалила... Возвращаемся!

И снова Кащей махнул полой плаща, и тут же все оказались в просторной светлой избе, за окошком которой шумела березовая роща.

Только повелителя мертвых больше с нами не было... А я уроки его навсегда усвоила.

Глава 7

Спала я без сновидений — травы Василисины помогали, которые Любава мне от нее принесла. Был это сбор чародейский, на изломе лета заговоренный. Липа, мята, мелисса с вереском, цветы и ягоды сушеные — хороший, пахучий сбор, и пить его приятно было. Горечи почти не чуяла я, аромат луга дикотравного дурманил, уводил дивными тропами, и змеились они по земле, солнцем прогретой, уводили по туману золотому. И словно бы прежде не было со мной такого — чтобы едва головой подушек коснулась, так и окутал меня этот туман, закружил, захороводил.

Поутру оказалось, что занятия на сегодня отменили — это Митрофанушка поведал нам, споро на столе скатерть-самобранку расстилая, словно некогда готовить было.

— Вы наряжайтесь, красавицы, рубахи нарядные вам припасены, сапожки красные да бусы рябиновые — будете с наставниками обряды творить! Сегодня равноденствие осеннее, веселые гулянья вас ждут, пляски с ветрами буйными да угощения от наставников, а опосля и посиделки будут!..

— Рябинкины именины! — обрадовалась Любава, рассматривая яркие бусы — ягоды были в хрусталь дивным образом помещены да на серебряную нить нанизаны и звенели тонко, нежно. Загляденье одно.

— Будут угощения вкусные, — продолжал Митрофанушка, — пироги с капустой, брусникой и мясом, дичь лесная будет! Так что мне поспешать нужно к печи моей, к помощнице дорогой. А вы тут управляйтесь и помните — общий сбор возле терема Василисы уже идет!

Мы с Любавой быстро поели и нарядились, рубахи как на нас шиты были, сапожки по ноге, и удобные, и мягкие. Полушубки меховые тут же припасены были и платки пушистые, видать, за пределы школы пойдем — туда, где осень ветрами хороводит.

Когда спустились с крыльца, то увидели на окошках — и наших, и других изб — кисти рябины с ярко-зелеными листьями. Говорят, что ягода эта от темных сил сторожит-охраняет, правда, мне смешно стало — в Зачарованном лесу и Кащей, и Марья Моревна бывают, а они-то как раз зимой повелевают, от которой рябиной люди простые защищаются... Впрочем, оказалось, что на время праздника мои наставники по темному колдовству покинули школу — нельзя им было на этом гулянье появляться. Но скоро их пора наступит — слабеет солнышко, отдает власть холоду.

И как я раньше не догадалась, когда меня нечисть во сне изводила, что можно веткой рябины круг чертить да на изголовье ее класть? Тогда бы сны мои, может, не впускали бы тьму и морок, не истязал бы меня шепот Той Стороны... Устала я вслушиваться в темень ночную, устала бояться, дрожать да вскакивать с постели, зажимая в руке полынь да купавские травы, чтобы в случае чего в глаза навью бросить их. Устала в каждый скрип и шорох вслушиваться... Неужто позади это все? Неужто буду спокойно почивать в горенке своей? Зачарованный лес хорошо меня принял, даже не верилось, что с этих пор не будут вороньем черным гости с Той Стороны кружить.

Когда солнце слабнет, самое время рябиной запасаться, на поветях убрать, место нечисти заступить. Вот и домовики наши с утра заняты, все готовят к зиме избы да постройки дворовые.

— Здесь этот праздник Заревницей кличут, — щебетала Любава, приглядываясь к стрелочкам на указательных камнях, терема наставников иногда совершенно в удивительных частях Зачарованного леса оказывались, исчезая с прежних мест, но за забором, в дикой чаще, никто не жил и уроков не вел. Запрещали нам выходить за ворота.

— У нас тоже так его звали, в полях как сухую траву жгли, так и стояло алое зарево по степи... Теперь дни быстро полетят, ночи темные будут, хотя тут и солнышко зачарованное светит, а все ж раньше времени на небе ему не оказаться.

Да, с Заревницы и зори багровей, и дни лошадиными шагами мчатся...

— Смотри, боровик! — Любава к нему бросилась. — У нас завсегда в этот день в лес ходили, и это последнее время царя всех грибов!

Но боровик вдруг вскочил и ускакал в густую траву, а соседка моя разочарованно вздохнула.

Возле терема главного уже толпа народу собралась — все светлые наставники и ученики их, и галдеж как на птичнике стоял. Странно, что темных колдунов, таких, как я, на праздник позвали... Впрочем, мы еще не на Той Стороне, мы здесь, в Яви, нам людям служить. Это после смерти неизвестно какой тропой уходить — говорят, ежели не передаст ведьма свое умение да силы чародейские, так и будет блазнем вкруг погоста бродить, покоя никому не будет. Правда, иногда можно было помочь таким душам — ежели найдется кто-то, кто поможет ей покинуть мир Яви. Способов немало было, да все сложные, связанные с риском. Да и кто по доброй воле будет умертвию помогать? Проще отправить его на Ту Сторону, в Навь, пущай там воеет да стонет. Вот так и получалось, что вроде как и можно ведьмам да колдунам помочь, да вот жаждущих сделать

это не больно много.

Едва на крыльце Василиса Премудрая появилась, как все замолчали, а я от мыслей своих попыталась отвлечься — рано мне еще о смерти думать.

Диво как хороша была наставница наша, в двурогой кике, украшенной желтыми самоцветами, с длинной вуалью белоснежной, в платье зеленом, так плотно усаженном зелеными хризолитами, что казалась ткань каменной, искрилась она и сверкала, словно вобрала в себя все последнее осеннее солнышко. Величаво спустилась Василиса по ступеням, скользя рукой по перилам, поприветствовала всех да и повела по широкой дорожке к воротам.

Там, за забором, уже лес дикий был, куда нас леший на своих занятиях будет водить, как будем мы к тому готовы.

— Хороши же вы сегодня! Ох хороши! — Рядом Иван появился, смотрит на нас с Любовой, улыбается, а соседка моя пунцовая стала. Неужто тоже нравится ей царевич?

И захолонуло отчего-то внутри, когда поняла я, что мил мне Ваня, но кто я такая, чтоб на взаимность надеяться, батюшка ему невесту подберет родовитую, с хорошим приданым... Вот Любава — чем не чета царевичу? Или Добронрава-боярыня, которая идет чуть в стороне в шубе соболиной длиннополой, и коса ее змеей черной лежит на блестящем мехе, украшенная перламутровыми жемчужинками. Косник звенит бусинками хрустальными, подвески из аметистов и лазурита с ветром играют. Знает Добронрава, что хороша, но брови сведет, нахмурится, губы подожмет, как вот сейчас, и сразу что-то в чертах ее проявляется жуткое. Будто бы из глаз ее сейчас морок хлынет, но не может того быть, одернула я себя, прогоняя мысли черные. Не может, потому как боярыня — светлая чародейка, и через нее Навь глядеть не будет. Может, то я вижу свое отражение в дивных очах Добронравы?

— Что молчите? — Иван будто обиделся, что я не ответила, и пришлось улыбаться ему да поддерживать беседу, чтобы не понял, что меня гнетет.

И Любава ласково поглядывала на него, а в глазах ее тени странные метались, словно рябь по озерной воде пошла, скрывая что-то в темных глубинах. Иногда рядом с нею находиться боязно было — словно взор ее открывал путь водяному ко мне, но сейчас, окруженной столькими чародеями да витязями, с Василисой Премудрой, что не идет, плывет над травами лесными, чего мне опасаться?..

Болтала и смеялась я, пытаюсь этим прогнать страхи свои, и удавалось мне не думать о плохом, пока мы не дошли до речки. Захолонуло все

внутри, оборвалось, словно я с высокой скалы в бездну лечу.

Была речушка эта небольшая да неглубокая, но на дне ее я увидела нечисть — зеленокосые водяницы скалились, затаившись среди ила и водорослей, вцепившись в подводные камни тонкими пальцами с острыми когтями. Я с тревогой поняла, что их словно бы и не видит никто — все шли себе спокойно по камням, которые торчали из воды на перекате. А на том берегу уже шелестела кронами осенняя чаща, лето осталось в чародейском месте, той части Зачарованного леса, где избушки и терема школьные стояли, огороженные высоким забором. Несколько богатырей маячили на смотровых башенках, совершенно не обращая внимания на наставников и их учеников. Половина же их уже была на том берегу, а я все стояла словно зачарованная, и сердце мое уже едва билось — все тише и тише стук его был, словно устало оно, бояться устало, ждать встречи с водяным устало. Жить устало.

Что за морок? Я тряхнула головой, пытаюсь его прогнать. Зажмурилась крепко, до звездочек перед глазами, потом посмотрела на воду, будто надеялась, что все исчезло, что померещились мне дочки водяного.

Но водяницы все тянули перепончатые руки ко мне, и взгляды их не обещали ничего хорошего. Злые и обреченные, будто наполненные слизью болотной.

— Что с тобой? — Любава меня за руку потянула. — Айда на тот берег!

— Погоди. Я потом... — Я отшатнулась, вырвалась и встретила с изучающим взглядом Ивана.

Царевич молча подошел и поднял меня на руки, я и ойкнуть не успела, а потом под общий хохот и улюлюканье понес меня через речку, уверенно прыгая по камням перекатным. Сердце его билось совсем рядом, и пахло от него пшеницей и горечью рябины — кисть этих ягод была приторочена к вороту его рубахи, как и у других учеников, вот только от остальных я этот запах почти не ощущала, а тут почти захлебнулась. Иван как-то странно поглядел на меня, а я спиной ощутила, как кто-то внимательно и злобно смотрит на нас. Добронрава, что ль?

Нет, не только она... Я обернулась и увидела глаза девчат, в которых рождалась зависть. Внимание царевича ко мне, видать, многих раздражало.

А самое обидное, соседка моя, Любава-хохотушка, брови свела да руки на груди сложила с видом самым недовольным. Будто завидно ей стало.

Тут Иван меня поставил на том берегу, улыбнулся приветливо. А я поспешно отошла от него, и царевич нахмурился, улыбка погасла, но не стал он ничего спрашивать.

На этой стороне было холодно, и все стали набрасывать загодя припасенные кожанки и полушубки, некоторые прихватили даже шапки меховые.

Листья шуршала под нашими ногами, а ветер звал к огромной поляне, на которой стояли сжатые снопы. Откуда они взялись тут, в лесу, неизвестно было, но никого особо не удивило.

На длинных столах расставлено угощение, в глиняных вазах расписных горят пожарами букеты из ярких осенних цветов и колосьев, исходят жаром пироги, дымит каша, высятся горы перепелов, и запеченные на костре зайцы и утки дразнят своими ароматами.

Василиса Премудрая лично разламывала тонкими пальцами хлеб и угощала каждого, желая ему удачи в обучении.

Тут же дива стали твориться — залетел на поляну огонь от вихря, рассыпая алые и золотые искры, но не вспыхнул сноп, перевязанный яркими лентами. Покружил огонь да и улетел, словно говоря этим — не останется без хлеба земля.

Я села за край стола, царевич рядом примостился, с улыбкой мне кашу пододвинул, словно на молчание мое больше не обижался. Она оказалась вкусная очень, на масле, сдобренная молоком.

Пока ели, танцевала на поляне, подоткнув подол красного платья, Фекла-заревница, дух урожая, волосы у нее были что соломенные лохмы, и торчали они, пламенели на фоне огненной листвы, сливаясь с ней. Не плетет она косу, бабий узел из волос не вяжет... Поверье есть одно — все, что завяжешь в этот день, вовек не развязать, и счастье будет крепким, и свадьба доброй, потому много уговоров в этот день случалось. Надо было домового о суженом спросить, что ж я забыла-то?

Но может, и хорошо, что забыла? Разочаровываться больно будет, это ж нужно было такому случиться, что я на царевича заглядываться начала.

И показалось по его хитрому прищур, что понял он все. Докучливые взгляды девушек, которые и сами были бы не прочь с царским сыном сидеть да из рук его кашу брать, смущали меня, зато Василиса Премудрая подмигнула задорно.

Но все одно холодная зыбь меня коснулась — не понравились мне взгляды Любавы, которую я уж подружкой почитать начала. Прожигала она меня глазами, и по всему видно — злилась. Что другие девки косо смотрят, что Добронрава прибить готова — с этим я свыклась, а вот от Любавы не ожидала. Не думала я, что она такая завистница, не думала и не гадала.

Каша вкус потеряла, напиток из хмеля и ягод сушеных простою водой показался, и я растерянно на соседку свою смотрела, не веря, что могла она

так измениться. И глаза ее водянистые омутом казались погибельным. Вдруг как теперь до меня доберется родня ее подводная?.. Это же бед не оберешься!

Но вот ощутила я на себе взгляд Василисы — настойчивый да приветливый. И сразу будто камень с сердца упал, дышать легко стало, звуки и запахи вернулись, развеялась тоска.

И я уже с былым удовольствием огляделась, забыв про плохое, чтобы насладиться днем этим дивным. Осенины, Туасень, Радогощь — в разных краях по-разному называли праздник урожая, знаменовавший окончание работ на полях, праздник осеннего равноденствия. Уже не так высоко солнышко в мире людей, за пределами волшебной школы, не греют лучи Деда Всеведа, но так много он повидал на белом свете, что старику особый почет.

В этот день все ближе время долгой зимней ночи, когда метель кружевами белыми украсит дикие чащи, когда реки замерзнут, спрятавшись от взгляда Марены лютой. Скоро уйдет солнце за тридевять земель, чтобы весной вновь родиться на свет прекрасным юношей.

Урожай собран, деревья готовятся к зиме, наряжаясь в золото и багрянец, а на нашем столе — огромный медовый пирог в рост человека, его пекла Василиса Премудрая и ее ученицы, травницы да целительницы. Я лишь вздохнула, на пирог глядя, темных к таким делам не подпускали.

Догорала на поляне огромная соломенная птица, а Добронрава и богатыри из рода Святогора, нарядившись в берестяные маски и украсив себя цветами, разыгрывали на деревянном помосте сказку о витязе и подземном царстве, сказку об уходящем на покой солнце и близкой зиме. Скоро и прыжки через костер...

— Ты будешь со мной прыгать? — вдруг спросил Иван.

А я едва куском пирога не подавилась. Закашлялась, перевела дыхание.

И промолчала.

Ведь все знают, что это значит — что парень девушку под свое крыло берет, что невеста она его.

— Ты, Ванечка, не спеши, — вдруг из-под лавки высунулась костлявая мордочка жены моего домовика, кикиморы болотной. — На нашу Аленку роток не разевай! Пока с батюшкой-царем не переговоришь, не смей позорить девку!

И скрылась.

А у меня щеки огнем горели.

Иван достал из корзины с фруктами пару наливных яблочек, протянул

одно мне.

— А вот и поговорю! — заявил уверенно.

Пылали священные огни, а мне отчего-то стало страшно — не принесет добра эта любовь, разве ж захочет царь наш на троне темную ведьмарку видеть? Да еще и проклятую, водяному обещанную...

Нужно Ивану правду рассказать.

— Говорят, от ее взгляда леденеет и стынет сердце, а от прикосновения иней появляется, цветы снежные распускаются. Много чего о ней говорят, да вот хорошего мало, — ворчал домовой, глядя по спине кота Ваську, который урчал громко, довольный.

— А как ее к нам тогда допустили? — удивилась Любава, сидя у окошка да косу плетя.

Надо же, заговорила со мной, а то все отворачивалась да губки поджимала, глаза отводила. После праздника урожая, когда все заметили внимание ко мне царского сына, соседка отмалчивалась, делая вид, что меня и вовсе в горнице нет, седмица уж прошла с того дня.

А может, дело в том было, что Иван куда-то запропастился и его странное очарование поуменьшилось? Вот солнцем готова поклясться — нечисто тут, будто бы он чары какие использует, раз уж все красавицы местные с него глаз не сводят. Хотя, может, кровь его царская и была тем самым колдовством, что девчат ворожило? Кто ж не захочет в золотой парче ходить да в теремах дивных жить?

А то, что он меня звал через костер прыгать, — так я ж не совсем дикая, понимаю, что у чернавок права голоса нет, не привык, видать, царевич, когда ему отказывают.

— Заснула ты иль как? — недовольный Любавин голос вывел меня из задумчивости.

— Тебе-то что? Марью Моревну небось не к вам допустили-то, — вздохнула я, поднимаясь с лавки — душно стало, тошно, захотелось на воздух.

— Если до сих пор обижаешься, — сверкнула глазами моя соседка, резко перебросив косу за спину, — так пойми ты — нехорошо было так явно с царевичем миловаться!

— Не миловалась я с ним! — вспыхнула я и бросилась из горницы. Не чуя ног, сбежала по ступенькам, но вдруг будто на стену напоролась. На черном бархате небес светились ярко созвездия, и ветер доносил сосновый терпкий дух из-за забора. Ни души вокруг нашего с Любавой терема, и в траве лишь чуть слышны песни кузнечиков да трескотня сверчков. Отчего

же меня невидимая стена от сада отгородила?..

— Нечаво шастать по ночам! — послышался голос Митрофанушки. Домовик показался на тропинке, ведущей в сторону избы, где травницы зелья лечебные готовить учились, и в сумраке он показался просто тенью среди множества других теней. — Спать надуть ночами, а то удумали...

Я покорно вернулась в сени, а там уже стояла Любава, хмурилась, руки на груди сложив.

— Ты подумай о том, что завтра тебе встреча с мороком зимним предстоит, — сказала она тихо.

Из горницы выскочил кот, потерялся о ногу хозяйкину, но с меня глаз зеленых не сводит.

— Не может такого быть, чтобы вред она причинила кому, здесь же Василисы царство... — так же негромко ответила я. — Неужто осмелится пить силы людские?

— Если Кащею обещали плату, так, может, и ей тоже? Айда в избу...

Повернувшись, пошла к двери, я следом. А затем Любава мне и рассказала все, что от батюшки слыхивала — он в свое время в плену моровом побывал, едва выбрался из ледяного терема, что стоит на границе между Явью и Навью.

— Марья Моревна много имен имеет — Марой ее еще кличут, Мареной... и Смертью. Она — зимняя стужа и морок холодной ночи. Любит она прясть и ткать судьбы людские, и нити этих судеб в ее костлявых руках.

А еще рассказывают, что она невеста Кащея, наставника по воскрешению мертвых, проводника в навий мир, но не больно рад он тому, хитростью Марья его обольстила, но что он получил в обмен на свою свободу, про то никто не знал.

Почему-то после того, как Любава рассказала о жениховстве Кащеевом, мне тоскливо сделалось, хотя отчего ж меня это волновать должно? Но в ночи, за окнами терема, видела я лунноволосого витязя с пронзительными синими очами, он глядел на меня с черных небес, и сердце билось сильнее.

А Любава дальше рассказывала... Мол, живет Марья во дворце из искристого льда, дружбу с Ягой водит, отдавая ей души людей, а взамен старуха позволяет богине смерти царить в навьем мире.

Зима — это и есть Марья Моревна, дивная королевна, и длинными темными ночами она безраздельно властвует над русской землей, до краев наполняя Навь душами тех, кто замерз в холодной ночи, кого увели колдовская метель да вьюга чародейская. Она не пленница Нави и никогда

ею не была, что бы там ни говорили... Посланницы ее по всему миру бродят-ходят, принимая обличья человека, которого заморочить надобно, могут и о смерти скорой предупредить.

— Так что, коль встретишь своего двойника, знать скоро помирать... — закончила Любава свой сказ.

Спать мы легли поздно, долго еще сидели у лучины да в ночь вглядывались — словно бы ночницы, верные помощницы моей наставницы, могли к нам проникнуть да сон наш украсть, подменив кошмарами жуткими... Не сказывала я про то, но продолжала среди облаков, освещенных луною, видеть узкое, скуластое лицо Кашеево — то, тайное, которое он от учеников прячет. И страшно оттого было, и в то же время весело, но какое-то жутковатое было это веселье, словно я гляжу на хоровод волшебниц-вил, которые меня тропюю дивьей увести могут. Заплутаю среди миров и времен, вовек дорогу не найду назад, буду кружить в зачарованном тумане среди белых птиц.

Они мне и снились — с опереньем мягким, которое серебром отливало, с шеями длинными и изящными, с глазами алмазными. Танцевали птицы на берегу, заросшем лютиками и незабудками, травой молодильной, и сладкие ароматы кружили мне голову, и жемчужные колокольчики ландыша звенели хрустально, когда касался их ветер. Дивный сон, хороший.

А наутро пришлось мне идти в северную сторону, туда, где не было теремов ярких расписных да клумб с пышными цветниками, туда, где среди ельника да осинника несколько изб на курьих ногах стояло. Судя по указательным камням, именно там нас должна была ждать наставница, встреча с которой больше всего страшила.

Возле перекошенной избы, на крыше которой темнел мох и зеленела трава, я и увидела высокую красавицу с черными косами, синее платье ее сверкало на фоне черного ельника, словно было колотым льдом украшено. Лазурные ленты в косах, белые кружева ажурные на платье, самоцветы по подолу выются чудным морозным узором, на груди — бусы из жемчуга... Не была наставница старухой, да и излишне худой тоже не была — видать, может любой облик принимать. Кожа ее была белей снега, глаза — черная ночь колдовская. Вся она — воплощение холодного достоинства, величавая, изящная.

А неподалеку я заметила вырезанного из дерева идола, обложенного камнями, а на самом крупном из них лежала деревянная дощечка — словно бы это был алтарь какому-то богу.

Или богине.

Я внимательно посмотрела на Марью Моревну, которая молча ждала, пока все соберутся — не явились еще братья Енисей да Емельян, кои завели дурную привычку всегда опаздывать... От наставницы веяло стужей, по земле ползли змеями снежные узоры, иней сковывал траву, и белая крупа покрывала камни и корни старых деревьев, кои в непосредственной близости от Марьи были. Запах зимней свежести плыл над поляной, запах поленьев сосновых да смолы. А в глазах колких наставницы нашей — царство снегов и мороза. Обрекает взгляд ее все отжившее на смерть и хлад, и нет пути назад из морового навьего мира, куда привести может королева эта.

Чему учить она будет?..

Смерть насылать?.. Али вьюгами-метелями повелевать?

Тут показались запыхавшиеся братья — у одного кафтан навыворот, у другого пояс криво подвязан, видать, проспали. Марья Моревна взглянула на них искоса, повела соболиной бровью, рукой взмахнула — и ледяными статуями застыли Енисей с Емельяном.

— Так каждому будет, кто не проявит уважения должного, — холодный голос наставницы раздался в тиши. — На первый раз наказание будет невелико, к вечеру растают и облик свой вернут, на второй — на седмицу во льду запру, на третий — навсегда в Навь заберу.

Смотрю — колдуны наши взгляды отводят, жутко всем, страшно. Повелительница смерти, кощная владычица Нави сразу свой норов показала, пощады ждать не придется. Тяжко придется у ней в обучении...

Наставница прошла в избу, нас поманила за собой... В темных сенях все инеем было покрыто, с потолка сосульки свисали, и едва зашел последний ученик, как поток замерзшей воды перегородил выход.

И словно бы не в избе Зачарованного леса были мы, не в школе Василисиной, а в тереме ледовом.

Улыбнулась тонкими губами Марья и начала свой первый урок.

Оказалось не так все и страшно — всего лишь морозить воду нас учила она да инеем на окошках рисовать.

Но все одно тревога в душе разрасталась, ширилась, и леденело сердце под взглядом Марьи, наставницы нашей.

А к вечеру, когда в терем я свой вернулась, то увидела, что соседки моей, Любавушки, до сих пор нет, хотя их занятия должны были раньше закончиться. Это нас Марья Моревна до ночи держала, чтобы обряд показать один, его по сумеркам только творили.

Зря я боялась урока этого, далось мне легко из звездного света сплести узор заклинания, даже волнующе это оказалось, да и наставница осталась

мною довольна, ледяные глаза ее с интересом на результат моего колдовства смотрели. Родился у меня дивный цветок, похожий на лилию, и лепестки его источали такой сильный аромат, от которого голова кружилась, мог он грезу насладить моровую, мог сгубить, но мог и счастье подарить неземное, к звездам вознести. Смотря с каким желанием срывали его.

Но не удалось никому насладиться грезами или кошмарами моровыми — скрыла Марья Моревна цветок, строго-настрого запретив использовать это заклинание для баловства, пригрозила она, что тот, кто ослушается, будет отвечать перед ней, а глядя на статуи ледяные несчастных наших друзей, кои, впрочем, уже оттаивать начинали, поверили все беспрекословно — не спустит моровая дева проступка такого.

Я все еще о цветке да новых умениях думала, когда услышала дикие вопли Васькины — кота Любавы. Он метался вокруг терема, орал, царапал подпорки перил, шерсть его дыбом стояла, казалось, звал за собой. Домовик его едва успокоил, потому как вечером полог опустился на терем и пойти куда-либо от него в сторону нельзя было, словно невидимые стены окружили избу.

Наступило утро, тревожное и хмурое, пасмурное — непривычно для Зачарованного леса это было. А соседка моя так и не вернулась. Я всю ночь не спала, лучину жгла, заговоры шептала на ее ленту, пытаюсь увидеть хоть след ее в Яви, но не было нигде Любавы. До рези в глазах всматривалась я в темную ночь за окнами, а после в воду заговоренную, но так и не смогла узнать, куда сгинула несчастная. Лента ее вскоре пеплом рассыпалась, а кот продолжал жалобно мяукать под лавкой, где обычно любила хозяйка его сидеть с куделью своею.

Глава 8

В саду тенистом дышалось легче, чем в теремах, — яблони уже истекали медовыми соками, золотились на серпеновом солнце, красными боками из зелени выглядывая. Листва свежая была, сочная, словно и не заканчивалось лето. В тех краях, где я выросла, на окраине Дикого поля, уже бы иссушило и листву, и траву, да и не веяло бы еще запахом осени. Пекло бы стояло. А здесь, в северных лесах, уже и паутинка по ветру летает, и прогорклый дым стоит поутру над оврагами и лощинами, туман стылый от реки поднимается. И кажется в этой седой дымке, что окружает дивным облаком волшебную школу, что парят резные терема в поднебесье, направляясь в светлый Ирий, чтобы там, среди молочных рек и кисельных берегов, переждать снежную зиму.

Задумавшись, я сидела на скамье за заплотом, на пригорочке, что полого к реке спускался, и так хорошо мне было на солнцепеке, что еще чуток — и мурлыкать начну, как кошка, что сметаны объелась. А подумать мне было о чем — занятия мои в школе лесной начались не так давно, а уже успела я в беду попасть. Царевич, с которым давеча познакомилась, оказался не так прост, как хотел показать... Казалось бы, что мне до того? Я девка простая, не королевских небось кровей, а все ж как вспомню, как улыбался мне Иван на празднике урожая, так и стынет все во мне, сгорает от нового дивного чувства — никогда мне так сладко не было, никогда еще не дрожала я от одного взгляда, одного прикосновения.

Даже жалела теперь, что через костер отказалась прыгать. А теперь пропал царевич, сказывали, случилось что-то с его сестрой, вот с Серым Волком они и отправились в стольный град.

Когда приедет? И приедет ли? Или из-за того, что прямо из школы пропадают люди, не разрешит царь-батюшка сыну своему вернуться в Зачарованный лес? И как представила я, что никогда не увижу Ивана, так тоскливо стало, словно жить мне больше незачем.

И сейчас вот, вспоминая тот день, когда на елани среди чащи дикой костры горели, а девки с хлопцами, взявшись за руки крепко, прыгали через ярое пламя, что дарило их судьбой счастливой, горько мне было, словно белены объелась.

Вестимо, отчего горчило! Невесту царевичу подберут небось, белолица да румяна будет, телом пышна, с косой светлой, золотистой, с бровями соболиными, губками — что ягодки дикой земляники... И

приданое за ней дадут большое — несколько городов да сотню деревень. И я рядом с ней буду — голь перекатная, тощая да костлявая, с рыжей своей косой, что все время расплестись норовит... И ладно, что бедна, и таких замуж берут.

Но вот беда на мне — порчена я, проклятие ношу в себе с рождения. Обещана была батюшкой водяному, да вот откупил он меня, хоть метку и не снял... Кому такая жена нужна, за которой все едино подводный царь придет?..

— Отчего не на гульбище? — послышался раскатистый голос Кащея, наставника нашего по заклинаниям мертвых да проводника по навьюму миру. — Молодняк поет да пляшет, гусли и дудочки веселят народ, одна ты тоскуешь в стороне ото всех.

Обернулась я — стоит он в заморском коротком плаще, одна пола на плечо закинута, и сверкает на впалой старческой груди толстая золотая цепь с кроваво-красными рубинами, а седые волосы ветошью на ветру трепещут... Жуткий, страшный, костлявый.

Да только помню я, каким он может быть, ежели захочет. До сих пор, как глаза прикрою, вижу среброволосого синеокого витязя, статного да высокого, в парче и мехах... А иногда и воочию он предо мной. Что за наваждение?..

— Марья-кудесница приехала, а она, говорят, может стать невестой Ивану-царевичу, вот отчего ушла ты... — будто прочел мои мысли Кащей. Сел рядом, и тень его на землю упала — иней тут же лег на травинки, и тонкий хрустальный звон послышался в тиши яблоневого сада.

Навь всегда за спиной его, стылым и холодным становится воздух от дыхания Кащея, словно бы мертвое царство в Явь пытается попасть через него, как через ворота. И пока держит их наставник мой закрытыми, покой будет царить в мире живых.

Но что, ежели обозлится на что Кащей? Или захочет мороком окутать все вокруг? Что тогда?.. Жутко даже думать о таком.

И снова я подивилась — как его в школу волшебную наставником приняли?.. Видать, равновесие должно быть в мирах, и света без тьмы не бывает. И такие, как я, метку проклятия на себе носящие, одаренные черными силами колдовскими, должны уметь их сдерживать. Никто ведь не знает, что случится, вырвись тьма из моей души... Вот Кащей и поможет сдержать ее.

— Я привыкла одна быть, — ответила я, когда поняла, что наставник все еще ждет моего ответа. — Не пропаду. Главное — школу закончить да силой владеть научиться. А все остальное — быльем порастет.

— Не порастет, — скрипуче, резко ответил Кащей. — Сердце ты себе рвешь! Да только пойми, не нужен тебе этот дурак. И не гляди на меня так! — он даже голос повысил, увидев мой взгляд изумленный. — Царевич он или нет, а дураком оттого быть не перестанет! Не видит он дальше своего носа! И не уразуметь ему, что в руках держал да упустил!

О чем это он?.. Я вспыхнула, словно пожарище в груди разгорелось, щеки запылали — наверное, красными пятнами пошла, как обычно бывает, когда волнуюсь сильно.

— Гордец напыщенный твой Ванька, вот он кто! Смотреть в его сторону не смей! Ничего путевого из того не выйдет! — Грозной тенью навис надо мной Кащей. Глаза сверкают антрацитами, кожа еще больше побелела, вовсе как снег стала, скулы острые, изо рта клыки торчат, на волкодлачьи похожие.

Кричит, плащом, как крыльями, машет, наступает на меня. Я чуть назад отклонилась, когда понесло на меня запахом тлена и старого склепа — едва не задохнулась от вони. А так как скамеечка была простая, без спинки, то и сверзилась я с нее, только ноги в старых онучах вверх и взметнулись.

Но не успела я травы коснуться, как Кащей черным вихрем меня подхватил, и вот я уже стою на краю обрыва — словно в иной мир он меня вытащил. Вокруг тучи клубятся, словно стадо чернорунных овец, полыхают молнии, но грома не слышно... Вообще тишь стоит вокруг дивная, как будто бы звуки не долетают сюда, словно преграда между вершиной скалы и грозой. И оттого еще страшнее тучи да блискавицы глядятся.

А Кащей — снова тот юный витязь с пронзительными льдистыми глазами. Колкий взгляд у него, опасный. И шепчет он мне жарко о чувствах своих, о том, что не должна и глядеть я ни на кого, что он силу мою освободит, что вместе мы в Нави править будем. Шепчет, что царицей меня сделает, что в шелках да парче ходить буду, с золотой посуды есть да на колеснице алмазной ездить. Все будет в моей власти...

Да только не нужно мне этого ничего. И увидел он в моих глазах ответ.

Отшатнулся, словно ударила я его. Птицей, вороном чернокрылым обернулся, да и со скалы — камнем в пропасть.

Тут же буря на меня диким зверем набросилась, от резкого порыва холодного ветра я едва не задохнулась, пошатнулась, да и следом за Кащеем в пропасть упала...

Миг — и вот уже снова лежу я на траве, надо мной яблони шумят, небо синее-синее, как васильки. И нет ни ветра, ни грозы... ни Кащея.

Только трава колется — в иней закована.

На ветке старого дерева, что надо мной нависла, горлица сидит, смотрит на меня внимательно, словно бы запомнить пытается. И вдруг говорит птица дивная:

— Правильно ты сделала, что отказала царю навъему, правильно...

И спорхнула с ветки, улетела прочь.

— Аленка! — Иван из-за терема вышел, а мне подумалось — чего он делал в той стороне сада? Нас там обычно темному волхвованию учат, да и ворота с другой стороны... Но я, забыв все, к нему бросилась.

А он обнял меня, и слышу — сердце бьется часто-часто под алым кафтаном узорчатым. Разрядился, как на праздник какой, рубаха тонкого шелку блескучего, соболя шапка, на сгибе локтя висит шуба из такого же меха. Явно царевич только с дороги — ведь за пределами этой части Зачарованного леса осень мгlistая, первые заморозки... Не успел переодеться — и ко мне? Всякий раз, как видела Ивана в богатых царских нарядах, понимала — не пара мы.

Но вспоминалась первая наша встреча — как притворилась я слабозрячей, чтобы скрыть, что не знаю, куда мне идти на подворье Василисином, и как потом смеялся царевич надо мной да над придумкой этой, он-то решил начаровать мне здоровье, седмицу над книгами лекарскими провел, потом еще три дня травы нужные добывал. Вспомнилось, как к костру тянул на Радогощ, а я вырвалась и убежала под девчачий хохот, как боярыни, которые целительство изучали, увидели, что несусь я от царевича ланью перепуганной. Они ему путь тогда и загородили — пока из их хоровода вывернулся Иван, я уже опять за столом сидела, причем таким образом, что места вокруг и напротив заняты были — не подступишься.

Пошла бы сейчас с ним к огню? Прыгнула бы?..

— Ты не балуй! — Я из рук его вывернулась, памятуя о том, что Кашей говорит, что для Ивана уже невесту нашли. Может, он свататься ездил?

— У меня сестра исчезла, — вдруг сказал он глухо. — Был у нее жених — Сокол Соколович, так вот и он, хоть и сильный колдун, не ведает, куда Марья подевалась. Не только у нас здесь девки пропадают. Серому пришлось в теремах отцовских остаться — еще две сестры у меня, сторожить их будет.

А мне стыдно стало за свои подозрения. Чую — покраснела до самых ушей. А ведь говорили же, что из-за сестры он поехал в стольный град, да и ежели б сватовство было — почему боярыня тут осталась? Колобродят

слухи да сплетни, не дают жить.

Сама прильнула к Ивану, гляжу на него снизу вверх, а он моей косой забавляться начал — то накрутит ее на руку, то примется кончиком ее щекотать мне щеку. Я его не пыталась разговаривать, просто радовалась, что он рядом. Никто не знает, что дальше будет, пусть хоть воспоминания у меня хорошие останутся.

Правда, слова наставника по темным искусствам прочно засели в сердце — о том, что навряд ли возьмет Иван замуж. И то правда, какая из меня царица?.. Я вздохнула и взгляд отвела, чтобы царевич не заметил в нем тоски.

— Что я пропустил, пока домой ездил? — спросил он.

— Сегодня же общий сбор у лешего, — вспомнила я, подхватываясь, — после того, как пропала соседка моя... Вань, а как ты думаешь, это кто-то один виноват в пропажах девчат? Сначала Варвара, потом сестра твоя... еще Любава. Кто следующий?..

Если бы я только знала кто!.. Если бы знала, к чему приведет новая беда!.. Но в тот день никто даже представить не мог, что случится в волшебной Василисиной школе в Марьину проклятую ночь.

...Шла Навья седмица по миру, ждали люди праздник осенних дедов, но здесь, в Зачарованном лесу, несмотря на то что сама Мара-зима с нами рядом ходила в виде Марьи Моревны, наставницы по черному колдовству, не было страшно, как прежде всегда бывало. Верилось — Василиса Премудрая защитит своих воспитанников.

...Закончится Навья седмица Марьиной ночью, когда ворота в Навь распахнутся и из царства мертвых любая мерзость сможет в Явь выйти. Беречь себя надобно в это время, предков чтить да помнить — всем воздаст повелительница зимы и холода, кому — уютом и теплом очага, светом негаснувшей свечи, а кому — холодными колючими метелями да мороком проклятой ночи.

В эту седмицу Митрофанушка при помощи Кузьмы наводил порядки и чистоту в теремах да на подворье, сурью — питный мед — готовил к Макошиному дню, который завтра в Яви наступает, важно домовым все успеть, ведь должны прекратиться все работы по дому, время рукодельниц наступит. Будут помогать они Макоши прясть нить судьбы, защищая ее от злых помыслов Марены. Доля и Недоля будут с мастерицами в горенке сидеть, помогать пряхам.

В нашем селении во время Навьей седмицы зазывали духов предков, потрапезничать с детьми, кои живут в Яви. Но я завсегда звала и тех духов, кому некуда идти, тех, которые без помина остались, никто ведь не знает,

что ему суждено. Вдруг когда и самому придется промеж мирами летать бесприютно?

...Иван меня от мыслей этих отвлек, достав из кошелька камушек самоцветный — огненно-алый, теплый он был, в глубине его разгоралось ярое пламя, согревая и душу веселя. Цвет любви и страсти, цвет власти и могущества. Я на солнце через кристалл взглянула — и медовый оттенок принял камень, золотые искры в нем распустились дивным цветком.

— Это сердолик, — сказал Иван, — из сокровищницы отцовской камень. Хочу, чтобы всегда с тобой он был. Защитит да убережет он от бед. Боюсь, что следом за своей соседкой и до тебя тать проклятуший доберется. Береги себя, Аленушка.

И ушел, оставив меня в истерзанных чувствах. Зажала подарок в руке, и показалось, согревает он ладонь, словно уголек держу из костра.

А впереди была самая страшная ночь в году, и надеялась я, что духи защитят нас всех от неведомой опасности.

Ночь Марьяна будет жечь костры из опавшей листвы, будут дрожать в окнах огоньки свечей, будут тени кружить над лесом, будет слышаться за порогом звонкий смех, будут заглядывать в окна ледяные глаза — два мира сольются воедино, и кого уведет за собой Мара, кого закружит зима?

Какую маску наденет она, под чьей личиной попытается проникнуть в горницу? И до рассвета люди будут играть в зверей, надев страшные маски, а звери... звери станут людьми.

Хорошо, что Иван вернулся. Не так боязно будет в эту ночь.

В тот день у нас только занятия в лесу были, отправила Василиса всех к лешему — и травников, и светлых волшебников, и колдунов темных, и витязей. Видать, должен он был о безопасности рассказать — после исчезновения Любавы все ходили перепуганные, боялись собственной тени.

Я же, после того как с Кашеем в саду столкнулась, тоже не решалась одна оставаться — и хоть соседки у меня больше не было, к счастью, Кузьма не был против сопровождать хозяйку. И к лесу, где леший всех ждал, домовик меня провел, обещавшись после занятий забрать и отвести в горницу, где тосковал и орал вечерами черный котяра, которого притащила моя пропавшая Любава.

— Я леса хорошо знаю, кроме меня, вам некому будет подсказать да показать... — Леший на всех смотрел свысока, как на поганок каких. Оставалось надеяться, что он не из пакостников. И хоть был он уже у нас на замене, когда первая пропажа обнаружилась — Варвара-краса,

наставница по зельеварению, а все ж здесь, в лесу, в своей вотчине, может он и иной лик показать.

Одет лешак был просто, но тепло, в звериную шкуру, застегнутую слева направо, лапти тоже перепутаны.

За пределами той части Зачарованного леса, где занятия шли, уже поздняя осень стояла, приближалась Марьиная ночь стылая, оттого и кутались все в шушки да кожухи, правда, некоторые боярыни в песцовых али соболиных шубах красовались, платками белыми пуховыми подвязанные. Брови сурью али углем подведены, губы соком ягодным смазаны, чтобы ярче быть, красивее. При их чистой белой коже, матовой да шелковистой, хорошо гляделось сие, я же представила, каким пугалом я буду смотреться, ежели брови намалюю, так и едва от смешка удержалась.

Взяла себя в руки, сосредоточилась на том, что наставник наш говорит.

— Так вот, первое, что должны вы знать, — в лесу диком не галдеть, не кричать, подношение Хозяину на пеньке, вокруг которого мухоморы растут, оставлять надобно — зайца там али хлеба кусок. Что есть, тем и угощайте, тогда и лешие тех мест будут к вам благосклонны. Чтоб не блуждать, онучи да сапоги с левой ноги — на правую, да и наоборот, кожух выверните, но это не должно внове для вас быть, с детства, коли за ягодами-грибами отправлялись, должны были приучаться...

Все слушали лешего, на пнях рассевшись по кругу, за пределами этого круга грибница разрослась да навалены были листья сухие, будто их кто специально сгреб. Пока лесной Хозяин с нами говорил — все в росте менялся, то вырастал выше деревьев, то с травинкой равнялся.

— Лесовики любят с пути сбивать да по чаще кружить, но беды не причинят. Вы другого бойтесь — порождения Нави. Жаль, что не все могут на занятия к Кащею ходить, он бы лучше порассказал... — Леший наконец перестал то расти, то уменьшаться, стал с меня росточком, на пеньке, что в центре находился, уселся, ногу на ногу закинув.

А я и рада была, что мало было занятий с повелителем Нави — страшно на Той Стороне, погибнуть можно. Потеряешься — вовек не найдут.

А лешак дальше продолжал рассказывать, как себя вести в разных лесах, с кем столкнуться можно: про лесавок, которые деток воруют и память им стирают, поведал, про то, как дитя вернуть можно, подарив ему что-то из прежних его забавок али материнскую ленту из косы; про кикимор и шишиг, что забавляются, парубков заманивая в болота; про лиходеев всяких да про помощников — не все духи леса человеку враждебны были. Что знала я, а что и впервые слышала — так что полезное

было сие занятие.

И как чуяла я — пригодятся скоро умения да знания того, как в лесу себя вести...

Леший жизнерадостен был, смеялся к месту и не к месту, пугая зайцев и птиц, иногда в куст рябиновый или терновый превращался, иногда — в мшистый пенёк, показывая, как лесные духи морочить могут, озорничать. Про ворону сказывал волшебную — птица эта вещая помочь могла, ведь живёт, сколько человеку простому и не снилось... Частенько над избушкой Бабы Яги кружит, пленников ее стережет. Но тут же со смехом леший нам принялся про Ягу истории травить — мол, не так страшна старуха, просто жаждущих в Навь пройти многовато, непонятно чего шастают, вот и должно кому-то за порядком в Приграничном лесу следить.

А мне Иван давеча сказывал, другая сестра его замуж за царя их, Ворона Вороновича, собирается, вот бы поглядеть хоть одним глазком на птичью свадьбу! Дворец вроде как у жениха-оборотня стоит на самом высоком дубе, прадубе, — и среди ветвей его, с галерей открытых видать далёко-далеко, все края и все царства, а растёт тот дуб на острове Буяне волшебном...

Я и не заметила, как время пролетело, — интересно было в гостях у лешего, я бы ещё слушала и слушала его.

Но вышел срок — пора было в школу вертаться, к Навьей седмице готовиться.

Глава 9

А на Марьину ночь беда стряслась большая — ночь эта колдовская на начало груденя приходилась, когда Зима становилась владычицею мира Яви... Белобог в это время передает коло своему брату Чернобогу, и зачарованные врата Нави до первых петухов распахнутыми остаются. Явь не защищена, кто угодно и что угодно может из мертвого царства проникнуть в мир живых, оттого и берегутся люди в эту пору, двери запирая да ставни захлопывая, травы обережные на порог бросая, полынь да горицвет сушеные под притолокой развешивая да вокруг окошек — чтобы никаким путем не могли навьи попасть в дом. Останется все там, в ночи морозной, и будет морок стонать да выть разными голосами... и нельзя верить, если в свисте ветра послышится родной кто-то. Нельзя двери открывать. Нельзя выходить навстречу. Затаиться надобно и сделать вид, что не слышишь ничего, может, тогда и оставят мертвяки в покое.

А не справишься с соблазном, лишь шагнешь за порог — и все, навек пропадешь в колдовской метели. Уведут мертвые на Ту Сторону.

...Погода за пределами Зачарованного леса премерзкая была — дождь моросил, мокрый снег срывался, холодные ветра дули, слякоть да мряка. И на душе тоскливо было, особенно как вспоминала я, что Любава моя тоже среди пропавших числится. Стыдно было, что я от нее отгораживалась, непонятен страх мой прежний был — казалось, войди сейчас соседка в сени, так и кинулась бы я ее обнимать да чаем с малиной отпаивать. И надеялась я, слушая свист ветра за окнами, что еще свидимся мы с нею да не раз споем в два голоса ту песню ее любимую про девушку, которая березкой стала.

Беда пришла в чародейскую школу, когда ходили под окнами теремов ряженные в зверей ученики, чьи лица были закрыты берестяными и меховыми личинами, беда пришла, когдапустила Василиса в Зачарованный лес морок стылой предзимней ночи, предупредив, что утром снова будет как прежде — вечное беспечное лето.

Каждый, кто надевал маску, играл в то, что втайне почитал в своей душе. Я знала, что наши рыжие братья, которых не так давно приласкала ледовым прикосновением Марья Моревна, превратились до рассвета в медведей, вывернув наизнанку доху, нацепив личину звериную, а царевич мой волком обернулся, закутавшись в серый мех с головы до пят...

Я не выходила из своего терема, Иван мне запретил, сказал —

неважно, кто звать будет, кто заговорит под окошком, молчать я должна. Ведь и так я темным проклятием помечена: я ведь рассказала ему все же в день Макоши обо всем — о водяном царе, о батюшкином обещании, о том, как откупиться он пытался, заплатив собою, о том, как матушку утащили русалки, как меня манят-зовут.

Все рассказала.

О том, что к текучей воде мне и близко подходить нельзя без сильных берегов, о страшных снах своих, кои мучили с юности, пока Василиса не помогла прогнать мар.

Должен знать царевич, кто я такая, — нельзя обманывать. Если чисты его помыслы, то не простит он меня, что обманом замуж пойду, скрыв, что охотится за мной водная нечисть.

Удивительно, но Иван не обвинял меня ни в чем, лишь заботливей стал, с камушком сердоликовым просил не расставаться, я его в кожаный мешочек положила, на шею повесив, и добавила сухой полыни, чтоб запах ее горький русалок прогонял, ежели вдруг рядом они окажутся.

Скрипела дверь моя в Марьину ночь, половицы в сенях стонали, но я не выходила, сидела на лавке, прижимала Ваську-кота к себе, а он мурлыкал, успокаивал. После исчезновения Любавы он все еще тосковал, жаль животину.

Под окошком шепот раздавался — хриплый, звериный...

— Скорей отвори! — слышалось в Марьиной ночи жадное, стылое...

Кто это был? Неважно.

Не открывала.

Жгла свечи, верила, что все души людские, что заблудились в потемках, что путь утратили, смогут увидеть мой огонек и прийти на трапезу праздничную.

Ночь эта — великая, границы меж мирами сметающая, души предков и души тех, кто будет жить в будущем, кружат в черных небесах, бродят туманными тропами, все умирает, и все рождается вновь.

Я должна в эту ночь победить свои страхи, очиститься от зла и тьмы, войти в рассветную стынь обновленной.

На столе — миска с угощением для душ, у окна — свеча трепещет мотыльком, яблоки истекают медовыми соками, сладко пахнут, и белеют на лавке осенние нежные цветы, ломкие, хрупкие, я их нарвала в лесу за оградой, когда было у нас занятие, посвященное защите от магических нападений. Вот утихнет вой за порогом, сплету венки.

И нет в моем сердце сожаления или боли. Нельзя ни о чем тосковать, нельзя плакать. Двери распахнуты в сенях — вот и скрипят, видать, то

души ходят... Когда отец был со мной, он всегда поминал предков, рассказывал о дедах да пращурах, чуров, что в очаге жили, к столу звал. Живы ли родители? Или и их души прилетят на трапезу ко мне?..

Шепотки начали доноситься из сеней, сквозняк коснулся занавесей, огладил холодной рукой мою щеку. Дрогнул огонек свечи, но не погас.

Тень скользнула в комнату — угловатая она была, юркая, как ящерка, то на стену заберется, то по притолоке промчится.

Я, в нее вглядываясь, прошептала:

— Не проси ни о чем... Возьми что положено и уходи.

На месте костров — зола, на месте лесов — вересковые пустоши. Кто знал, когда тень жила эта? Что она оставила по себе и что с собой принести может?.. Безымянная, молчаливая, скользнула она к миске, отведала угощения, и на миг показалось мне, что вижу я женщину старую — белы у нее косы, под бабий повойник спрятанные, пусты глаза, словно бельмами затянуты, нос крючком и рубаха из небеленого полотна. А пояс дивный, узорчатый. Оглянулась на меня — и исчезла, истаяла, словно дым от свечи.

А я поклонилась ушедшей, надеясь, что и меня когда-то так же встретит кто-то да накормит, обогреет. Скрипнули половицы, и стих вой — словно дух добрый прогнал кого-то с порога. Оберегает, видать, в благодарность за уважение.

В ночь эту, что соединяет всех, кто когда-то жил, кто сейчас живет и кто лишь родиться должен, все должны отведать угощения. Никого прогонять нельзя.

И я не боюсь ничего — ни тьмы, ни морока, не ищу защиты у Мары-Марены, не иду во двор, чтобы присоединиться к ряженным, не слушаю ничьих ночных бесед. Но и не зову светлых богов — нет сегодня их силы. Не боюсь теней, ибо знаю — не обидят они... Осень уходит вместе с шелестом листьев на холодном ветру, впереди — долгие зимние вечера, когда прясть да ткать положено.

Что угодно может случиться в Марьину ночь.

И случилось.

Мара-Зима отворила ворота меж мирами, Прави не было места в этой круговерти, а Навь и Явь хороводили до рассвета.

Наступил он, принесся дурные вести.

И если раньше думала я, что наставник наш по заклинанию мертвых может быть повинен в злодеяниях, что в царстве нашем приключились, так пришлось признать — не Кашей красавиц воровал.

Его самого в Марьину ночь украли.

...Зима пролетела незаметно — откружили вьюги за стенами нашей волшебной школы, отплясали метели, навывились вдоволь северные косматые ветра над дикой непролазной чащей Зачарованного леса, и незаметно пришла весна, запев хрустальной капелью, стекая ручьями с предгорий, пенясь первоцветами на холмах и лугах.

Просыпались от зимней спячки духи лесные да озерные, прилетали из Ирия птицы, оглашая леса своими радостными трелями, уходили в Навь порождения морока и стылой Зимы: Зюзя — старик сторбленный да злой, что по лесу всю зиму рыскал да искал, кого вусмерть заморозить, Морозко — румяный да веселый юноша, что посохом своим волшебным стучал по стволам старых елок и сосен, призывая в мир людской метели да вьюги, снегопады сильные.

Уходила власть Мары-Марены, и на глазах худела да бледнела наша наставница по черному колдовству, а однажды и вовсе нам объявили, что до наступной осени занятия у Марьи Моревны прекращаются, уходит она в подземный мир, который нуждается в силе ее чародейской. А она — в его чарах, в его стылом дыхании. Впустит в себя она колдовские метели, примет посох ледяной, наденет корону хрустальную и взойдет на свой трон серебряный.

Я особо не печалилась — не любила я наставницу, и она это понимала, я видела, как смотрит на меня Марья Моревна с недовольством да презрением колким, а однажды и вовсе пристала с упреками, что я ношу камень проклятый — это она сердолик, Иваном подаренный, увидала. Глаза ее тогда почернели, полосы на бледном лице появились — темно-синие, как река подо льдом, и вились эти знаки подземного мира, змеились по коже ее... Я едва уберегла тогда подарёнку свою, и дивно мне было, что так пристала Марья Моревна. Казалось бы, какое ей дело до моего оберега?

Василиса Премудрая, когда я ей рассказала про случай этот, хмурилась, долго в зеркало свое волшебное глядела, кончик косы теребя, а после и заявила, что идти Кощея спасать — мне да Ивану, царскому сыну. А про сердолик да притязания на него Марьины — ни словечка. Словно и не было того. Я напомнить и не решилась.

— Как только снега сойдут да деревья зазеленеют, так в путь и отправитесь, — сказала Василиса, а у меня все заглодало внутри.

— Но куда идти? И что я смогу?.. Да и Иван... неужто не видно, что пропадет он в дороге, слишком он...

И замолчала я, язык прикусив, вдруг поняв, отчего я от Ивана до сих пор бегаю — не только потому, что не пара я царевичу, но и потому, что слаб он. Духом слаб. Хотя тело у него богатырское, воля могучая, а вот

сможет ли он меня из рук водяного царя вырвать, когда тот за мной придет, это еще вопрос. А явится рано или поздно нечисть, явится... Сможет ли Иван помочь мне родителей найти, если еще живы они в подводном царстве?.. Мне всегда хотелось, чтоб как за каменной стеной я была, чтобы защитить меня муж смог.

А Иван разве защитит? Его самого придется защищать — чарами он слабо владеет, даже огонь развести с помощью заклинания не может. Камень этот бережный не он ведь заговаривал, как я потом узнала, а царский колдун.

— Не печалься, — хитро улыбнулась Василиса, будто знала что-то, что мне нельзя еще рассказать. — В дороге вам куколка моя сподможет — да и без нее ты вряд ли путь в Навь найдешь.

В Навь?.. Я едва с лавки не сверзилась, изумленно на главную наставницу глядя. Зачем мне в моровое царство? Да и почему сама Василиса не пойдет?.. Коли смелая такая.

— Не могу я, — она мысли мои читала, — мое место сейчас здесь — защищать нужно юных волшебников, иначе царство наше, коль нападут на Зачарованный лес злые силы, останется без чародеев и витязей. Но кому-то нужно помочь Кашею... кому, как не той, в чьем сердце пробились ростки нежности к нему?

Глаза у Василисы — лисьи, с прищуром, будто все знает и ведает. Недаром Премудрой названа.

— Нет у меня никаких... ростков! — выпалила я, покрасневшись.

— Смотри тогда... — и Василиса потеснилась на лавке своей, приглашая меня сесть рядом. Свет из окошка падал аккурат на зеркало — овальное, размером с две ладони, было оно вставлено в серебряную оправу, украшено жемчугами да кораллами.

Вначале я ничего не видела, лишь ловила взгляды наставницы, аромат ее — медовый, с горчинкой полынной да сладостью луговых летних цветов — кружил голову, и казалось мне, что нахожусь я на склонах холмов в разгар серпня, но вот качнулись тени в мире отражений, иллюзорном и призрачном, и увидела я терема богатые — хоромины, опоясанные галереями открытыми, высились в несколько ярусов, с крышами четырехскатными, а вокруг них сад раскинулся дивный. Росли там груши и яблони, вишни, сливы, еще какие-то невиданные прежде плоды висели на ветках деревьев — ярко-оранжевые, как будто солнышки небольшие.

Зеркало вело нас по саду тропинкой, выложенной песком и огороженной от клумб небольшими белыми камнями, и вслед за проводником невидимым взгляды наши с Василисой скользнули в одну из

подклетей, а оттуда — в подпол. Ступени там были темные, временем изъеденные, паутина свисала с потолка, по стенам капельки влаги стекали, рисуя узоры по камню, из которого подземелье то сложено. Спускался наш проводник в отражении зеркальном, а Василиса шепнула:

— Запоминай, Аленушка, пригодится знание это. Терем этот в Нави моровой, как дойдете до подворья Кашеева, так и его самого отыщете.

Тут двери в подземелье распахнулись, и я с ужасом увидела висящего на толстых цепях наставника своего — истощенный, кости одни, обтянутые серой морщинистой кожей, висел он под потолком, и скалился в сумрак череп — вместо привычного мне бледного стариковского лица кости белели с провалами черными вместо глаз. Показалось на миг, что пустые глазницы на меня глядят, вернее, то, что внутри их, почувствовало, что не один он больше. Зажглись синие огоньки в этой тьме — прям в душу смотрит наставник. С мольбой. С любовью?.. Я отшатнулась.

Помочь просит. Спасти.

— Но если известно, где он, так и кто виноват, легко узнать! — крикнула я поспешно, словно пытаюсь убедить Василису не отправлять меня в Навь, и в то же время понимаю — не смогу отказаться от ее просьбы.

— Легко, да нелегко... Скрывается от зеркала моего похититель. Девчата-красавицы да наставница ваша, Варвара, тоже там томятся, но в другом каком-то подземелье.

Все погасло, зеркало стало обычным — а у меня сердце в клетке ребер билось испуганной пичугой. Перед глазами стоял скелет, обтянутый тонкой пергаментной кожей, серой, как пепел. Жаль стало наставника до боли в груди — словно кто иголками сердце колет. Неужто права Василиса и есть у меня чувства какие-то к Кашею? Да нет, сама себя одернула, то лишь жалость!

— Так что, отправишься в Навь, чтобы спасти наставника? — прошелестел вкрадчиво голос Василисы, а глаза ее с прозеленью сощурены были, словно разглядела она мои боль да тоску.

— Отправляюсь, — тихо ответила я.

Глава 10

А к весне сны вернулись — те самые, жуткие, пропитанные запахом тины и болота, пропитанные грязью и илом, перегнившей палой листвой и дурманными цветами, которые росли у берега призрачной реки, окутанной туманом и прогорклым ароматом костров.

В этих снах озерницы с бледными, синюшными лицами тянули ко мне перепончатые руки с тонкими цепкими пальцами, что заканчивались острыми, как кинжалы, когтями.

В этих снах я снова тонула в проклятой реке, и боль сжигала мои легкие, вытесняя оттуда воздух и заполняя холодной весенней водой. И казалось, в ней растворена переклик-трава, огненная, злая, которая за ночь в могилу свести может, ежели ее в отвар бросить, а ежели в очаг — надышавшись дымом, человек сгорит от боли в груди.

...Но в самом начале нашего путешествия с Иваном сны едва не стали явью. Мы едва успели выйти за ворота, как я с ужасом вспомнила о том, что Зачарованный лес ограждает река и внутри ее защитного кола я попала только благодаря обозу купеческому, и то страхов натерпелась. А как быть теперь?

Иван шел чуть впереди, неся заплечный мешок, в который нам сложили самое необходимое в дорогу, и — диво дивное! — Василиса даже выделила нам скатерть-самобранку, чтоб не пришлось тратить время на охоту али завертать на постой в села, что будут попадаться на пути.

Царевичу вся эта идея с вызволением Кощея сразу не понравилась, он злился и ерничал, ярился, кричал, что рад будет, ежели навий царь сгниет в своем плену, но Василиса смогла унять норы Ивана — чем уж она его уговорила, не знаю, разговаривали они при закрытых дверях. А в разум его смотреть я не решалась — вообще не любила я, когда открываются предо мною чужие память да мысли, ведь боль того человека тогда моею делается, тоска его меня глушит, его слезы по моим щекам текут. Можно и умереть в чужом видении... А можно заблудиться — да так, что всю жизнь будешь блукать призрачными дорогами чужих грез.

Потому я и сдерживала изо всех сил умение это проклятущее, за которое меня еще в родной деревне невзлюбили.

Пошел Иван со мной — и то ладно. Я старалась о Кощее не говорить, не хотелось споров да пререканий, и не в ревности было дело — не знал Иван, что меня повелитель Нави соблазнить пытался, — а в том, что мы,

вместо того чтобы сестру его искать, идем татя освобождать.

Так он мне и сказал, едва за заборол чародейской школы ступили.

— Василиса сказывала, что коли освободим Кащея, так и девчата там же будут, — ответила я, поклонившись теремам высоким, что над верхушками елок золотились. Неизвестно, когда доведется вернуться — чуяло беду сердце, чуяло, что долго еще не увижу я своего домовика, кота черного приبلудного, Василису Премудрую да других наставников. И тошно становилось от этого предчувствия.

— А вдруг не будут? — ощерился Иван.

Вообще, он изменился в последнее время — видать, за сестру больно переживал, потому я старалась раны его не бередить.

Вот и шли молча, пока к реке не добрались.

Земля оковы снежные давно скинула, зеленью уже покрылась свежей, на березе сережки висели, и резные листики солнце поймать пытались, верба покрылась желтым цветом, который кое-где сменился пушистыми почками, а елки старую хвою всю скинули, и мягко пружинила она под ногами. Пролески выпускали синие стрелы цветов, и запах весны неся просторами Зачарованного леса.

Река чернела в туманной дымке — опасная и непредсказуемая.

Я осторожно шагнула по валежнику, ища глазами мост. Но его не было. Неужто вброд переходить?

— Боишься? — спросил Иван, приостановившись, меня поджидая.

Куколка на его плече сидела, в новом платье из блескучего шелку заморского, вышитого золотом да серебром, волосы ее соломенные платок цветастый покрывал, и глазенки Гони хитро сощурились в этот миг, словно она что-то задумала.

— Аленка, да ты воды боишься? — и смеется, схватившись за Ивановы волосы.

Он поморщился — видать, больно дернула.

— Ежели и боюсь, так то мое дело, — буркнула я, словно угрюмое настроение царевича и мне передалось.

— Утопнешь, мне головой отвечать, — посерьезнела Гоня, спрыгивая на землю. — Мостов тут нет, сразу говорю, это Василиса задумала, чтоб нечисть без ее на то позволения не могла за заборол школы попасть, оно ж известно, что мертвяки да навьи, упыри да черти не могут текучую воду перейти.

И тут Гоня покосилась на меня с ухмылкой. Иван лишь фыркнул, поняв, куда она клонит. Потом достал что-то из котомки своей, траву сухую вроде, на меня бросил, и горечью полынной понесло.

— Не чертовка она, гляди, не боится! — хохочет.

А я и рада, что он развеселился. Только реку все равно перейти надобно.

— Вань, а у тебя там полыни много еще? — спросила я его, прищурившись. Русалки да озерницы травы этой пуще всего боятся.

— Несколько веточек, — он их достал и тут же начал к моей одежде привязывать, за пазуху кинул листиков колких, в пояс закрутил, в косу вплел, за ухо сунул.

Понятливый.

А сам глядит на меня потемневшими глазами, и сердце слышно как колотится.

— Ну, айда? — Гоня, как по стволу, по ноге Ивана забралась, повисла на его руке, как на качелях, этим все и испортила.

Царевич недовольно на нее посмотрел, отпуская мою руку.

— Айда... — тихо ответила я. Ох, весело мне с ними будет, дала Василиса попутчиков!

А куколка Ивану строго кулачком погрозила — не балуй, мол!

С Иваном в пути тяжело мне было — что и говорить, царский сын, к походам не приучен, баловали его няньки да мамки. Ни костра разжечь толкового, ни похлебку приготовить, хорошо, у нас скатерть-самобранка была. Он же словно назло все делал — то поганок в лесу набрал, едва не отравились, когда грибочков лесных захотелось. Хорошо, что спутница наша, куколка Василисина, заметила, что именно царевич в котелок кидает. То давеча тень свою кормить пытался, чтоб отстала — мол, не нравится ему, что приклеилась, якобы морок через нее следом идет, то реку солил — зачем, так и не добились.

Но все его глупости в прошлом службу служили ему хорошую — это мне еще наставница Василиса сказывала, когда навязывала Ивана в спутники. Недаром говорят — дуракам счастье. И Сивку-Бурку он когда-то получил, и меч-кладенец для отца-царя нашел, и дудочку волшебную... А все потому, что не жадный был да не злой, а мастер песни петь да загадки загадывать. Все у него легко да ладно — как такому Жар-птицу не поймать? Поймает. Он давно о ней грезит — говорит, красива она, будто солнышко ясное.

И птицу отыщет, и царевну свою найдет.

От этой мысли — про царевну — отчего-то тоскливо становилось. Я девка простая, деревенская, и ростом не вышла, и телом тщедушная, да еще бледная, что мара полуночная. Поначалу выть хотелось от заносчивости царевича, а теперь, когда он меня очаровать пытался, и того хуже стало — и

ведь не скроешься от него в своей горнице, все время на виду.

Путь нам неблизкий выдался — в самую Моровую топь, к границе загробного мира. Там речка Смородина текла, там ворота в иной мир — и там, как Василиса Премудрая сказала, сестрица ее старшая живет. Приграничем места те зовутся.

Если бы не Гоня — кукла наставницы, — так уже заплутали бы, клубок волшебный Иван на третий день ухитрился где-то потерять, а тропинки стоголовым змием разрастались — поди пойми, какая верная, а по какой кружить на одном месте. Зачарованный лес, одним словом.

И все у нас уже начало ладиться — к готовке я Ивана больше не подпускала, — как попался нам на пути колодец. Он торчал из травы, словно зуб старой ведьмы, а на его краю деревянное ведро расписное синело — васильки да пичужки какие-то. Царевич туда, к ведрку этому, а кукла в крик:

— Не пей ты гадость эту, проклята в нем вода!

— Козленочком стану? — улыбнулся тот, но от колодца отступил.

— Кто его знает? Но я черное колдовство за версту чую. Неладно тут что-то, а что — не пойму. Переночуем на соседней прогалине — там как раз навес из ветвей хороший, коли дождь пойдет, не намокнете.

— Но у нас вода на исходе, — напомнила я, — может, дальше пойдем, вдруг ручей попадется.

Оглянулась опасливо — все казалось, что из-за плеча кто-то наблюдает за нами. Странное чувство, пугающее.

— Дождевой наберем али квас пить будем — скатерочка сподможет! — Куколка целеустремленно направила к негустым зарослям хмеля, что стеной высились, — за ними вроде как поляна виднелась.

Мы с Иваном следом.

Едва разместились да с костром управились, уже и стемнело. Сумерки плеснулись волной из оврагов, поднялись к алеющим небесам, заливая их мутной синью. Тревога не уходила, как я ни пыталась забыть о ней да отвлечься — царевич как раз о заморской поездке своей рассказывал, про чужие обычаи дивные. Остатки утки, которую утром в глине запекали, доели быстро, да и спать легли, чтобы встать пораньше — дождик мелкий уже шелестел по листьям, и под эти звуки хорошо будет отдыхать. Хорошо, что полог ветвей над нами густой, словно крыша, не промокнем небось. А ежели сильный ливень хлынет, так рядом ель огромная, у ее ствола можно будет переждать.

Но вот снились мне мерзости всякие — то я зачем-то хоромину Василисы Премудрой подожгла и на метле по небу летала да на пожарище

любовалась, то силу не рассчитала и вместо дождя бурю страшную вызвала, деревни целые уничтожив, — так и ворочалась всю ночь, то и дело просыпаясь.

И как не заметила, что Иван-то наш отходил от стоянки, даже не знаю. Видать, в то время, как сон меня все же сморил, он и успел отлучиться.

Проснулась я окончательно, когда светать начало. Слышу, Иван с Гоней ругаются, только дым коромыслом стоит.

— Вот дур-ра-а-ак! — протянула кукла обреченно, словно устала орать да ссориться.

Я вскочила, гляжу — сидит у дерева наш Иван, колени к груди прижав, обхватил их руками, а глаза темные, злющие, и из шевелюры его золотистой рога пробиваются. Самые что ни на есть козлиные.

— Обморочило меня что-то, — оправдывается, — сам не знаю, как у колодца оказался — пришел в себя, когда уже воду эту проклятую пил! Гонечка, что теперь будет-то?

— Двоедушник ты теперь — вот что! — отвечала та. — И что за нечисть к тебе прицепилась, этого я не знаю. И как изгнать ее, оторвать от твоей души, тоже не знаю! Может, Василиса бы помогла — да только нет ее рядом. И назад возвращаться уже нельзя. Что же ты натворил, что же натворил...

Двоедушник... Я вскрикнула, пошатнувшись.

Иван поднял взгляд на меня — и там, в серой мгле, что клубилась черными тучами грозowymi, я увидела нечто... иное. Чуждое. Нечто запредельно жуткое. И избавиться от этой жути не получится без помощи сильных волшебников. Я же была слишком слаба, да еще и не обучена.

Иван теперь одной ногой в загробном мире, с ним будет морок идти по нашим следам, из его глаз глядеть Навь будет, и все, что мы делать будем, где находиться, обо всем Нави будет известно.

Ничего теперь не скроешь — ни заговорами, ни травами, ни отварами. Двоедушник опасен — не всегда он понимает, кто им управляет, сам ли он что-то делает, или иной кто им руководит. Порой совершит такой обмороченный что-то, а потом кается, рыдмя рыдает — не помнит ничего. Да и, живя за двоих, сгореть можно... Стареют рано такие люди. Впрочем, их и людьми назвать нельзя было уже. Иные они. Чужие природе людской, чужие миру Яви.

И царевич теперь не человек. Вот как быть?

— Зато ты теперь грозу можешь призвать или поле градом побить, — выдавила я, подходя ближе к царевичу. Осторожно прикоснулась к рогу, чуть дернула, будто надеясь, что оторву, рассеется морок и снова станет

Иван прежним.

— Больно же! Куда тянешь! — ощерился он, и я разглядела острые клыки вместо зубов — волчьи, кажется.

— Прости... — Я тяжело вздохнула и поняла вдруг — люблю я его, дурака. Ну, или почти люблю. Но люблю или нет — потом разберусь, а Нави отдавать я его не намерена. Все, что угодно, сделаю, любые испытания пройду, а спасу царевича.

Даже если никогда он моим не станет.

Даже если для какой-нибудь царевны спасу.

А демонов-босоркунов прогоним. Главное, ночью его теперь крепко связывать, чтобы не бродил, людей не пугал да чтоб не навредил кому.

Иван же перестал хмуриться, вскочил, обнял меня, да так сдавил ручищами, что я едва не задохнулась. Но отчего-то лишь тепло по телу разлилось.

— Спаси меня, Аленушка...

— Спасу.

И тьма грозовая из его глаз схлынула, а я с радостью поняла, что могу вторую душу его прогонять. Одним своим прикосновением — пусть и не навсегда...

Наверное, это и есть любовь.

Глава 11

— Скажи, почему ты воды боишься? Русалки не во всех же местах шалят, да и не во всякий день... — Иван задумчиво покусывал травинку, и мне показалось, что клыки у него с прошлой ночи еще длинней выросли — после проклятой воды из колодца облик моего спутника менялся слишком уж быстро.

Я боялась однажды проснуться рядом со зверем диким или вовсе солнышка не увидеть — вдруг как разорвет, память потерявши, чувства свои за гранью оставив. Ведь тот, кто живет двумя жизнями, ничего не помнит о том времени, когда та, вторая душа им владеет. Сказывали, и такое бывало — тот, кто вторую душу подцепил, мог всю семью свою извести, и ни сном ни духом про то горевала первая душа вполне искренне, слезы лила да над костром погребальным али на могиле убивалась, а вторая смеялась да радовалась, что удалось всех провести. И когда правда открывалась, не мог человек с нею жить. Впрочем, человеком это чудище назвать можно с большой натяжкой.

Но не могла же я Ивана бросить, как-нибудь да расколдуем, найдем способ. Главное — верить.

— Долгая то история, про воду-то, да и скучная... да и сказывала тебе я уже — нельзя мне к речкам да родничкам, дочки водяного утащат. И нет преград им — в любой день морянки али озерницы, омутницы, кто угодно достанет. Их влечет моя тьма. Мое проклятие. Как будто метка на мне, горит огоньком дивным, зовет и манит водяную нечисть. Но привыкла я... — отмахнулась я, придвигаясь ближе к костру — ночь выдалась прохладная, и чуть в сторону от огня отсунешься, сразу остываешь, до дрожи холодно в лесу было. Но и с костром осторожно надо — как-то я чуть онучи свои не сожгла, догрелась.

Рыжей змейкой скользнула по моей груди коса, в бликах от огня лента кроваво-красной показалась, хотя была блеклой уже, выцвела на солнце. Вспомнилось, как Иван недавно говорил — купит мне много новых лент и косник с самоцветами. Как у Василисы. Даже лучше.

Зачем мне самоцветы? Все едино не дадут в жены взять простую крестьянку, пусть и даром колдовским обладающую. Куда мне в царицы!

— А мне вот любопытно. — Царевич нахмурился, через огонь на меня взглянув, — и показалось на миг, будто алое пламя диковинным цветком распустилось в его глазах. Что таит взгляд этот, за которым иная душа

теперь прячется? Жуть таит навью? Или бездну бесконечную? Я боялась смотреть в глаза Ивану. Но я должна была ему верить. И потому смотрела. И улыбалась. И пыталась, чтобы улыбка моя искренней была да ласковой.

— Не любит меня нежить речная да озерная. — Я колени к груди притянула, обхватила их руками, ощутив, что озябла — и жар от огня не спасал. — Да и не за что им меня любить — предала я их мир подводный, да не своею волей. Меня батюшка обещался речному царю отдать — да только случайно вышло то, обменное я дитя, Ваня. Всего не знаю, отчего все так вышло — некому рассказать было... Знаю только, что нарушил он свое слово, за то и утанули его на дно реки. После того водяной к матушке зачастил — все ночами у мельницы воду мутит, проходу ей не было на берегу — ни полоскать, ни мельницей заниматься не могла она, утащил бы. Туманом приползал — я помню это, хоть и совсем несмышленьшем была, — увещевал, звал, манил... Я помню, как увидела одной ночью его зеленые глаза — как ряска были они, как листья кувшинок, как заливной луг на рассвете... красивые глаза. Гибельные. Да только сам он жуткий — кожа сморщенная, перепончатые лапы, зубы черные. И запах гнилостный, болотный. Мулякой несет от него, илом. Мать и чабрец, и душицу, и полынь сушила да метелками развешивала везде — не спасло ее это. Однажды она с реки не вернулась, но как оказалась на берегу, я не знаю. Видать, обморочили ее... Вот тогда и забрала меня с мельницы дальняя родичка, обогрела сироту да строго-настрого запретила одной на берег ходить. Да мне и не одной боязно.

— Я тебя не отдам речному царю, — голос Ивана показался легким ветерком, шелестом листвы в ночной тишине, треском сучьев в костре.

Я промолчала, лишь теребила кончик косы, словно руки нужно было чем-то занять. А потом услышала вдалеке плеск — видать, в реку что-то упало или рыба играет, но отчего-то впервые за много времени не было мне жутко от такой близости текучей воды.

Я поверила — не отдаст меня царевич. Ни за что не отдаст.

После привала дальше отправились — лес густел, мрачнел, осины черные все чаще попадались, ели кривые. Откуда тропа взялась — я даже думать не хотела, мало ли какие чудища бродят здесь. Попадались следы трехпалых лап, копыт — и козлиных, и кабаньих, только цепочка следов больно странная была, словно животные эти на задних лапах ходили.

— Почитай добрались, вон за тем болотом должен начаться Приграничный лес, где Яга живет. — Куколка удобно устроилась на Ивановом плече.

В этот миг кусты куманики затряслись, и выкатился на тропу

маленький зеленоволосый человечек. Вместо одежды на нем — листья да трава, в бороде сухоцвет, глаза — алым горят. Луговичок, что ль? Существа эти добрые, не балуют, и коль показаться решил, то не для того, чтобы сгубить путников, обычно о беде предупреждают они, из трясины вывести могут на чистое место, из гибельного ельника, из круга чародейского...

Встал старичок, отряхнулся, поклонился нам до земли. Мы в ответ тоже ладонями траву мазнули.

— Гой еси, молодец! Куда с чародейкой своею путь держишь?

Мне немного обидно сделалось, что меня дух лесной будто не замечает, но промолчала — нельзя сейчас норов показывать, еще заведет в топь моровую, вовек не выберемся.

— Ищу я путь к избушке на курьих ножках, вокруг коей черепа скалятся да кости белеют... Подскажешь, мил-человек? — елеинно спросил Иван, пытаясь клыки свои не показывать да когти в кулачищах пряча. Рога вот только никуда не денешь — торчат из кудрей золотых, и поглядывает на них дух лесной, да только с улыбкой и без страха. Не боится, что ль, нелюдей проклятых?..

— А чаво это вы к бабке-то идете? — прищурился луговичок. — По своей воле к ней редко кто заходит...

— Нам бы надобно...

И тут я поняла, что Иван, как на духу, все расскажет!.. Но разве ж можно говорить лесным духам, что в Яви живут, что мы Кащея освобождать идем?

— Нам передать весточку ей надобно, — влезла в разговор я, перебивая Ивана, — от сестры ее младшей, Василисы Премудрой!

Дух недовольно на меня зыркнул — мол, чего это девка рот открыла, а я потупилась, пытаясь с Иваном взглядами не встречаться. Ему, видать, тоже не понравилось, что я встряла, этим вроде как его принижаю. Ну и пусть! Зато живы останемся, не заведут нас лесные духи ни в трясины, ни в овраг бездонный.

— Путь к ней — мимо болота лежит, — луговичок все ж указал дорогу, — да только не каждый пройдет мимо чаровницы нашей, песни ее любого с ума сведут, ясности ума лишат. Не один путник остался в этой топи... сами кости увидите. Коль не боитесь — идите!

И откатился клубочком в кусты куманики, будто и не было его.

— Айда к болоту, — Иван меня за руку взял, — не бойся, я зову чародейскому не поддамся.

— Не боюсь, только вот... — Я от нижней рубахи с резким треском оторвала кусок да и уши царевичу заткнула. — Для спокойствия.

— И за что ты этого дурака любишь, — пока Иван не слышал, сказала Гоня, которая до этого тихонечко сидела у него на плече да бездушною притворялась. — Какого жениха упустить можешь! Царицей Навьего царства была бы! В алмазном звездном венце восседала бы на троне подземья, все нелюди да нави, все колдуны да ведьмы темные под твоей рукой были бы. Богатства у Кашея несметные — столько золота и камней ни у одного царя нет. А сады его дивные?.. Деревья да цветы из камней выточены — малахиту да рубинов, искряных топазов, сердолику огненного, кварца розового, словно небо рассветное...

— Хватит! — перебила я куколку, резко перебросила косу за спину, рванулась вперед, палкой своей, кою еще заранее нашла, прощупывая траву, чтобы не провалиться в трясину.

— Пожалеешь еще, — донесся голос Гони мне вслед. — Коронами разбрасываться коли, так и кокошника не надеть!

Не пожалею. Пусть и вовек в девках останусь, косы не расплетя.

Я свой выбор сделала. Мне с ним и жить.

А почитай через сотню шагов открылась нашему взору дивная поляна с небольшим водоемом — ветви деревьев, что спускались к озерцу, перевиты были крупными белыми цветами, похожими на водяные лилии, и лентами шелковыми. А одна ветка — толстая, мощная — нависала над хрустальной водной гладью, и с нее спускались качели, сплетенные из ивовых прутьев. По ним вились лютики, плющ звездчатый, а на огромной кувшинке — с котел величиной — сидела та самая болотница, о которой нас луговичок упреждал.

Иван тут же к ней пошел, а едва я его успела за руку схватить, обернулся, глазами стеклянными посмотрел, как на чужую. Видать, не только пением чародейским болотница приманить может.

И тут она запела — словно сотни колокольчиков зазвенели в тишине, встала в полный рост на цветке, прикрытая только волосами зелеными, закружилась, вскинув руки вверх, бедрами закрутила, а сквозь пряди шелковые тело светится, словно из снега вылеплено, белое-белое...

— Виренея... — прошептала она, умолкнув. Видать, имя это ее. В зеленом плаще волос приблизилась к нам, на царевича смотрит с хитринкой в бесовских глазах, а пальцы ее сморщенные, перепончатые. И по плечам ползет узор рыбьей чешуи, серебрится дивной сетью, спускается к груди, игриво обвивая ее, волосы то и дело ветерок колышет, они полощут, словно завеса из шелковых нитей, и видны тогда все ее прелести.

Хороша, чертовка! Я на месте Ивана тоже бы не сдержалась, а услышав голос чудесный, так и вовсе сиганула бы вслед за чаровницей в

омут ее. Чтобы никогда не расставаться. Чтобы она моей только была.

Я нервно плечами передернула, тряхнув головой, — змея эта, видать, без разбору чарует, не важно ей, кто явился, хлопец, девка али вовсе дитя... Увидев острые зубки, подумала — без разницы нежити, чью плоть потом рвать, чем насыщаться.

Как миновать это проклятое место? Царевич мой вовсе обезумел, шепчет что-то едва слышно, рвется шагнуть вперед...

— Пропусти нас к Приграничному лесу... — Я царевича от болотницы оттолкнула, заступила путь. — На меня твое колдовство не подействует, потому как проклята я, а Ваню так просто не отдам... Не слышала про школу Василисину? Моими наставниками сам Кашей Бессмертный был да Марья Моревна!

И тут же я зашептала заговор — проклятие смертное, которое и на людей, и на духов, и на навий могло влиять. После него статуей соляной три года и три дня стоять проклятому...

— Тиш-ш-ш-ше... — Холодный палец болотницы коснулся моих губ, и я невольно сбилась.

А лесная красавица запрыгнула на качели и принялась раскачиваться — волосы ее змеями зелеными назад, на спину, скользнули, и в бесстыдной наготе своей болотница над поляной летала, с хитрецей на меня с царевичем глядя.

— Стой! — Я Ивана дернула, когда он к озеру шагнул. И крикнула нежити: — Оставь его в покое, пропусти нас к Приграничью!

— А что взамен? — сладко пропела болотница, склоняясь ко мне — и как в полете ухитрилась так выгнуться, будто костей в ее теле и не было? Жуть какая...

— А взамен я тебя не трону, — буркнула я, лихорадочно пытаюсь сообразить, что бы отдать.

— Ленту! — подала голос Гоня. — Смотри, сколько их...

И правда, все ж вокруг перевито ими — алыми, синими, зелеными, белоснежными, а вот вишневого колеру, как моя, таких не было. Я тут же косу расплела, протянув подарёнку болотнице.

— Бери мою ленту, украсишь свои деревья...

— Хорош-ш-шо... — змеей прошипела она, ухватив ленту. Забралась на качели, тихо напевая мелодичным голосом чародейским. На нас больше не смотрела.

— А куда идти-то? — Я решилась напомнить о себе.

Не прекращая петь, болотница указала рукой на старую иву, вокруг которой росли кислица да брусника, — там тропа появилась, которой

прежде не было.

Я Ивана за руку схватила и, пока девка болотная не передумала, потянула царевича в глубь леса...

Вот только после весь наш путь как в тумане был — как по ельнику блуждали, да как нашли кости среди мха и сухой травы, как избушку увидели... Станный путь, темный путь.

Приграничный лес не любил незваных гостей. И вытягивал он из меня силы, морочил туманом зеленым, звоном колокольчиков черных, криками невидимых взгляду птиц.

А царевич молчалив сделался, задумчив — и надеялась я, что не из-за нежити лесной, которую я еле отвадила от него.

Избушка на огромных куриных лапах протяжно скрипела, раскачиваясь из стороны в сторону, окнами узкими на нас пристально глядя, — вот что я помнила.

А еще... еще вспоминалось, как закат кровавый с небес лился, как скалились белые черепа на оградке, как кричали ночные птицы — пронзительно и громко. Спутники мои рядом стояли — куколка Гоня, проводница к загробному миру, да Ванечка, царский сын, которого хозяйка куколки, Василиса Премудрая, решила со мной в путь отправить...

Стояли и молча на избушку эту смотрели, словно не решаясь заветные слова сказать — про то, что, мол, повернись ты к нам передом, к лесу задом. Кричать заговор этот мне пришлось — и голос я свой не узнала. Охрипший, ломкий, словно я холодной колодезной воды в жару напилась или будто песка в глотку набилось.

Избушка покрутилась, покряхтела — и повернулась, угрожающе хлопая ставнями. И каждый звук этот отдавался громом на алеющих небесах. Засверкали молнии — словно бы деревья вдруг корнями в небо проросли, и в синих этих бликах казалось, что лес вокруг стал призрачным, сотканным из дымки туманной.

Воспоминания о том обрывистые какие-то были, словно бы туманом их закружило, будто завьюжило в летний ясный день, и не понимаешь ты уже — где находишься, в каком мире? Потому что как только Баба Яга — старуха в рваном платке и черном рубище — в дверях показалась, все вокруг переменялось. Я вперед шагнула — а лес посветлел, ягодами запахло, медоцветами... Яга тоже изменилась — вместо истощенной старухи, бледной, с черными провалами глаз, появилась молодница в алом платке и льняной рубахе, румяная, дородная, с кожей белой, но не мертвенной.

Я и пошла к ней. Спутники мои следом. Отчего не испугалась — сама не знаю... Видать, слишком устала уже я бояться.

И вот теперь сижу в просторной светлой избе у печи, а на столе — холодная похлебка из дичи и грибов, на кваску сделана. Давно я такую не ела — белый квас из солода и ржаной муки готовили, больше всего я его любила. С наслаждением попробовала похлебку, ощущая, как язык щекочет кислинка, видать, какие-то травы хозяйка добавила, чуть горчат они, но приятно на вкус. Ем, и даже про то, что напротив ведьма сидит, как-то позабылось — думала я поначалу, и кусок в горло не полезет, ан нет, уютно в избушке оказалось, светло. Тканые половички на полу, натертом до блеска, ставенки расписные, травы сухие под притолокой, на лавках — шкуры серые, на волчьи похожие. Я думала, тут кружева паутины висеть будут да в золе и саже все окажется — говорили же, Баба Яга детей в печи запекает и ест, что она злая и мерзкая.

Но вот как-то не верилось, что эта женщина — людоедка.

В чистом, опрятном переднике и платке, завязанном под косу, на южный манер — так, чтобы концы его, украшенные бахромой и бисером, по спине спускались, в рубаше льняной, с коловратами, — казалась она обычной деревенской бабой. Лишь в глазах, чуть раскосых, с прозеленью бедовой, искорки какие-то сверкали, да с хитрецей она улыбалась, голову набок склонив.

Василиса ничуть на нее не была похожа. Словно чужие люди.

На столе пирог рыбный дымился, а спутник мой, Ванька, щипал наминал. Он был по недоразумению царевич, а на деле... впрочем, неважно, его и так, горемычного, судьба наказала. После того как испил воды в проклятом колодце Зачарованного леса, шерсть выросла, рога, на козлиные похожие, пробились, когти и зубы появились — волчьи словно бы. Стал мой Ванька чудом-юдом каким-то — ни в сказке сказать, как говорится... Ни нарочно придумать...

Вот и рассказывала я все Яге — как нас угораздило из спокойной и сытой жизни в волшебной школе в поход такой дальний отправиться. Рассказывала все без утайки — ибо понимала, что перед древней силой, которая стоит на границе между нашим миром и загробным, вранье любое будет как на ладони. Да и что мне скрывать? Что я, Аленушка по прозванию Бесталанная, училась себе наукам волшебным, пока меня Василиса Премудрая на поиски пропавшего нашего наставника не отправила?..

Что скрывать... Разве что тот, кого ищем мы, когда-то мне в женихи набивался. Я покосилась на Ивана и подумала, что ему о том знать вовсе не

обязательно. Да и какое имеет отношение сватовство неудавшееся к тому, что Кашея Бессмертного, обучавшего нас с загробным миром правильно обращаться да мертвяков из могил поднимать, похитили в Марьину ночь проклятую, когда нежить хороводит да в колдовскую метель людей манит.

Яга меня слушала, хмурилась, а я то и дело в окошко пыталась выглянуть — все мне интересно было, как мог лес так измениться?

Когда мы подходили только со стороны болот и осинника гиблого, тут сучья поваленные и бревна лежали, черепа конские и коровьи на палках скалились, лебеда да крапива росли — высоко, почти мне до плеч, Ивану пришлось меня даже нести до избушки, чтобы все не пожгла себе, кожа-то у меня нежная, волдыри от крапивы долго не сходят. Еще отец, когда жив был, все приговаривал — и в кого, мол, дочка его такой барыней уродилась...

Так вот — теперь вместо зарослей и бурелома, вместо осин и разлапистых елей, что подступы к миру мертвых охраняют, березки шелестели светло-зелеными кронами, луг дикоцветный расстился возле рощи — васильки, ромашки, колокольчики, каких только цветов там не было, и все пахло медово, сладко, и алела среди травы земляника, вызревая на солнышке.

— Ты не гляди, что говорят обо мне. — Яга кринку молока поднесла. — Неужто не слышала никогда, что я молодца доброго всегда накормлю-напою, в баньку свожу да спать уложу?.. И хоть вы далеко не молодцы, а все же попытаюсь помочь. Путь в мир загробный открою. Василиса, наставница ваша по светлому волшебству, сестра мне родная, а кровь, чай, не водица, чтоб отказать в просьбе ее. Но за то вон ей скажи спасибо...

И Баба Яга кивнула в сторону куколки Гони, которая притихла и сидела у окошка, задумчиво глядя на луг. Словно ждала кого... Платье она уже свое обтрепаншееся сменила на новый наряд, и теперь на ней алел дивный златотканый шелк. Любила Гоня принарядиться, и хоть капризная была не в меру, а любила я ее. Как сестра младшая она мне стала.

— Ты ее не трогай, у нее с избушкой моей свои воспоминания... — Яга заметила, как я гляжу на Гоню. — Сестра моя когда-то тут училась, жили они не одно лето здесь, не одну зиму... Хорошее место у меня, светлое. А то, что люди бают, мол, старуха зла и костлява, нога у нее костяная, — врут все! Какая я старуха? И нога на месте!

И захохотала Яга заливисто, грудь ее большая заходила ходуном, она подол рубахи чуть приподняла, словно убеждая меня, что нет у нее никакой культи. Но я помнила, что за морок встретил нас на подходе к избушке —

вот личина та жуткая, видать, и скрывала настоящую Ягу. Кто не испугается, кто за мороком суть увидит — тому и будет помощь от стражницы миров.

— Ты найдешь, где Кащей скрывается? — спросила я, замерев под ее испытующим взглядом. — Мир мертвых опасен — не погубит ли нас колдовской туман, не сведут ли тропинки к бездне? Как нам выполнить предначертанное и живыми выбраться?

— О том мы после говорить будем. А про Кащея вот что, дитя, слушай... Знаю я, что не все ты мне рассказала, но сердце твое чистое, взгляд ясный — не несет беды твое молчание. Это тайна твоя сокровенная... — Яга с хитринкой в сторону Ивана глянула — тот все так же истуканом сидел, не решался в разговор вступить.

А я поняла — все ведунья знает. Ничего не утаить. Чувствую — покраснела. Голову опустила, коса светлая змейкой золотой на грудь скользнула, я ее за кончик поймала, стала локон на палец наматывать, словно бы нить на веретено. Когда я переживала, волновалась, почти всегда волосы рвала да крутила, бывало, что и срезать потом приходилось кончик косы. А сейчас уж больно хотелось тайну сохранить — права Яга была. Иван, будто чувствуя, что он один не знает, о чем разговор, хмурился. Даже щи не доел, отставил их и коготками своими острыми чуть слышно по лавке скреб — тоже, видать, маялся. Но уже от иного — от неизвестности. Да и кому приятно понимать, что от тебя что-то сокрыли.

Потом объясню. Когда время будет подходящее...

А Яга продолжила говорить. Голос ее убаюкивающий был, тихий, казался он ветерком — тем самым, что за окнами в березовой роще танцует. Казался он колокольчиками дивными, что хрустально звенят в тишине лугов, ручейком звонкоголосым, песней дудочки, что залиvistо несется над зелеными просторами.

Я и не заметила, как уснула. А Яге это, видать, и нужно было — в баньке попарились, поели-попили, пора и сны чудесные увидеть, те самые, о которых столько сказок сложено да песен спето...

Глава 12

Болото закончилось, перейдя в гибельный осинник. Тонкие стволы деревьев высились среди мхов и чахлых трав и казались в сумраке призрачными, ненастоящими — будто росли на Той Стороне. Листья — длинные и узкие — смотрелись выкованными из меди, и, словно жестяные, звенели они на ветру, и туманные змеи ползли по земле, уводя нас с Иваном и Тоней все дальше от Моровой топи, где спряталась в высоких папоротниках и лебеде изба старой ведуньи.

Позади остался проклятый ельник с избушкой на курьих ножках, позади осталась Яга и ее травяной отвар, навевавший сладкие, несбыточные грезы, позади остались конские и коровьи черепа, что скалились на высоких шестах вокруг избы.

А впереди — Навь, до которой пару дней пути осталось. Впереди — на границе невидимой — огромный столб железный, к которому прикован черный кот по прозвищу Баюн, нежить проклятущая.

Слыхала я, что песни его да сказки навек усыпить могут, что костями человеческими поле вокруг столба усыпано. Но верить хотелось, что, благодаря подарку Яги, сможем мы с чарами навьими управиться.

Вот и столб — вершиной в небеса упирается, тучи вокруг него хороводят отарой чернорунных овец, и молнии золотые сверкают, да время от времени громыхает в сизой мгле, словно боги в ярости да бешенстве вступили в схватку и это звенят их мечи каленые, и ломаются копья их, падают осколки на землю, падают дождем слезы их, когда оплакивают они павших в этой небесной битве.

И идет по столбу огромный черный котище с мощными лапами и длинными белыми усами, уши его торчат, глаза горят, шерсть на загривке вздыблена, как гора чудище это, как сгусток черной тьмы, что родом из Нави проклятой.

Нет ничего человеческого в мире том. Нет на Той Стороне места человеку, кровь выстынет, сердце остановится. Лишь сильные волхвы да темные колдуны могут ходить по лесам моровым, что за рекой Смородиной расстилаются, лишь им ведомы тропинки те, что среди мертвых трав вьются змеями пестрыми, лишь они могут выйти назад, к людям, в Явь янтарную, обласканную богами светлыми.

А здесь жуть скалится из-за каждого ствола, из-за каждого куста, здесь ягоды отравленные сладко пахнут, но нельзя прикасаться к алым бусинкам,

что кровавыми каплями облепили веточки. И белесая грибница расползлась паутинкой под елями, и сверкает на ней роса алмазная, отражая темные ветви и нас, путников, когда мы осторожно пытаемся обойти места гиблые.

Мертвые призраками стоят за столбом, на котором кот сидит, и видно в тумане, как черепа скалятся — и нет спасения от костлявых рук их. Но вот развеялась дымка, исчезли скелеты, будто и не было их, опять осинник шумит жестяными листьями.

А во взгляде кота — сказочный дивный огонь полыхает, и мурлычет Баюн, и от дыхания его травы гибнут, а вместо них расцветает дурман, и полынь стелется туманная, призрачная, словно бы и не живая она.

Явь отступает перед песнями Баюна от земли этой — и Навь прорывается с Той Стороны волшебного леса, через который пройти предстоит.

И сказки нам рассказывает Баюн, и голос его низкий, бархатистый, убаюкивающий. Несет его голос сон, сковывает тела могильным стылым холодом. И едва прикроешь глаза, как сумрак бездны моровой, тьма и Навь опустятся призрачными тенями на плечи, придавят к земле. И прорастут в тебя полынь да белена, цветки дурмана да волчьи ягоды, оплетут тебя усики навьих трав, метелки черного ковыля щекотать станут, и отметины навьи — черные, фиалково-серебристые — узорами дивными на коже расцветут.

Заслушались мы сказку Баюна, едва не сгнули.

А рассказывал он нам про медведей волшебных, берендеями прозванных, да про то, откуда пошел род их чародейский.

...В избе темной лучина горит, а вокруг — морок туманный, во дворе он топчется, змеями молочными по траве ползет, тонкие стволы яблонь обнимает. Стучит в избе кудель о лавку, ловкие пальцы старой Добряны, похожие на паучьи лапки, перебирают, скручивают нить. Тихо в избе, слышно даже, как ветер за стенами свистит.

Много зим и лет на свете белом Добряна прожила, много чего видывала — и плохого, и хорошего, а только душа ее чистой, как родник хрустальный, осталась. И дивно то было в те времена темные — люди-то племени чудского на краю дикой чащи жили, дань духам моровым платили, и не только зерном да скотиной. В голодные зимы и девиц-красавиц на откуп Морозко вели — отдавали смертных замуж за студеную синь, за холод трескучий.

Добряне повезло — ни разу проклятый жребий ей не выпал, и прожила она жизнь счастливую, за хорошим и работающим мужем, он уже

давно к дедам ушел, а все ж тоскует о нем старуха. Бывает, задумается, в окошко глядячи, и глаза ее блеклые, за годы выцветшие, будто туманом заволочёт. Тогда родня ее не трогает — знали, что посидит-посидит, повздыхает Добряна да снова за дело примется, прясть али внучат нянчить — в поле ходить или за скотиной слаба была уже бабка, ноги подволакивала, да и падать стала. Долго не тосковала она по своему покойнику, ибо помнила: нельзя мертвых звать, нельзя по ним больно уж убиваться — услышит Навь проклятая, под видом человека явится к вдовице или детям его, поди потом прогони. Не прогонишь.

Вот и проводила старуха почитай все время в избе, а внучки младшенькие — Гордяна да Смеяна — все рядышком крутились, побасёнок просили. Больно уж любили девчоночки слушать сказки старые — верили они во все, что бабушка им сказывала, бывало, и тряслись от страха потом на печи, а все одно слушали, рты открыв.

Была у Добряны еще старшая внучка, Заряной звали ее, уже заневестилась девка, скоро женихи пойдут во двор с дарами свадебными — последний год оставался ей погулять на воле.

Но чем ближе сватовство, тем все печальнее становилась Заряна, внимательно сказки старухины слушала, и особенно нравилась ей одна — про медведя из рода волшебников берендеев, который в чаще дикой живет да девиц-красавиц ворует.

Говорили в селении, что в прежние годы, которые даже старая Добряна не помнит, выходил из леса дикий зверь и девок с собой уводил. Кто возвращался домой, кто нет — по-разному бывало. А кто и перевертыша с собой приводил — дети те почитались за благо в селении, любили их и баловали, потому что знали люди, что это медведя робятёнок, что ежели обижать такого — придет отец и всем несдобровать будет. Разорвет на части, косточки обгложет да под осиной выбросит.

Мало кто из таких детей лесных вырастал среди людей — на седьмое лето медведь из чащи выходил и забирал своего ребенка. Девки — те, что у него в берлоге женами побывали, — горевали сильно, долго не жили, и даже если замуж выходили потом, то других деток своих особо не привечали, по первенцам тосковали.

Вот такую сказку бабушка Добряна внучкам часто сказывала, и кто бы мог подумать, что при ее жизни медведь-то вернется.

Но видать, на роду Заряне было написано от людей уйти — давно уж родня ее боялась, что жребий она вытянет да по зиме в жены Морозко достанется, ведь отчего-то самые красивые девки камушек тот проклятый доставали... Видать, чего боишься, то и случится. Не жребий выпал, так

берендей из лесу вышел.

В тот день Заряна с младшими сестрами за ягодами пошла, но чуть с тропы свернула, как видит — иная какая-то чаща стала, и деревья мхом покрыты, и сумрачно, и паутина везде, да тиной, болотом несет, а ведь только что светлая дубрава вокруг была. Не успела девка испугаться — а из кустов высоких огромный зверь вышел. Заряна и не поняла сначала, что человек то в звериной шкуре — рычал он громко, да треск такой шел по лесу, будто и правда ломится медведь сквозь ветки. Он девку на плечо забросил, да и потащил в свою берлогу. Кричала Заряна, билась в его сильных лапах-руках, а что сделает она супротив такой силищи?

По лесу долго ее медведь нес — травы высокие росли, по грудь бы ей были, коли своим ходом она б шла. Заряна пыталась дорогу запоминать, да разве ж поймешь в чащобе дикой, куда тебя тащат? Все деревья друг на друга похожи, тропы нет. Вскоре болото вроде как закончилось, потому как ягодами запахло — как раз земляника отходила, черника начиналась. К вечеру принес медведь свою добычу к ветхой, покосившейся избушке, что в землю наполовину вросла — окошечки махонькие, над землей прямо, а трава высокая, сочная, а вокруг сумрачный лес, почти не попадает сквозь кроны сосен-великанов солнышко. Сруб темный, без крылечка, без ставенок расписных — и как жить в такой землянке-то?

Медведь Заряну опустил на траву и говорит:

— Будешь теперь со мной жить, женой моей станешь, девица. Кашу мне будешь варить, а я на охоту ходить. Коли сбежать надумаешь, помни, что все одно нагоню и назад верну, не серди меня, больно лют я становлюсь, коли что не по мне выходит. Будешь слушаться меня во всем — будем жить ладно, хорошо с тобой.

Заряна поплакала-погоревала, а делать нечего — селение ее непонятно где, идти целый день, да и знать бы хоть куда... Да и медведь оказался не зверем, а человеком, что шкуру с пастью клыкастой на себя набросил. Стала девка жить в избушке его, кашу варить да с охоты мужа своего дикого встречать.

Прошло две луны с тех пор, как жить стала Заряна в лесу, — пообвыкла она, приноровилась. Поначалу очаг, что по-черному коптил, сложно было ей разжигать — дома-то печка была, но вскорости управлялась в землянке она, как будто всю жизнь тут провела. И есть приготовит, и уберет, и паутину всю сняла, землю с иголками сосновыми повымела — в избушке было грязно, неудобно. Но с легкой девичьей руки стало хорошо да чисто. Муж ее доволен был, любил он ее, да все повторял-наказывал — не уходи никуда, чтоб не озлить, мол, меня.

Заряна и пообвыклась в лесу-то. Но по родне скучала она, и вот стала просить мужа своего — своди меня к селению, хоть одним глазком на сестренку погляжу, с батюшкой и матушкой обнимусь, бабушку хоть в последний раз поцелую — стара она, доживет ли нет до следующего лета, никто того не знает.

Хмурился муж ее, недоволен был, а не смог воспротивиться ласковым уговорам. Забралась к нему на плечи Заряна, да и отправился он к ее родному селению. Шли почти целый день они — и разрешил муж ей переночевать в родительском доме. Мол, все одно ночь вот-вот опустится, по лесу в темное время бродить себе дороже, нечисть может из оврагов вылезти, опасно время после заката.

Договорились, что утром встретятся на той самой полянке, откуда медведь Заряну утащил. Обнялись и разошлись — каждый в свою сторону.

Как пришла Заряна домой — радости материнской предела не было, а сестренки плакали оттого, что старшенькую свою увидали — не чаяли ужо. Отец вот хмурый ходил, смурной, как стемнело, он и ушел куда-то.

А на сердце у Заряны тревога поселилась — все глядела она в окошко, все маялась. Бабушка Добряна вмиг поняла все — да и печально головой качала, мол, зря ты, дитятко, к нам пришла, не любят люди берендеев род, а медведь твой, видать, из них будет — перевертышами их еще кличут.

Заряна бы уже и ушла — да куда в ночи она пойдет? Разве ж найдет по темноте ту поляну, на которой сговорились с мужем встретиться?

Всю ночь она не спада, крутилась, плакала, беду ее сердце любящее чуяло.

А наутро отец да дядьки ее воротились — на рогадины медведя огромного подняли, несли они мясо его да шкуру, уже и освежевали. Как увидела Заряна, что родичи ее натворили, будто обезумела — кричала дико, волосы на себе рвала, ни дать ни взять вдовица по покойнику своему убивается.

Ведь была то шкура ее мужа лесного.

И к вечеру того же дня убежала девка в лес, говорили, в тягости она была ужо. Как жила в чаще лесной — никто о том не знает, да только новые сказки в селении стали сказывать: про медведицу да медвежонка, рода берендеев волшебных, да про то, что людей они больно не любят, словно обидел их когда-то род людской.

...Я медленно открыла глаза, душою все еще находясь в истории, рассказанной Баюном. От нее осталось горькое послевкусие, кислинка клюквы ощущалась на губах — обветренных и потрескавшихся от дыма

костров.

Я видела злых и яростных людей, с факелами и копьями устроивших гон на медведей, посмевавшихся покуситься на человеческих женщин.

Я видела перекошенные от бешенства лица бородатых мужчин, слышала их крики, я вдыхала запах паленого меха и болот. Болот гиблых, моровых, проклятых, болот, за которыми скрылись берендеи со своими детьми-полукровками, рожденными от смертных жен.

Я видела все это как наяву, и слезы обжигали мои веки, от такой несправедливости и зла перехватывало дыхание, будто камень лег на душу.

А кот, огромный и пушистый, с глазами, в которых дрожали тени всех его волшебных сказаний, уже был рядом, и цепи его хватало, чтобы он мог отойти на значительное расстояние от столба. Она серой змеей ползла по траве, раскручиваясь, звенела негромко.

— Бежим! — схватил меня проснувшийся в этот миг Иван.

Я подхватила на ноги, Гоню царевич посадил на плечо, и она вцепилась в его волосы мертвой хваткой.

Мы бросились прочь, а зловонное дыхание Баюна несло за нами и вышибало дух, его дикое мяуканье, прерываемое громом, казалось, слышится совсем рядом, и земля тряслась от топота его огромных тяжелых лап, разлетались по сторонам вывороченные с корнями деревья, лавиной с гор сходил оползень из влажной земли, травы и камней.

Все гремело, сверкало, тряслось, и я вытащила из-за пояса подарёнку Яги — простой деревянный гребень, прошептала заговор, которому научила меня стражница Нави, бросила гребень за спину и услышала противный вопль Баюна, остановленного великанскими елями, ставшими на его пути.

Синие молнии озаряли осинник и окрестные холмы, а мы с Иваном летели, будто птицы, по черной от гари и копоти земле — словно лес вырос на лесном пожарище. Замерли, когда путь перегородил мшистый валун, я всполошенно обернулась — за стеной елей не было видно даже столба, к которому прикован был Баюн, эти ели касались небес своими острыми верхушками, став непреодолимой преградой на пути страшного зверя, охраняющего Навь от людей, пытающихся в нее проникнуть.

Баюн-сказочник остался позади — и страшные его истории тоже.

А впереди расстился волшебный лес берендеев, и дальше эхо доносило тоскливые вопли чудовища, сгубившего своими чарующими песнями не одного путника.

— Спаслись... — выдохнула я и устало опустилась на землю.

Иван молча сел рядом и положил свою косматую рогатую голову на

мои колени. Казалось, сейчас он начнет мурлыкать — совсем как Баюн.

Глава 13

— Смотрите, избушка! И свет горит! — Иван когтистым пальцем показал на домик, вросший в землю, по дерновой крыше которого росли трава и карликовые березки. Разросшаяся сеть грибниц явно указывала на присутствие возле сруба нечистой силы, впрочем, на подходе к Навьему царству удивительно было бы ждать чистых от тьмы лесов. Подслеповатые окошки, находящиеся вровень с землей, смотрели на гостей весьма озлобленно, словно изба не была им рада. Света в домике не было — это лишь заходящие лучи солнца горели на цветных стеклышках.

Мне показалось странным, что у такой бедной и скромной избы такие окошки дивные, крестьяне да лесничие бычьими пузырями пользовались, на крайний случай — слюдой.

Не понравился мне этот лесной домик, жуть как не понравился. Но мы устали, приближалась ночь, и идти дальше по Приграничному лесу к миру мертвых было опасно. В избушке этой хоть от ветра с дождем защититься можно — а судя по тучам, что кружили в поднебесье, громовицы снова собрались на охоту. А мы еще когда от Баюна убегали, промокли да озябли, я все отогреться не могла.

— Может, под елками переночуем? — робко и тоскливо спросила Гоня, выглядывая из заплечной Ивановой сумки. — Не могут люди жить в таком гиблом месте, ну никак не могут!

— А вот поди-ка, живут! — вырвалось у царевича, когда с угрожающим скрипом двери отворились и из землянки выбралась, подслеповато щурясь, древняя старуха с седой распатланной косой и бородавкой на крючковатом носу. Она втянула воздух этим самым длиннющим носом, будто пыталась унюхать что-то.

— Человеком пахнет! — изрекла она, и из-за ее спины показалась востроглазая девчушка в простом льняном платье. Ткань была без вышивки, никаких амулетов, никаких украшений — впрочем, что им, в лесу-то, надо?

Только все одно странно — чего они живут в таком месте страшном? И как выжили, коль по ночам тут чудища бродят да мары сны жуткие насылают?

Но глаза вроде спокойные что у старухи, что у девицы, клыков тоже не наблюдается. Люди как люди, на первый-то взгляд. И глядя на них не чувствую я страха или ужаса. А вокруг шумит листьями Приграничье,

кричит птичьими голосами, дальним волчьим воем захлебывается.

— Пустите переночевать, хозяйка! — Иван попытался улыбнуться, чтоб не слишком своей пастью звериной светить, но, видать, сложно это, ибо старуха отпрянула, девку едва ль не насильно затолкав в дом, да дверью громыхнула, так что и мох с нее осыпался.

— Молчал бы ты, Ваня, — пробормотала куколка, — с такой рожей нас отовсюду погонят.

— Я, что ль, виноват... — начал было царевич, как двери снова распахнулись, и девка бросила на траву подкову железную.

— Коли не чудище — коснись-ка! — голос у нее звонкий оказался, сама ладная, статная. Коса толстая, губы красные, словно спелая земляника. Только вот странность — не слышу никакого запаха от нее. И лицо слишком бледное, словно у мертвяка.

— Тоже мне задачка! — Иван быстро поднял подковку, мне протянул, чтобы и я подтвердила, что не задымлюсь, прикоснувшись к железу, хотя все едино — странные хозяева у хаты лесной. Не вся ж нечисть боится железа, есть такие, кому осина да соль с чесноком беда-бедой, а кто-то от полыни верещит да плюется, как вот русалки аль омутницы с озерницами. Но коль только выходцев из Нави бояться в этой хате — то их дело.

Главное, чтоб сами чисты были — так не заставишь же соль есть али полынью хлестать не будешь? Но решила я быть повнимательнее, и пока в хату заходили, незаметно ото всех, кроме куколки, съела несколько семян травы одной чародейской, которая сон гонит.

Гоня озабоченно нахмурилась, мол, отдыхать всем надобно. Я и знала, что она посторожить может, но все ж не внушали мне доверия бабка с девкой эти, словно чуяло сердце беду да зло, что в землянке притаились. Казалось, в углах сруба, в землю вросшего, тени прячутся опасные — зазеваешься, схватят, уволокут в подпол, а оттуда прямиком в пекло, в огонь проклятый.

Огонь трещал в очаге посредине избы, была она черной, древняя постройка, когда дым выходил через дверь, и сейчас девка оставила ее приоткрытой, чтобы меньше чада было. Две лежанки с медвежьими шкурами, лавка и стол в дальнем углу, травы сушеные, пучками по-над головой развешанные, на окошках — яблоки, хотя дивно то, откуда в лесу взялись, сколь шли, плодовых деревьев не видали.

Нахмурилась и я вслед за Гоней, глядя, как Иван беззаботно располагается на лавке — от выхода далековато.

— Вы как в лесу нашем нонче оказались? — спросила старуха.

А мне захотелось ответить едко — так же, мол, как и вы. Но

промолчала. Негоже гостю на хозяев голос повышать, какие б те хозяева ни были. Надеялась я, что закон гостеприимства удержит всю тьму, что ощущалась в доме этих лесунок. Не были они людьми, чуяла я то нутром, хоть и доказать не могла — выглядели совершенно они по-человечески. Тут скорее к нашему Ивану можно претензии выставлять — рога торчат, шерсть на руках густая, глаза дикие, едко-зеленые, а клыки и когти и вовсе что у волка.

И лишь оказавшись внутри избы, я поняла, что свет и правда не от бликов заката был. За цветастой занавеской еще лежанка угадывалась, старуха туда сразу и отправилась, бормоча что-то про человеческий Дух.

— Не обращайтесь на нее внимания, бабушка у меня после стольких лет в этом лесу боится пускать гостей в избу, — тихо сказала девка, перекидывая косу за плечо, чтобы та в котелок не нырнула. — Меня Яськой зовут, я всю жизнь тут прожила, в Приграничье, научилась видеть, кто злой, кто нет, а кто и вовсе неживой. У тебя хоть рога и клыки растут, а все ж человек ты. Почти человек. И добрый. Впрочем, некоторые люди будут похуже дикого зверья...

Это она уже Ивану говорила. А глазки так потупила, покраснела как маков цвет, насыпая в плошку варева своего.

Есть мне перехотелось тут же, как поняла я, что царевича моего соблазнять пытаются. Вот же кикимора! Лесунка проклятая... Во мне злость закипела, как я увидела, что Иван на девуку эту смотрит ласково, как... как на меня всегда смотрел.

Что за мара?

— Меня Иваном звать, я царский сын, ты не гляди на уродство мое — чары то злые. — Иван поближе к хозяйке придвинулся.

Я резко встала и за дверь выскользнула, но моего исчезновения, кажется, никто не заметил. Если она, девка эта, такая мудрая, что ж осиною и чесноком, полынью не проверила? Может, сама того боится? И молнией мысль мелькнула — как бы не попали мы в гнездо нечистиков каких, больно резво под чары Иван попал, да и не выживут люди в лесу этом диком, проклятом. Тут же пара верст — и Калинов мост да река Смородина, за которой расстилаются моровые болота. Жаль, засветло не добрались.

В лесу стремительно темнело, ухали совы, и мрак казался густым, как кисель. Жутко. Из такой тьмы кто угодно вылезет, и не почуешь — ни листочек не шелохнется, ни веточка не хрустнет.

— Не сиди здесь, — из полумрака дома вынырнула Яська, и глаза ее будто алым отсвечивали — небось закат виноват, еще горит пожарище над

елями.

— Нечистики бродят? — усмехнулась я. Вовнутрь идти не хотелось, понимала, что сейчас или Ивана поленом огрею, или девку эту, больно ушлую.

— Не нужен мне твой дружок, — вдруг сказала хозяйка, взяв меня за руку — кожу холодом обожгло, словно я в морозный день до железа дотронулась.

— А что тебе нужно? — Я руку отдернула, лицом к Яське повернувшись.

— Защита. — Она взгляд отвела. — Айда в избу, расскажу...

Я поплелась следом, понимая, что все едино на пороге всю ночь не усiju, никто не знает, что за мары бродят окрест. Зашла, села на лавку рядом с Иваном, решив ни за что не оставлять его наедине с хозяйкой лесной, пожалев уже, что только что выходила — кто знает, что за морок на него наслать успели? Вон какой сидит осоловевший...

— Погодь-ко, возьми поешь. — Мне в руки сунули миску деревянную, и я сделала вид, что хлебаю, а сама исподлобья на Яську уставилась. Не нравились мне ее глаза — как спелые вишни они стали. А ведь поначалу другого колеру были...

— Так что у вас случилось? Чего боитесь? — Я незаметно немного варева отлила под лавку, когда хозяйка отвернулась, чтоб в огонь подбросить веточек можжевельных. Сразу запах горький понесся по избе, и словно бы уютнее стало.

— Сестренка моя, — Яська посмурнела, глаза еще темнее стали, — ее в прошлую луну утащил упырь, теперь и она... кровопивец. А бабка совсем обезумела, все рвется искать Милу, не слышит моих доводов. Вот боюсь, что явится упырица под видом сестренки и бабуля ее на порог-то и пустит... Вот тогда никому не уйти.

— А что ж вы не уходите к людям? — Я прищурилась с недоверием. — Зачем живете в Приграничном к Нави лесу?

— Некуда нам идти... — тихо ответила Яська, и рука ее дрогнула, словно бы она обо что-то ударилась. — Отец пока жив был, мы с ним на краю деревеньки жили, а как ушел и сгинул... прогнали нас. Думают, бабуля моя ведьма. А она так, травы собирает, лечить спроможна. Ну разве ж людям то докажешь?

И столько горечи в голосе Яськином было, что я устыдилась своего недоверия — к тому ж кому, как не мне, знать, к чему приводит дурная слава? Ежели бы не добралась я в Василисину школу да не приняла бы она меня... что было бы тогда? Долго ли довелось бы мне среди людей жить?

Или, как бабу Яськину, прогнали бы в Приграничные леса?

— Скажи, а сестренка твоя вид прежний принимает без клыков да жала змеиною? — вдруг спросил Иван, про которого я уже и забыла, думая, что он зачарованный сидит и толку с него не будет. — Если нечистики могут вид менять да колдовать, то почему только бабу погань эта чарует? К тому же... сама говоришь, бабу твоя силой ведаёт, казалось бы, травнице да знахарке несложно было б распознать во внучке упыря?

А Яська и дернулась, да как метнется в сторону, а изо рта ее жало змеиное, а губищи налились, покраснели, гляжу — зубы в два ряда, да острые, что ножи! Кожа посерела, тени вокруг глаз пролегли... вот погань!

Я опрометью к ней бросилась, загодя приготовленные травы в пасть ее швырнув. Зашипела, завыла упырица, а из-за занавески бабу выскочила — и такая же бледная да красноглазая, с жалом вместо языка да клыками вострючими.

— Аленка! — Иван меня отбросил, меч свой из ножен вынимая. Сталь у него на клинке заговоренная была, с примесью серебра — а этого любая нечисть боится, ковал оружие царскому сыну сам великий кузнец Сварожич, и пламя, из которого меч сей вышел, — священное, погубительное для всех тварей, что родом из Нави, для всех, кто на границе меж мирами застрял. Не устояли упыри против заговоренного клинка, дымясь и шипя, рассыпались прахом, оставив после себя запах гниющей плоти и погоста, вонь болот да свежей крови.

— Вот и все... — тихо сказала я, на лавку почти упав — ноги едва держали.

— Не все... В окно поглядите... — Куколка Василисина на столе стояла, глядя в стылую приграничную ночь.

А там... там полчище целое мертвяков из-за елок показалось.

— Черти круг! — Гоня Ивану в рукав вцепилась. — Соль сыпь везде!

Он заготовленную заранее соль достал да дрожащей рукой сыпанул — под порог, окно, по-над стенами, чтобы в дом нечистики не прорвались.

А они хрипели, стонали, щелкали зубами да выли на разные голоса, окружая лесную избушку.

— Мы в гнёздовье упырей попали... — Иван от чар окончательно очнулся, хмурился, держа меч наготове. — Как теперь выбираться?

— Никак, — буркнула Гоня, — до утра мы из дома не выйдем — разорвут мигом, ты погляди, сколько их! Тьма-тьмущая!

И правда, из-за елок все больше и больше нечистых выползало. Вот и сестренка, видать, Яськина... Махонькая, белолицая, только вот румянца нет на щеках да глазенки слишком красные. Ежели б не это — кто б не

пожалел? А упырица того и ждет, выскочила к окошку, плачет-стонет, мол, пустите в избу, спасите от нечисти!

Я от окна отошла, чтобы не видеть мертвяков, но вой их несея по-над темными небесами, то и дело визги слышались да треск стоял, словно бы деревья ломал кто.

— Так и будем сидеть?..

— А ничего другого нам не остается... — Иван меч у ног положил, устраиваясь на старой шкуре у очага. — В дом они не зайдут — ты охранительный круг сделала. Остается ждать рассвета. Солнце тварей прогонит, а мы дальше пойдем. Главное, успеть выбраться из гиблого места, но за дневной переход должны мы до светлого берендеева леса добраться, Яга говорила, они нам не враги, что бы ни померещилось...

— Сказка Баюна жуткая была — жаль этих оборотней. — Я рядом попыталась устроиться, хотя вздрагивала от каждого крика за стенами избы.

— Ты их раньше времени не жалей, — пробурчала куколка. — Яську вона уже пожалели!

— Кто ж знал, что она...

— Тебя же учили мертвяков да нечистых распознавать! Али что глаза застило?..

Застило... Я отвернулась в сторону догорающих в очаге поленьев. Ревность проклятая. И Иван, наверное, это понял.

— Все хорошо будет... — Иван меня уложил на шкуры, плащом своим накрыл, а руку вместо подушки под щеку подсунул. — Попробуй поспать, не тронут нас, не тронут.

Под вытье да вопли нечистиков спалось плохо, постоянно казалось, что кто-то из упырей в окно лезет али тенью по потолку ползет. А то виделось, что я в лесу стою, у старой сосны, чьи корни змеятся по воняющей болотной жижей земле, а по корням этим ползет сестренка Яси — махонькая, кости торчат, порвав тонкую кожу, а из алых глаз кровь течет. И хныкает упырица, стонет-завывает, когтистыми ручонками ко мне тянется, чтобы горло порвать да кровь всю выпить...

Проснулась я от своего же крика. Задыхаясь, села на шкурах, сердце вот-вот из груди выпрыгнет. По земляному полу скользят лучики солнечные, несмело так, осторожно, словно не решаются проклятый лес нечистиков побеспокоить.

Рассвело.

И упыри исчезли.

Когда мы наскоро собрались да вышли из избы, вокруг нее не было

уже никаких следов навий проклятых — расстился ковер зеленой травы, и была она нетронута, словно и не скакали ночью здесь сестра Яськина да другие мертвяки. Откуда же их столько? Неужто все селение, о котором навка говорила, стали упырями? Как помочь им?..

— Ничем не поможешь тут, — Гоня мои мысли снова, видать, читать принялась, — айда поскорее к берендеям, они нам путь к реке Смородине укажут — вот и конец пути.

— Не конец, а только начало, — вздохнула я, — никто не знает, что там, в теремах Кащеевых, ждет нас, какой тать его да девиц украл... А помочь мы должны. Нельзя оставлять гнездовье. Иван, ты что думаешь?

— Права ты. Пока день светлый, спят мертвяки, и погляди, осины сколько... — Он усмехнулся. — Колов немало надобно, стругать некогда, палок наломаю, да пойдем искать, где схоронились нечистики.

— Некогда нам с упырями... — начала было Гоня, но под моим недовольным взглядом умолкла, хотя весь вид ее говорил о том, что благородство наше ей поперек горла встало уже.

Пещеру с кучей упырей, которые сейчас казались просто синюшными мертвецами с искаженными лицами и серными трупными пятнами по бледной коже, нашли быстро — Иван после того, как двоедушником стал, обрел удивительную способность находить нелюдей. Принюхался лишь, да и пошел в сторону бурелома — поваленные деревья там громоздились почти до середины высоких сосен, а чуть левее гора начиналась, так вот в ней и обнаружился разлом, где от света упыри прятались.

Я как зашла внутрь, так и замерла — сколько же их! Насчитала больше двух дюжин — видать, и правда то селение извели нечистики, жаль людей, да ничем больше не поможешь, разве что с помощью кола осинового упокоить их да души отпустить.

Этим Иван и занялся — только и слышался хруст ломаемых ребер, когда царевич колами орудовал. Оказалось, и одним бы обошелся — едва мертвяка пронзал он, как тот пылью, пеплом черным рассыпался, ничего после него не оставалось.

Но вот заметила я, как из черной пыли, что устилала сейчас каменный пол пещеры, стали подниматься зеленые огоньки. Ненадолго застывали они возле лица царевича, касались его щеки, а потом улетали прочь. Видимо, это были души несчастных.

— А теперь айда в дорогу, времени мало... — пробурчала Гоня, едва Иван встроил кол в последнего упыря. Это была сестренка Ясина, и такой хрупкой и невинной казалась она в посмертии, что не только у меня слезы выступили — гляжу, Иван отвернулся, чтобы мы с куколкой не заметили,

что он плачет. Да только не нужно было стыдиться этого.

Зеленый огонек задержался возле моего лица, будто благодарила невинная душа за спасение. А Гоня хмурилась, ей неловко было, что хотела нас поскорее увести из леса Приграничья.

Дальше в молчании путь продолжали.

Глава 14

Огромные мясистые травы, будто напитавшись жизнью сгинувших в этом лесу путников, отливали серебром, и иногда даже казалось, что не роса на них блестит, а алые капли крови ожерельем украшают папоротники и узкие кинжальные листочки растений.

Жутко в волшебном лесу берендеев, муторошно. Но иду вслед за спутниками своими — юркой, как ящерка, Гоней и заросшим шерстью Иваном. И не страшно мне — знаю, что царевич, коли что, из любой беды выручит — он это уже не раз доказал за время пути. Проклятие двоедушника его изменило — человеком он слабым был, безвольным да хвастливым, а сейчас и смел, и силен, и тих стал. Тот оборотень лохматый, что шел со мной зачарованной чащей, уже мог и защитить, и заботу проявить, а про царевича прежнего самой заботиться приходилось.

Присмотрелась к нему — показалось, снова изменился он. Рога на царевиче ветвились уже довольно большие, на олени стали похожи, с нежным бархатным пушком и охряным отливом медным. Мне даже нравится стала его звериная сущность — скулы заострились, губы тонкие да твердые стали, кожа загорела под солнцем. Правда, клыки пугали иногда — огромные, волчьи. Глаза вот стали удивительными — впрозелень, с узкими змеиными зрачками. Иногда лишь становились прежними, человеческими.

В этом волшебном лесу, через который лежал путь в Навь, звериная сущность Ивана еще сильнее проявилась, да и немудрено — здесь все дышало колдовством, и казалось, чары древних волхвов украсили ягодные поляны россыпями земляники и черники, раскрыли звездочки незабудок и фиалок, усыпав сверкающей пылью ветви старых деревьев, что скрипели в тиши протяжно и тоскливо. Доносились крики незнакомых мне птиц, и аромат сосновой хвои, смолы и дурмана плыл над тропой.

Кто проложил ее в этой чаще? Кто ходит здесь, вытаптывая травы?

— Берендеи, — будто прочитав мои мысли, сказала Гоня, приостановившись. Нахмурилась, потянув носом воздух, принялась. — Костром пахнет. Мясом.

— Это те самые волшебные медведи-оборотни, о которых Баюн рассказывал? — спросила я, устало садясь на мшистый пенек. Он закричал подо мной, зашипел и превратился в маленького, заросшего травой лесовика. Я взвизгнула, едва не свалившись в овраг, заросший лещиной, но

Иван успел схватить меня за запястье и дернуть на себя. Едва руку не вывихнул, окаянный.

Лесовик же погрозил мне кулачком, сплюнул и, перекатываясь, уполз в бузину, что пышным облаком цвела в стороне от тропы. То, что время цветения давно прошло, явно дивные кустарники не тревожило, видать, в лесу этом чародейском, где ландыши цвели рядом со спелой земляникой, можно было встретить разные чудесинки. Вспомнилось, как попала на Ту Сторону в первый раз, когда Василиса меня испытывала, и вот тогда больно уж дивно показалось мне смешение времен — ягоды рядом с лютиками, первоцветы рядом с цветущим вереском. Сейчас привычно все то гляделось, не вызывало изумления.

Гоня лишь вздохнула устало, явно надоело ей следить за каждым моим шагом, чтобы уберечь от бед. А Иван меня нежно по щеке погладил, улыбнулся, и отчего-то легко и хорошо стало на душе.

— Берендеи — не оборотни в привычном понимании, чародеи это лесные. И не любят они незваных гостей. А мы в их лес без спроса явились да без приглашения. — Гоня все еще хмуро оглядывалась.

— Думаешь, не пропустят нас? — обеспокоенно спросил Иван.

— Думаю, наемся, — уклончиво ответила Гоня.

И тут шелест, шорох по лесу пошел, птицы всполошенно загалдели, словно их что-то напугало. Треск поломанных ветвей — будто ломился кто через чащу, затряслись папоротники, разросшиеся под сосняком, — высоченные, мне почти по грудь они были.

И вот вывалился из зарослей огромный лохматый человек, в льняной рубахе и серых холщовых штанах, в онучах простецких, но не был он человеком, поняла я, присмотревшись. Заросшее густой бурой шерстью, с когтистыми лапами и медвежьей мордой, чудище это взревело и, если бы я не спряталась с визгом за Ивана, схватило бы меня!

Царевич наш после того, как двоедушником стал, тоже жутко гляделся. Да и рыкнуть мог и взвыть погромче колдуна, что из лесу к нам вышел.

Я спряталась в зарослях бузины, а царевич и берендей в схватке дикой сошлись — слышны были рев их дикий, треск ломаемых сучьев, топот и грохот, словно деревья огромные падают, сваленные чудищами, кружащими на поляне.

Гоня рядом притаилась, в подол моей рубахи вцепилась, и я, слыша ее дыхание, успокоилась, да и на поляне утихали звуки — рычание глуше стало, уже не падали стволы. Мысли о том, что берендей победителем из схватки мог выйти, я не допускала, слишком верила в царевича да в его силу двоедушника, ведь были эти существа непобедимыми, просыпалась в

проклятом человеке в мгновение опасности невиданная мощь, и превращался он в чудище страшное.

Да и не был больше Иван человеком — тот, кто второй душой обзавелся, оборотнем, зверем становился.

Об одном я волновалась — чтобы нас с Гоней он не зашиб ненароком, потому, как только тишина опустилась на поляну, выскочила я из бузины да и бросилась туда, где берендей с Иваном бились.

Медведь уже человеком стал, сидел под сосной, и на лице его расцветали синяки да ссадины алели, из рассеченной губы кровь капала на рубаху изорванную, а вокруг поваленных деревьев видимо-невидимо, трава вытоптана, земля взрыта.

А у уцелевшей старой сосны стоит Иван — оскаленный, дикий, глаза горят бедовой зеленью проклятой, клыки — еще больше, чем были, грудь его ходуном ходит, а от зловонного дыхания травы вянут и пеплом осыпаются, смолой растекаются, и дымка дрожит над поляной — седая, мгlistая, словно это дымок от костров вьется.

— Ваня! — Я к чудищу метнулась, и хоть было мне жутко да страшно, а обняла его со спины, ладони легли на плечи, оглаживая. — Ваня, Ванечка, милый, все кончено, вернись ко мне, Ванечка... Это я, Аленка!

Сердце в его груди — как молот на наковальне. Услышит ли? Вернется ли ко мне? Победит ли своего зверя?

Обернулся, оттолкнув. Смотрит злобно, дыхание со свистом изо рта парком вырывается — хотя лето и солнышко парит еще, а вокруг Ивана мороз трещит, иней по коже его идет узорами льдистыми. Это Навь вцепилась в него проклятая! Слюна бешеная каплет, и куда падет она, зловонная, там пылью все и осыпается.

Капнуло мне на руку — будто олово расплавленное, железо каленое, — тут же и волдырь вздулся, а я вскрикнула жалобно, и слезы от боли брызнули.

И вот когда услышал Иван мой крик, в тот же миг и очнулся. Глаза человеческие стали, когти втянулись, клыки исчезли...

— Прости, — шепчет.

А лес волшебный вокруг шумит приветственно да весело, и нет больше жути, нет страха, и зелень не гиблая вокруг, не болотистая, а по-весеннему малахитовая, и ягодами сладко так пахнет, как в обычном лесу.

Я молча улыбнулась Ивану — мол, хорошо все, не сержусь. А он нахмурился, глядит на мою руку, видно, что переживает.

— Айда к кострам нашим, — поднялся с земли медведь-оборотень, — угощу вас медовухой, ягодником, кашей да пирогами. Силен ты, чудо-юдо,

сильнее меня, а я вожак племени берендеев, прежде в этом лесу никого не бывало, кто победить меня бы смог. Будьте же гостями у костра моего, в избе моей, берлоге медвежьей.

Иван земной поклон сделал, взял меня за руку, и ладонь его была горячая, родная. Улыбнулась я и пошла рядом с ним в глубь чащи, вслед за колдуном.

Огни зеленые в воздухе вспыхнули, дивными звездами на папоротники осыпались, и заискрились травы, заиграли изумрудно-золотыми бликами, а земляника заблестела рубинами, черника агатом показалась дивным.

Лес волшебный раскрывался перед нами, словно чудесная сказочная шкатулка с самоцветами, раскрывался и показывал все свои тайны и чары. Дивно, хорошо, радостно на душе было, усилился запах костров и мясной похлебки, защебетали птахи лесные, приветствуя гостей леса берендеева.

Костры — выше человека — ярко горели на огромных елях, освещая сгустившуюся тьму. А она черной смолой растекалась по травам, наползая из оврагов. И казалось, что с тьмою вместе приходят в лес жути всякие, страхолюдины да чудища. Я на Ивана глянула — рогатый да лохматый, под стать берендею, что вел нас к кострам, он был страшнее любого порождения Нави, только вот отчего-то не пугал он меня больше, а поначалу и спать боялась — вдруг как вторая душа верх возьмет, да и превратится царевич в зверя лютого?..

Меж тем берендеи нас встретили приветливо — провели к возвышению, что из бревен поставлено было посреди поляны, неподалеку от самого большого костра, но искры оттуда до нас не долетали, хотя жаром все дышало и согревало. Настояем трав диких поили нас с царевичем, слышна была там мята, кислинка ягод — клюквы да брусники, а еще отчетливо ощущалась сладость меда.

Успокаивалась я, отогревалась.

Вот что удивительно — женщин на елани не было, одни парни да старики. Все в льняных рубахах, простых штанах, дохах заячьих, онучах, все с отросшими ниже плеч волосами, схваченными тесемками алыми, взгляды у всех дикие, настороженные, как у зверей лесных. Все делом заняты — кто кострами, кто косяком потрошит, кто воду таскает, а чуть дальше, среди березовой рощи, раскинувшейся возле речки, видны землянки под дерновыми крышами, за травой высокой почти не видать ничего.

— Куда ваш путь лежит? — Давешний знакомец, с которым дрался Иван, сел на поваленное бревно рядом с нами, предложив царевичу

медовухи. Тот принялся, совсем как зверь, и лишь потом сделал первый небольшой глоток. За ним последовали два больших, и я недовольно нахмурилась. Он заметил мой взгляд и отставил чашу — видать, понимал, что хмелеть двоедушнику опасно. Никто не знает, какая вторая душа — вдруг при жизни была она злой да пакостной?

— Путь наш — в Навь проклятую, — ответил Иван, — надобно нам Кощея найти.

— Душегубу там самое место! — сплюнул берендей. — А вы сгинете, и косточек никто не найдет! Сын мой старший ходил в Моровую топь, так едва Калинов мост миновал, так и пропал... говорят, не умер, а неупокоенным умертвием бродит болотами да чащобами. Страшное место, живым там делать нечего...

— А Аленка у нас ведьмарка темная, — отозвался Иван, — от любой беды, любого морока уберезет, в наставниках у нее сам Кощей был прежде, а то, что злыдень он, так про то забыть нужно. Есть беда похлеще — Василиса сказывала, Навь в мир людей рвется, прореха на границе образовалась, и коли не залатать ее — так бездна хлынет моровым поветрием. Много тогда сгинет люду... Трясовицы да лихорадки, короста злая — пакостные болезни всяческие в Яви будут кружить вороньем черным, людей изводить, целыми селениями мор косить людей станет, и живые мертвым будут завидовать да сами в петлю лезть али в речку топиться, чтобы только не мучиться язвами да кровавым потом...

— И неужто нет сильных волшебников, чтобы справиться с бедой этой? — Берендей на огонь смотрел, а взгляд его темнел, по всему видать, не хочет он пускать нас к реке Смородине, за которой моровые навьи болота начинаются.

Иван промолчал — и так все сказано, а я ощутила, что глаза слипаются, что еще миг — и упаду с бревен, заснув.

— Отдыхать вам пора, поди, давно идете, как мимо Баюна прошли только...

И хитреца в глазах оборотня, будто не верит он нам, что из Зачарованного леса мы явились с заданием от Василисы Премудрой.

Но я решила не рассказывать ничего боле, гляжу — Иван тоже напряжен, прищур у него злой, диковатый. Не нравится ему гостить у костров медведей-оборотней, но делать нечего, они в этом лесу хозяева, обижать их, от еды да питья отказываясь, опасно. Да и по законам леса не могут они нас тронуть — кто у костра твоего грелся да еду твою ел, тому обязан ты покровительство оказать. Обидишь коли гостя — беды великие на род твой упадут. А берендеям, жен и матерей своих потерявших, и так

несладко пришлось...

Потому нас в землянку провели да спать уложили.

Глинобитный очаг в дальнем углу, стены из сосновых бревен — толстые плахи, закрепленные между столбами, врытыми в землю. Диковато, несподручно. Мне привычней срубы были бревенчатые с высоким крыльцом, редко встречала я такие дома, как берендеи ставили, чтобы стены полностью были под землю упрятаны, а лишь крыша над ней возвышалась, а на ней — черепа оленьи да конские, рога витые с нежным бархатным пушком. Видать, нечисть призваны отгонять. На крыше из теса — толстый слой земли, трава, мох, да и стены присыпаны. Тепло в таком жилище, уютно, все ж северные леса, промозглые, зимы здесь лютые, не то что в наших степных деревеньках. Да и от пожаров лесных, кои великую беду несут, защититься можно...

В землянке тепло, хорошо, лежанки широкие, шкурами покрыты — берендеи, даром что сами наполовину звери, все ж не гнушаются охотиться. Но не смогла бы я долго в таком доме жить — окошек нет, сумрачно, тесновато, дым может только из двери выходить, оттого дышать тяжело, видать, плохо проветрили, да и сырость чувствовалась — наверняка во время дождя вода просачивается сквозь стены, а может, и подземные воды рядом, кто ж знает. Но хаты и мазанки для такого леса мало подходят. Чудь дальше на севере уже наземные жилища у люда — все ж промерзший наст мешает ямы рыть...

Усталость взяла свое, да и песни Баюна еще владели мною, чары его душа еще не сбросила, и едва я добралась до лежанки, как закуталась в шкуры и крепко заснула.

Да вот только зря, как оказалось... Не принес сон мне роздыху да покою.

В этом сне у меня были перепончатые уродливые руки с длинными пальцами, заканчивающимися острыми когтями, серебрилась на коже чешуя, и казалась она прочной, словно стальные доспехи. Увидев свое лицо в отполированной водой перламутровой раковине, я отшатнулась испуганно, ни звука не раздалось под толщей зеленовато-синих вод. Разноцветные ленты водорослей опутали меня, но с легкостью я вырвалась из их скользких объятий, ужом скользнула в сторону, спряталась в каменном гроте, на дне которого сверкали звезды кораллов. Меж них светились крохотные золотые песчинки, розовый и черный жемчуг, старые, покрытые илом и ряской драгоценности — вот венец из красного золота, украшенный изумрудами, кольца и браслеты, инкрустированные топазами,

вот гривна из старинных монет, каких я никогда не видывала. Чем дальше я плыла по подводной пещере, тем больше драгоценностей попадалось по пути. Вскоре все дно было усеяно камнями и золотом, и стояли на песке, среди гнилых бревен и водорослей, кованые сундуки, из которых высыпались монеты и сверкающие разноцветные камни.

— Это все станет твоим... — слышался шепот, казавшийся шелестом прибоя.

Я резко метнулась в сторону, но плыть было некуда — вокруг высились каменные стены подводного грота, покрытые зеленым налетом ила. Меня не удивляло, как я дышу, как слышу под водой, все казалось здесь привычным и обыденным. Словно я всегда жила здесь.

— Мне ничего не нужно... — прошептала я в пустоту, но даже заплакать было невозможно — вода тут же смывала слезы.

— Даже они? — все так же тихо прошелестел невидимый собеседник, и в стене грота появилось слюдяное оконце. За ним можно было разглядеть перламутровую ракушку — такую огромную, что, если бы поместить ее рядом с избой, она доставала бы до конька на крыше. Нижняя створка ракушки застлана была шелками, нежно-розовыми, будто рассветное марево над рекой в туманный день, и лежала там женщина в простой белой рубаше, украшенной вышивкой. Босая, простоволосая — но как же хороша она была! Губки — как малина, глаза — осколки льда на белоснежном узком личике, а волосы — словно спелая пшеница.

Я прикинула к этому окошечку, жадно разглядывая видение, и из глубин памяти выплывали картины, как эта же женщина сидит за прялкой у окошка, как она ловко справляется с огромным чугуном у печи, как достает пирог, отодвинув тяжелую заслонку, как плетет мне косы, красиво украшая их атласными лентами...

— Мама... — мой шепот — хриплый, надсадный — показался клекотом жуткой птицы, дышать стало тяжело, словно бы чьи-то когтистые лапы схватили меня, сдавив горло. Перед глазами потемнело, закружилось все, заплесали желтые звезды... Рядом с пленницей подводного мира появился мой отец — рыжие вихры, огненный взор агатовых глаз, смуглое лицо, что будто высечено из камня... Рубаша-косоворотка, широкий пояс, онучи — одет небогато, но ладно. Сидит на камне, и руки его спутаны водорослями, зелено-бурые ленты вьются по груди и плечам, и, несмотря на видимую хрупкость их, кажется, что разорвать свои путы мельник не может.

— Так что, Аленушка, говоришь, ничего тебе не надобно? — мерзко заскрежетал голос над плечом. Я обернулась всполошенно, но никого не

было рядом. А окошко, когда я снова к нему бросилась, уже исчезло — лишь дивный цветок из хрусталя распускался на том месте.

— Надобно! — крикнула я и заметалась по гроту, ища окошко. — Надобно! Отзовись, кто ты?! Где ты?

— Здесь я, — змеиный шепот пронесся под сводами грота.

Я повернулась, рассекая воду перепончатыми руками, и крик застыл у меня в горле. На троне из кораллов и ракушек, переплетенных водорослями, сидело чудище морское. Зеленые волосы шевелились в толще вод, и казалось, это ужи или гадюки, болотные огоньки вместо глаз, скрюченный бородавчатый нос, кожа — как желе, покрыта рыбьей чешуей. Похож был подводный царь на огромную склизкую жабу, наряженную в золотую рубаху и боярский камзол, вышитый жемчугами да мифриловой нитью. Страшен, отвратен, в слизи мерзкой, весь усыпан бородавками.

— Так что же, Аленушка, хочешь родителей спасти? — снова шепчет, а выпуклые глаза рыбы так и вращаются, так и горят зеленым пламенем.

— Хочу, — твердо ответила я, пришлось подплыть ближе, когда чудище меня поманило к себе. — Но сейчас не могу я... Кащей спасти надобно, обещала я Василисе...

— Больше ни слова! Навий царь в терему своем на цепях висит. Я тебе путь к нему укажу и родителей отпустить обещаю, коли ты в русалью неделю ко мне явишься. Времени до того — две луны почитай, управишься. Но едва загорятся костры в селениях, едва дочери мои выйдут на луга заливные танцевать да венки плести, едва папороть зацветет волшебным огнем в темной лесной чаще — последний срок придет для твоих раздумий. Не придешь — утоплю батюшку с матушкой твоих!

И так жутко поглядел царь подводный на меня, что дар речи отнялся. Я лишь и нашла силы кивнуть.

— К Кашею тебя приведет клубочек волшебный...

К моим ногам подкатился клубок из зеленых нитей, похожих на водоросли. Замер на песке. Я подняла его, и тут же тьма плеснулась. Вязкая, удушающая, будто меня в смолу окунули. Я, задыхаясь, пыталась выбраться из морока, но он становился все гуще, забивая мне рот, не давая вдохнуть.

— Аленка! — резкий окрик раздался в этой смоляной тьме. — Проснись!

— Что... что это? — Я резко села на постели, странно мокрой, воняющей тиной и гнилой рыбой. Отряхнулась, как мокрая кошка, вскочила. Гляжу — Иван на меня странно как-то смотрит, а на рубахе его — влажные следы от моих волос.

— Ты намокла... — нахмурился он. Почесал рог, что с прошлого вечера вроде даже больше стал, и воровато оглянулся на шкуры, коими дверь из землянки отгорожена была. Царевич явно волновался, чтобы берендеи на наши крики не сбежались. Как потом объяснять, что я выгляжу так, будто из озера вылезла?

Меня в озноб кинуло, и я поспешно натянула одно из одеял, что возле лавки лежало, мое совсем промокло. Сняла с уха водоросль, с возрастающим удивлением ощутила под ногтями мелкий ракушняк, будто скребла руками по речному дну. А у ног моих клубок с лохматыми зелеными нитями лежал — явное свидетельство того, что сон мой вовсе не сном был.

— Зато мы теперь Кащея найдем... — пробормотала я. — Не спрашивай ни о чем, я сама не понимаю, что это было.

Иван кивнул и клубок в сумку спрятал.

А я опустила голову, занавесившись влажными волосами, от которых шел стойкий запах заболоченных вод, пытаясь скрыть от царевича тоску свою да печаль. Не стоять мне с ним на рушнике, не пить мед из одной чаши.

Видать, от судьбы не уйдешь.

Глава 15

Как из лесу берендеев выбрались, так уже заря небо подожгла и алый костер полыхал над сизой мглой, что клубилась над рекой, а воды в ней — и я глазам своим сначала не поверила — красны были, как кровь! И виделось мне, что души навий тонут в бездне этой проклятой, и крики их, их стоны слышатся в вое ветра, что несется над просторами Смородины.

А на Той Стороне — призрачный лес, и ели огромные подпирают верхушками острыми небеса, и кажется, не видала я в своей жизни места страшнее. Стоишь на этом берегу, глядишь вдаль, а сердце стынет, сердце и биться перестает. Жуть лесная глядит на тебя, и не спрятаться от взгляда бесовского, не скрыться. Коль пришел сюда, знать, готов морок принять в сердце свое — так думают навьи.

Над водами этими мост чернеет — перила витые узором дивным украшены, а сам мост высок и красив. Да страшен. И зеленоватые, словно медные, пятна по нему раскиданы. Несет окалиной железной, сладкой кровью пахнет, горечью волчьей ягоды. И стон идет из земли — вот и добрались мы до границы меж мирами.

Калинов мост перед нами. По берегу — обломки стрел, мечи, щиты и кости белеют, черепа скалятся. Волны алые ласкают их, оглаживают нежно, словно руки материнские, и кажется, что улыбаются скелеты своей участи.

Черен мост, страшен... А за ним — Навь проклятая хмарится. Блиски лезвия летают по-над лесом, дым стоит, словно сотни костров среди деревьев разложены. Кукла Василисы на Ивана проворно забралась, вцепилась ему в волосы, он и взвыл.

— Осторожнее, окаянная!

Сбросить ее попытался — не тут-то было. Хватка у Гони крепкая, не смотри, что малявка росточком с половину локотка.

— Река Смородина это... — прошептала она. — Там, на Той Стороне — мир мертвых.

— А почто Калинов-то? — Иван огляделся. — Что-то ягод не видать...

— Дубина ты, — беззлобно ответила куколка. — Калинов — потому что раскалили его докрасна огненные воды. Это сейчас они спокойны, а как ближе подойдем — увидишь дымок да запах услышишь паленого. Все, что упадет в реку, всему — смерть!

А Иван смеется — дразнит, видать, куколку, кто ж не знает про Калинов мост — границу между мирами.

И вот чем ближе мы подходили, тем гарью и дымами сильнее несло, да жаром — словно у печи мы раскаленной.

На Той Стороне деревья затряслись, земля застонала, и вышел к мосту огромный змий о трех головах — как изба он был ростом, глазища — тарелки, пасти оскалены... злой, гадкий, мерзостный. Но для него Баба Яга нам подарочек дала — его-то я и приготовила еще загодя и сейчас ощущала приятную тяжесть волшебных зерен в ладони, и почти не было мне страшно. Разве что чуть-чуть.

Ведь старуха сказала — пройдете все испытания. А она ведает, что было, что будет... И я ей верила.

— Брат мой тут бился с чудищем поганым, — вдруг сказал Иван тихонько. — Шутки да прибаутки мои вы не слушайте, все я знаю, только вот не рожден я богатырем, как сродственник мой. Сила есть, ума маловато, а с пустой головой змия не победить. Но говорил он, я помню, что головы рубить толку мало — где срубишь одну, три вырастет.

— Больно ты стал говорливый, — сварливо отозвалась Гоня и дернула его за золотистый локон. — Пустая башка аль нет, а за то, что от берендеев ушли, спасибо тебе.

Я улыбнулась — перепалки их путь скрашивали.

Малиновое зарево разгоралось все сильнее, пекло разверзлось прям от берега, и стонали-кричали в огненных водах черные души. Слышался вой плакальщиц — из Яви доносился он, видать, хоронили кого. А мы с Иваном да куклой Василисиной уже давно покинули мир живых, тогда еще, как пустила нас Баба Яга в туман безвременья. Вот куда тропа нас привела — еще чуток, и найдем то, что ищем. Да только рад ли будет тому Кашей? Может, ошиблась Василиса, может, сам он в Навь спустился, устав от мира живых?

Может, он и виновен в похищениях девиц? Так Иван поначалу думал, не веря, что беда могла с наставником моим приключиться. Такой, как он, сам кого хочешь к беде приведет, не пощадит, не пожалеет.

Смрадом понесло, вонью жуткой, будто могила разверзлась, будто болото зацвело иль мертвяки из затона вылезли, — видать, не только из-за красного цвета река это имечко получила — Смородина.

— Так и будем стоять али придумаем чего? — спросила куколка. — Аленка, доставай подарёнку свою!

Я и раскрыла ладонь, а там — зернышки пшенные. Чем они нам помогут? Но Яга сказала — без них пропадете... И я ей верю.

— В землю брось! — догадался Иван. — Богатыри родятся нам в подмогу! Кидай скорее!

Я и бросила — размахнувшись. Змий в мою сторону головами повел, рыкнул, пламенем плюнул, но не достал, огонь в воды раскаленные упал. А из зернышек потянулись росточки — миг единый, и стоят пред нами пятеро крепких молодцев. В кольчугах блескучих, в шеломах, с булавами шипастыми да мечами двуручными. Глаза — синие, как море, волосы — пшеница, солнцем обласканная. Статные, сильные. Бросились они к змию, а мы следом за ними побежали — чтобы пока бьются наши защитники с чудищем, мы через мост перескочить успели.

Ноги пекло, вонь стояла жуткая, то и дело кто-то, вынырнувший из вод огненных, норовил схватить за подол поневы, и я не удержалась, звонко взвизгнула, когда костлявая призрачная рука меня по пятке зацепила — обожгло кожу, словно на раскаленную наковальню ступила. Иван меня тут же схватил, через плечо перекинул, еще быстрее побежал по мосту к Той Стороне. А у меня — мир вверх ногами, и там, в огне да дыму, богатыри змию головы рубят, а у него новые растут, и вот уже стоглавый он, и плюется пламенем, и грозный рык его несется над рекой Смородиной, над Калиновым мостом. А я глаза закрыла, вцепилась в плечо Ивана и с ужасом думала только о том, чтобы все закончилось скорее. Кости его мне в живот впивались, но я лишь — чтоб не орать больше да не позориться — косой себе рот заткнула и еще сильнее зажмурилась.

Но вот остановился Иван, и я поняла — все, кончился мост. Открыла глаза — ни богатырей, ни стоглавого змия. Сидит на краю моста трехглавое чудище, но на нас не глядит, будто и не видит.

— Если через три дня не вернемся, навеки тут останемся... — услышала я голос Ивана, но он был глух, далек. Словно меж нами стена тумана простиралась.

Впереди было топкое болото, и я с тоскою на него глядела — еще свежа была память, как по таким гиблым местам я с куколкой Василисиной пробиралась, когда испытание проходила.

— Где наша не пропадала! — бодро крикнула Гоня, спрыгивая с Ивана. — Айда искать, где дворец Кашеев! Коли медный мост преодолели, то и Навь нам не страшна!

Я лишь вздохнула тяжело, но с Гоней спорить себе дороже.

Вдруг позади голос раздался тихий:

— В добрый путь, девица, в добрый путь, молодец...

Обернулась — стоит девка в беленой рубахе, вышитой алой нитью, в венке из калины, и горят кровавым огнем ягоды, и рассвет малиновый, что над рекой Смородиной, на щеках этой красавы. В глазах же ее — тьма болотная, хмарь, тучи грозовые. И тьма и свет, Навь и Явь удивительным

образом в ней сплелись, и кажется, что ежели бы все в мире находилось в таком согласии, то не было бы ни болезней, ни мора, ни голода, ни войн, не было бы и смерти.

— Пропустила я вас по доброй воле, знайте уж — коли б хотела, нипочто богатыри старухины змия моего не одолели б! — Насмешка во взгляде, ямочки на щеках, а на губах змеится улыбка. — И коль пропустила, то знайте — помогу в дороге. По болотам пройдете, как по проторенному тракту, иначе не успеете за три дня обернуться.

Мы с Иваном тут же до земли деве поклонились — понимали, с какою силой дело имеем. Злить Смородину-деву почем зря нельзя — утопит тут же или жертву себе потребует, и чтобы усмирить ее да укротить, откуп будет нужен. А где его взять? Самому разве что сигать в реку придется, чтобы Явь она не затопила.

— Благодарствую тебе, речка Смородинка! — Иван из кошелька вдруг камушек достал — ярко-красный, искристый он был, будто капля крови заledenела да взялась изморозью. — Вот прими подарёнку от братца моего сродного, сказывал он мне, коль занесет в Навь, передать от него весточку.

Улыбнулась дева, камушек приняла, и из взгляда ее на миг тьма исчезла.

— Что ж ты молчал-то? — прошипела куколка. — Сразу бы показал камушек, богатырей бы сберегли!

Иван только плечами пожал — ну, дурак, он и есть дурак, хоть и царев сын.

А Смородинка исчезла, словно ее и не было, камушек едва приняла. И тут же вместо Моровой топи появился луг дикотравный, но негусто зеленел он, пройти вполне можно было и ног не замочить в росе да грунтовых водах. Выполнила дева свое обещание.

Я Ивана за руку взяла и шагнула на мягкий ковер травянистый, спешить нужно. В лицо пахло дымом и кислинкой ягод, верещатник полз по земле, а на нем лиловые цветочки дрожали сиреневым маревом. И не подумала бы никогда, что на Той Стороне может так вольготно дышаться!..

— Что-то больно легок путь по Моровой топи, — хмыкнула куколка, по привычке вцепившись в волосы царевича, — видать, сам царь навий помог в том Смородинке, сама бы она не справилась!

Иван молча зыркнул на меня волчьим своим взглядом, а я взгляд отвела, чтоб не догадался он о том, что когда-то Кашей женихался. Но что же будет, если узнает царевич правду? Не обозлится ли? Но о том после думать буду, не до того сейчас.

Время на исходе.

— Айда, некогда нам, — и я пошла вперед, стараясь не оглядываться.

Терем, чьи крыши пожарищем огненным полыхали среди темной губительной зелени елей, возвышался на холме, заросшем колючей ежевикой. Ягоды уже поспели и чернели среди листвы, словно ониксовые камушки, и крупные были, сочные — никогда я не видывала огромных ягод таких. Только руку протянула к ним, а кукла Василисина из сумки высунулась да легонько так меня по ладони хватать. Вроде тряпичная она, сама махонькая, а ударила так, словно бы пудовая рука у ней.

— Погоди хватать то, что не знамо на чем выросло! — Гоня нахмурилась, бровки шелковые свела, спрыгнула на землю и скоренько к кустам посеменила. Принюхалась, скривилась. — Мертвая тут земля, разумеешь? Али забыла, что на Той Стороне нельзя ни есть, ни пить ничего?

— Не знаю, что и нашло на меня...

Я оглянулась, ощущая, что голова моя как в тумане — и правда, чего меня на ягоды навьи потянуло? Знала же — в мире мертвых, куда мы с таким трудом добрались, нельзя на них и глядеть, а то навеки тут останешься костями трясти по болотам да еланям. Знала же это, еще с тех самых пор знала, как на испытание меня Василиса Премудрая сюда отправила — немало дорог с ее куколкой мы исходили, а выбрались, вернулись к живым.

И сейчас нужно выбраться.

Только вот Кащея Бессмертного, наставника нашего по черному колдовству и заклинанию умерших, спасем — и назад, к солнечным полянам Яви, к рощам березовым, к речкам хрустальным... В Нави, окутанной зеленым моровым туманом, жутко было, холодно все время, словно бы в пещере глубокой.

Иван-царевич, спутник мой, к хороминам идти не спешил почему-то. Застыл посреди травы, до пояса ему достающей, голову набок склонил, прищурился, а потом и говорит:

— Неужто в плену в таких дворцах царских держат? Может, обманул всех Кащей твой, а, Аленка?

Ревновал он меня к нашему наставнику, жуть как ревновал. С тех самых пор, как пошел слухок, что Кащей меня замуж зовет, а я артачусь. Говорили, девка цену себе набивает — кто, мол, откажет повелителю Нави? Много мне тогда насмешек пришлось выслушать, проходу не давали — все мертвой невестой величали. Неужто и царевич слыхал те разговоры? И не было для него тайной, что Кащей меня в царицы звал?..

А то, что я отказала, потому что мне другой приглянулся, о том Иван мой сейчас будто и не думает. И что другой этот — он самый, ведь с самого первого дня, как я оказалась в хороминах Василисы, ни о ком, кроме царевича, и не думала! А он разобиделся, стоит, руки на груди сложил, вижу — злится. Он с тех пор, как двоедушником стал да облик сменил, вовсе характерным стал, и раньше-то ласковым не был, а сейчас и вовсе ярится по любому поводу. Вот сразу видно — знал о той истории, когда колдун навий за мной тенью ходил. Что ж молчал и никогда прежде не спрашивал? Мне скрывать нечего, я чиста перед ним.

— Может, в подвалах он или в темнице? Нам ведь то неведомо.

Я к Ивану подошла, по руке его погладила, улыбнулась поласковой, чтоб не злился. Управу на него я давно нашла, не мог он отказать мне, если что просила я его сахарным голосом, если была нежной да тихой.

Куколка Василисина на нас смотрела так, словно всю душу мы ей измотали. Видать, рада будет от такой компании избавиться, как вернемся к Василисе.

Если вернемся — ведь из Нави, царства мертвых, дважды еще никто не возвращался. И так мне шанс был дан — а я снова в нижний мир сунулась. И поделом мне будет, коли застряну. Вздохнула я и повела Ваню своего вперед, он хмурился, дышал шумно, но шел. Спаситель называется — такого самого отовсюду спасти приходится. И угораздило же меня полюбить эдакого?.. Ну да сердцу не прикажешь, утешала себя я, надеясь, что как вторую душу от Ивана отвадим, так он снова станет прежним. Если Кашея найдем, как о том просила Василиса, так он и царевичу моему помочь сможет.

А хоромы все ближе — вот уже клетки и подворье разглядеть можно, ворота широко распахнуты, словно нас ждут там. Клетки на хороминах были с прирубам, задцами и придельцами, и, кроме обычных сеней, еще пристройки к ним шли разные. Богато живут здесь, по всему видать. По двору — погреба, бани с предбаньями, хлевы, амбары, конюшни — и никого. Будто вымерли люди. И нелюди заодно.

Хоромы, к которым вела нас Гоня — словно знала, куда идти следует, — в два яруса высились, терема светлые были, с башенками-пристройками, кои еще смотрильнями назывались, отсюда же нам видны были сени, с двух сторон которых сделаны покоевые горницы, прям как у царей все-то. Я этого не знала, не видывала прежде, Иван рассказывал, что его батюшка такие хоромины возвел. С высокими теремами, вокруг которых гульбища — балконы да парапеты — вились, с кровлями двускатными, а то и шатровыми.

А еще, пока шли мы к крыльцу, царевич мой все выпытывал, забыл ли Кашей о том, что жениться на мне хотел, али нет. История-то с его жениховством была давняя, пропал он опосля. Не одна луна с тех пор прошла. Только все я понять не могла — что ж он раньше-то молчал, что знает обо всем?

И лишь отмахнулась я от расспросов его — не до того сейчас. Он, кажется, обиделся, но виду пытался не подавать, только хвост его, который вырос после того, как царевич вторую душу подцепил, дрожал, да то и дело хлестал им Иван себя по бокам — видать, не понравилось ему, что я ушла от ответа.

А разве ж сейчас время о том говорить? Мало ли что за чудище нашего наставника уволокло?

Терем над сенями крашен был узорами дивными — птицы там на ветках гнезда вили, цветы среди листвы алели. Светлые окна на все стороны света выходили, на миг показалось мне, будто мелькнуло бледное лицо чье-то. Но сколь ни вглядывалась я, больше не видела там никого.

Поднялись по ступенькам, прошли через сени, украшенные резьбой. Гридница, которая взгляду открылась, была тканями шелковыми обита, узорчатые, переливчатые, казались они усыпанными драгоценной каменной крошкой — не то аметистовой, не то чароитовой. Лавки широкие, меха вместо ковров, на стенах оружие: топоры да мечи, палицы боевые; у дальней стены сундуки расписные для одежды и утвари. Дальше, видать, одрина располагалась.

Хорошо в таком тереме жить, привольно. Подумалось — стану царевной, коли не обманет Ванька, так у меня тоже такие палаты будут. Тут же я эти мысли прогнать попыталась, замужество мое по воде вилами писано, вот вдруг расколдуется царевич да и найдет себе под стать невесту, а меня оставит...

— Вы думаете, пленника в теремах держать будут? — позади раздался голос куклы. — Чего пошли сюда, айда вниз, в подклети поглядим, что да как...

Спустились — пол земляной, но как камень утоптан, подклет глухой, без окон, видать, здесь скот держали или кладовая была. А может, и погреб делали изначально.

— Сюда! — Кукла дверцу нашла деревянную, и хоть та заперта была, а когти Ивановы крепче стали булатной теперь. Он ими замок и сбил.

Оттуда тленом и подземельями понесло, и послышалось, будто кашляет кто вдали. Страшно так, надсадно и чахоточно.

— Кашей! — закричала я, бросилась в ту сторону, откуда слышала

звуки, — разветвлялось подземелье, и я направо побежала. Позади меня послышалось, как ругнулся Иван, помянув всех чертей и заодно с ними наставницу нашу, Василису, которая отправила выручать Кашея из Нави именно меня.

Но мне все равно было — после объяснимся. Сейчас нужно вытащить старика из подземья. Хотя... видела я его второй облик — и уж стариком немощным его тогда точно назвать нельзя было.

Вместо костлявой безобразной тени с морщинистой кожей и паклей седых волос явился ко мне когда-то высокий и стройный витязь — луноликий, с кожей фарфорово-белой, скуластый он был да глазастый, с точеными чертами, до того хорош собой, что едва не очаровалась я. Да только мертвою оказалась его красота.

Образ его встал перед глазами — серебристые волосы ниже плеч, схваченные обручем с аметистами, широкие плечи, укутанные шелковым плащом темно-синего цвета, на груди толстая цепь сложного плетения из какого-то дивного сплава, ранее мной невиданного, с мечом на поясе, а в навершии топаз сверкает размером с голубиное яйцо. А глаза... до сих пор вижу этот взгляд — черничная синь и моровая падь, морозный вечер зимний, ночь беззвездная, океан и туманный луг на рассвете. Вот что было в этом взгляде. Весь мир бесконечный, вся бездна, море-океан и небеса грозные.

И весь мир этот дивный готов был положить к моим ногам этот витязь. Да только навий мир, мертвый... За долголетие в объятиях Бессмертного пришлось бы мне многим заплатить — и душой своей светлой, и жизнью в Яви.

Вспомнилось все это — и вдруг будто молния сверкнула, разбивая все очарование, и прошло чувство тоски, словно и не было его. Это Иван меня догнал, схватил за руку — резко, больно, и развернул к себе. Глядит на меня, скалится, будто зверь дикий. А он теперь зверь и есть. Расколдует ли его Кашей? Уберет ли вторую душу из тела царевича?..

— Ты помни о том, что я тебя люблю, — шепчет, а у самого глаза черные стали, будто смолой налились. — Не думай о том, что он дать тебе сможет — богатство и долгую жизнь, думай о том, чего лишит — чар, души человеческой и доброты твоей, станешь каменной, станешь иной. Не пожалела бы потом... А пожалеешь — так ничего не вернешь. Мертвые не отдают того, что забрали. А он давно уж иной, измененный... не подвластен он Яви светлой, и то, что он наставником нашим был, то лишь Василисы заслуга, уж не знаю, какую она управу на него нашла, но то ее тайна. Слышишь? Помни, что я тебя люблю!

И оттолкнул меня.

А я знала, что Василиса пообещала Кощею взамен, но промолчала. Лишь кивнула, не зная, что ответить, а потом за руку Ивана взяла, и дальше мы уже рядом пошли.

Ход освещали зеленые камни — они ярко горели, вставленные в стены дивными узорами, и иногда казалось, что мы идем по прекрасному подземному дворцу, озаренному изумрудным свечением. Из-за этих камней кожа моя отливала болотной зеленью, казалось, что я стала нечистой речной, как родители мои... тревожно стало на душе, как вспомнила о них, уведенных когда-то давно в подводный мир.

— Мы, как только с заданием Василисы управимся, сразу отправимся матушку с батюшкой твоих спасать, — услышала я голос царевича. — Иначе кто ж на нашей свадьбе с твоей стороны-то будет?..

Я вздрогнула, едва не расплакавшись — и как он угадывает, о чем я думаю? Не впервой уже так — стоит что вспомнить, а он уже о том говорит... Я лишь чуть сжала пальцы, чтобы он понял — услышала я, но не хочу сейчас говорить ни о чем.

Вышли мы к каменному мешку — окошек не было, лишь те же самые зеленые камни искрились в стенах, и в мертвенном свете их увидели мы скелет, кожей обтянутый. В глазницах красные огоньки горели, а на спутанных седых волосах золотая корона переливалась жемчугом да рубинами. Я и замерла на пороге — неужто это и есть наставник наш? Висит на цепях, прикованный, стонет...

— Кощей!..

Я бы упала, если бы меня Иван не подхватил. Осторожно мы приблизились, не зная, что делать — услышит ли он нас? увидит ли? и поймет ли, кто к нему пришел? Вдруг да обозлится, разъярится? Что тогда делать, я не знала.

— Пить... — прохрипел скелет и голову на грудь обронил. Затих.

— Ванечка, принеси ему воды. — Я к стене прислонилась, чуя, что ноги не держат.

— Как мы его отсюда выведем, на горбу тащить, что ли? — Царевич нахмурился, подошел чуть ближе, голову наставника приподнял, пытаясь что-то разглядеть в черных провалах глазниц. Сверкнуло кроваво-алое пламя.

— Пить... Иван, ты, что ль?.. — Кощей едва говорил, с присвистом, шепотом. Едва слышно его было.

— Пришел тебя спасать, как видишь... — Царевич усмехнулся.

— Ты мне ведро водицы колодезной принеси... там, во дворе, за

конюшнями, колодец есть — вот оттуда. Я тогда сил наберусь, цепи сорву...

— Как же тебя так угораздило-то?

— Опосля говорить будем...

И потухло алое пламя.

А я все то время, что Иван к колодцу ходил, так и стояла у стены, вспоминая прежнего Кащея — даже в обычном своем облике старика он никогда не был столь изможденным, никогда так не торчали кости, никогда не бывало такого страшного взгляда.

— И ты пришла... — прошелестел его голос в тишине. — А я и не надеялся... не ждал — не гадал...

Куколка, что возле моих ног крутилась, отчего-то выскочила прочь — может, Ивану помочь решила? Вдруг да не найдет колодец али в какую беду по дороге встрянет, царевича нашего самого оставлять нельзя.

— Пришла... — Я вздохнула, пристально на Кащея глядя.

— Значит, все же не противен я тебе, Аленушка...

— Если Ивана расколдуешь, я обещаю... уйти с тобой! — выпалила я, уже зная, что ни за что не стану навьей женой. Сердце забилося часто-часто, я облизнула пересохшие губы. Удастся ли обмануть того, кто миром теней повелевает? И честно ли это?.. Но о честности сейчас думать не хотелось.

— Не обещай того, чего не можешь исполнить, — глухо сказал он. — Я расколдую его не ради тебя, а потому, что он заслужил это. Тем, что путь такой выдержал, тем, что в Навь спуститься не убоился, тем, что готов спасти того, кто любимую его украсть может... Сильный духом твой царевич, Аленушка, сильный... Я, конечно, злой колдун, но не подлый. Никогда не был подлым — все должны получать по заслугам. Таков закон.

Я молчала, чувствуя, что щеки запылали, стыдно стало, но слов назад не вернешь. Кащей умолк, снова обвис на цепях, видать, силы его покинули.

Вскороности вернулся царевич — он тащил полное ведро прозрачно-хрустальной воды, шел осторожно, боясь расплескать. Куколка Гоня следом семенила.

— Небось сговорились уже? — буркнул Иван, поднося воду Кащею.

— Ты о том сейчас не думай... — И Кащей принялся жадно пить, вода текла по подбородку его, по груди, скапливаясь лужицей на земляном полу. И черты лица его разглаживались, морщины исчезали, на костях нарастали мышцы, кожа стала гладкая, отливать серебром начала.

Еще мгновение, и отбросил Кащей ведро, закричал яростно, напряг

руки — и оборвал цепи, легли они мертвыми железными змеями у ног его, а он отошел от стены, потирая запястья. Лохмотья серые превратились в красный камзол, перевязанный кушаком, на ногах сапоги появились, на груди — цепь золотая с рубинами да алмазами.

Передо мной стоял прежний Кащей — тот, кого я впервые увидела в саду возле Василисиного терема. Сухопарый старик, но с грозным взглядом из-под кустистых бровей, от которого веяло мощью и силой.

В глазах его — тучи, но не родят они дождя плодородного. Каменная земля в его глазах, в голосе — завывание вьюги, так похоже оно на звуки гуслей-самогудов. Знала я — заслушавшись этих песен, может замереть человек, замерзнуть, заледенеть... Редко принимает Кащей облик прекрасного витязя, чаще безобразный старик перед людьми — а кому старость в радость? Вот и тянется он к молодости и красоте, ведь без юной девы не сможет он становиться иным, вот зачем я ему нужна была.

Чтобы подарить юность и свежесть, поделиться своей весной.

И хоть сладки всегда были его речи, а знала я, заморозит он мое сердце, покроет сединой инея золотистые волосы, погасит в душе солнышко ясное. Присвоит все себе, а меня заточит в высоком тереме — будет и богатство, и власть, и сила, и долгие годы... Да только жизнь не мила станет.

— Спасибо тебе, Иван, — тихо сказал Кащей, от меня отвернувшись, — вовек не забуду того, что ты сделал. Как только выберемся — от второй души помогу избавиться, ну а пока походи перевертнем, нам твоя сила звериная еще может пригодиться. Айда отсюда подальше, пока не вернулась змея подколотная, которая меня сюда притащила.

И расхохотался Кащей, поймав мой изумленный взгляд.

— Марья Моревна меня похитила, чтобы только ей я принадлежал! Вот как оно бывает...

Я сразу вспомнила поляницу, которая нас боевой магии обучала, — красивую чернокошую колдунью. Вот, значит, кто всему виной...

Спускалась я по лестнице впереди всех, то и дело на площадках останавливаясь, поджидая Ивана с Кашеем — наставник наш слаб еще был, хоть и хватило ему сил цепи разорвать, а все же плохо пока ходил, может, еще ведра три выпьет волшебной воды, еще силы прибавит.

Перила с балясинами и решетками выкрашены были в яркую охру, глаз веселили, да вот мне все грустнее становилось. Никто не знает, что дальше будет, — понимала я, что не оставит Марья Моревна нас в покое, как узнает, что увели Кашея, налетит моровым вороньем... И потемнело в

этот миг небо, словно покрывало на леса и холмы набросили. Вскинула я голову, слыша позади сдавленное ругательство — то Иван про шишиг вспомнил да анчуток, призывая их наставника нашего вместе с его бабой в болото уволочь.

Марья, видать, за женихом своим идет.

Глава 16

— Не найдете вы здесь красавиц, — глухо проговорил Кащей, глядя куда-то в сторону старого ельника. — А вот разобиженную Марью Моревну — так запросто...

— Кто же мою сестру похитил, Любаву, Варвару-красу? — Глаза Ивана разгорелись опасным злым пламенем. Не верил он навью царю. — Небось ты, тать проклятый, их и упрятал!

— Сдались мне твои... я вот ее украсть хотел, — криво ухмыльнулся мой наставник. — Жаль, не успел! А Марья во гневе страшна, уходить надобно, пока...

Он не договорил — мощный порыв ветра заставил его закрыться полой плаща от сухих листьев и песка, что взметнулись с земли. Схватил меня, пряча от вихря, в котором видна была костлявая женская фигура с седыми космами.

Я вырваться попыталась, услышав жуткий крик Ивана, но Кащей крепко держал... да и то, унесло бы меня бурей, если бы не хватка повелителя Нави. Холодом жгли его пальцы, до кости прожигал мороз, и казалось, вся я выстыла и сердце мое навек оледенело. Замуж он звал... да с таким мужем через седмицу омертвеешь, все силы выпьет, всю душу выстудит.

Стихло все, и крик царевича оборвался, словно бы заткнули ему рот, и лишь тогда Кащей отпустил меня.

— Ваня! — истошно завопила я, отталкивая наставника. Огляделась всполошенно, сердце бьется часто, глухо, тревожно мне, до боли тревожно, и волной черной изнутри страх поднимается. Как будто половину меня оторвали, как будто сердца кусок откололи, душу вынули... Нет нигде Ивана, лишь сумка его дорожная валяется в траве, из которой испуганная Гоня выглядывает. Глаза как два камушка — круглые, изумленные, словно и она не понимает, что это тут было только что.

На небе черные тучи расходятся, и среди них видны огромные птицы, крыла их — как самый большой терем на Кашеевом подворье, клювы — как башенки на забороле.

— Гуси-лебеди это, — услышала я злой голос Кашея. — Марья тебе, Аленушка, решила отмстить за то, что спасла ты меня. Ивана твоего теперь неизвестно где искать...

Небо качнулось, упало на меня, придавив своей тяжестью, я и не

поняла, как то случилось, а только пришла в себя, лежа на расстеленном на траве плаще наставника, а он склонился надо мной, молодой да красивый, в том своем облике витязя среброволосого. Глаза — синь морская, снежный да стылый взгляд, но в нем забота обо мне... и вот — диво дивное! — тает лед, и кажется синь эта лазурной, как небо по весне, как пролески, что первыми в лесах распускаются, стрелами синими пробиваясь из-под снега.

— Аленушка, напугала ты меня... — шепчет, а в голосе его шум лесов, шелест листвы, крики птиц ночных, звон колокольцев латунных, пение хрустального ручья в корнях старого дуба.

Но страшно мне, жутко. Такой он еще опаснее — ведь очаровать может, погубить красой своей.

— Ваня... — простонала я, приподнявшись на локте.

Лицо Кащея, бледное до синевы, с острыми высокими скулами и бровями врзлет, еще ближе стало. Дыхание его стылое холодило мои губы, и казалось, иней покрывает кожу, так морозно было.

— Зачем он тебе, Аленушка? Будешь царицей моей! — Рывком поднял меня, цепко за локоть схватив, плащ свой узорчатый на плечи мне набросив. — Будешь жить на этом подворье светлом... не только тьма живет в Нави, знай — богаты земли эти, славны и беспечальны. Погляди, как хорошо!

И он повел меня к холму, с которого вид на лесистые горы открывался, синие ленты рек вились среди темной зелени, зеркала озер отражали бегущие по небу облака, ни следа от черной копоты на нем уже не было.

Ни следа от Ивана и унесшей его колдуньи...

Горечью осели на губах запахи сосновой хвои и мухоморов, что разрослись возле камней, разбросанных по склону холма, я почти не слышала Кащея, который сладко пел мне о своих богатствах. Показав земли, схватил он меня, словно тряпичную куклу, потащил к тому терему, где прикованный висел. С легкостью, будто я пушинкой была, вбежал по ступенькам на высокое крыльцо, увещевая, жизнь дивную обещая... Через подклеть спустился к подземному ходу, вырубленному в скалистой породе, понес меня по нему, я почти не дышала, свернувшись в клубок да уткнувшись в грудь ему, казалось, что-то меня разрывает когтями изнутри. Все это время, пока царевич был рядом, думала я, что могу выдержать любое горе, победить любую нечисть. А сейчас все будто окаменело, сердце мое улетело вместе с теми проклятыми птицами, что унесли Ивана.

Что же будет с ним теперь? Только я могла усмирить зверя, что жил в нем, только я могла справляться с новой сущностью, которая родилась в нем в тот день, когда он стал двоедушником. Он забудет о том, что был

человеком, забудет, что любил меня. Кого я найду однажды — дикого зверя, истерзавшего не одну жертву? Он даже не вспомнит о том, что было, невозможно вернуть память тому, в ком сидит проклятое существо.

Куда меня и зачем нес Кащей, я не знала. Да и все равно мне было. Я не смогла помочь своему Ивану — это единственное, что волновало меня. Успею ли найти его, пока не распустится в лесу дивная папороть, волшебная трава?.. Или придется уходить к подводному царю с этой незаживающей раной в сердце?..

Кашей распахнул очередные двери, и я едва не ослепла от блеска драгоценных камней, золотых украшений — чего только не было в этой огромной сокровищнице! Горы монет сияли ярче солнца, высились под потолок самоцветы всех цветов радуги — фиалковые друзья аметистов, прозрачный горный хрусталь, зеленый нефрит и россыпи малахита, алые рубины, желтые и ярко-синие топазы, красные гранаты, льдистые хризолиты и множество других камней, названий которых я не знала. Дивные венцы, тяжелые короны, змеящиеся по монетам цепи и ожерелья, бусы из самого прекрасного жемчуга, который я когда-либо видела, перстни и браслеты, усыпанные камнями пояса и наряды, развешанные по крышкам сундуков, — огромное богатство, которое показал мне Кащей, не могло не очаровать.

Но я была пуста, растеряна, лишена чувств и просто не могла радоваться или печалиться. И потому я просто смотрела на всю эту красоту — молча, спокойно, отрешенно. Точно так же я, наверное, смотрела бы на гнездо гадюк или Моровую топь с гниющими деревьями, на мертвяков в разрытой могиле или на белесых червей на дне мшистого колодца.

Ни боли, ни радости, ни отчаяния.

Ни тоски.

— Что же ты молчишь? — рассердился Кащей, резко разворачивая меня к себе. — Никто не бывал в моей сокровищнице с тех пор, как...

— С тех пор, как сбежала Василиса? — тихо спросила я, увидев в синеве его глаз страшное прошлое, ту тайну, которая едва не приоткрылась мне, когда я смотрела в зелень глаз своей главной наставницы в день моего приезда в ее школу.

Кашей не успел закрыться от моих проклятых чар, а я, лишённая страха, который прежде сдерживал меня, смело нырнула в омут его воспоминаний. Назло ему нырнула — подумалось, если узнаю о его тайнах, то проще сбежать будет. Выкуплю свою свободу обещанием молчать и хранить секреты царя навъего.

Сначала я шла по туманному мороку, и травы росистые не сминались,

словно я призраком была, невесомой тенью. Но вот взвесь дождливая развеялась, и я увидела — будто через ледяную стену, — как сидит у зарешеченного окошка прекрасная дева в пышном платье, вышитом золотой нитью. Видны красные сапожки из-под подола, и нетерпеливо вытанцовывает изящная ножка пленницы, словно бы ждет чего-то девушка. Коса ее толстая, до самого пола, и змеей она свернулась, а в ней сверкают льдистые самоцветы, и венчает голову венец дивный — из алмазов и изумрудов.

За окном горенки тьма крошечная, лишь странный узор из огней виднеется на холме — том самом, где Кащей мне только что владения свои показывал. И как я узнала, что это то самое место? Того не ведаю.

Значит, Василиса Премудрая — вот кто Кащею нужен. А я... кем я была для него? Возможностью забыть и начать все сначала? Да вот только забудется ли? Начнется?..

Точно так же, как я Ивана-царевича не смогу позабыть, так же и Кащей Бессмертный — Василису свою.

Вдруг как вытолкнули меня из видений этих, я лишь успела увидеть, как обернулась Василиса, гневно вскакивая с лавки, будто бы прознала, что кто-то подсматривает за ней.

Холодом обожгло запястья, и угрожающе зашипел Кащей, вновь в страшного старика оборотившись:

— Никогда... не смей... пытаться... этого... делать... Это — моя тайна!

Казалось, силы из него уходят, дряблая кожа — как пергамент ветхий, глаза пленкой затянуло, и не понять, о чем он думает.

Казалось, на месте меня сейчас прибьет.

Впрочем, не боюсь. И смешно стало от этой дикой мысли, что совершенно все равно, что дальше будет.

Услышала я жуткий смех потусторонний, как вдруг поняла — это я смеюсь. И подавилась им, смехом этим, словно костью. Кашляю, из глаз слезы брызжут, а сама шепчу что-то неразборчиво, бью наставника по щекам, плечам — куда попадаю, куда дотягиваюсь, туда и опускается кулак.

У него глаза стали ошалелые, оскалился он, сплюнул, а потом просто перекинул меня через плечо и понес куда-то. А я все рыдала да колотила его по спине, будто хотела, чтобы он меня удавил али в топь бросил. Все одно ничего мне не удалось. Ивана потеряла, от подводного мира нет защиты — какая теперь разница, что будет.

— Проклятый... — задыхаясь, я устало повисла на его плече, когда вдруг послышался дурманный запах какой-то травы. Солнечный свет

ударил по глазам, ослепляя, прожигая до костей. Я отвернулась, уткнувшись в колкий камзол Кащея — ткань самоцветами украшена да серебряной нитью... И когда он успел меня с плеч сбросить да на лавку усадить?

— Пей! — гаркнул он, встряхнув меня.

Губы ощутили холод камней, которыми чаша была украшена, и я ощутила дивный сладкий аромат — медом запахло, липой да земляникой, вереском и малиной, словно все ягоды и травы лесные были в этом напитке, что плескался в золотом кубке, протянутом Кащеем. Я сделала первый глоток и ощутила, как тьма и морок отступают, второй — и смогла открыть глаза, чтобы не ожечься о солнечный свет, третий — и по жилам побежал хмель странный, тело стало легкое, невесомое, допила до дна — и вся дурь, все выветрилось.

Мысли ясные стали, кристально чистые. Стыдно стало за то, что драться бросилась, за то, что в память полезла, в прошлое Кащея — нельзя смотреть без спроса, это я всегда знала. Простит ли? Поглядела на него искоса — сильно ли ярится?

А у него не лицо — маска восковая. Ничего не понять, что думает, что сказать хочет.

— Что это было со мной? — тихо спросила я, отдавая чашу наставнику.

— Видать, колдунья решила напоследок нам жизнь испортить, — мрачно отозвался Кащей. — Ей же и в голову не могло прийти, что кто-то по своей воле от моей любви откажется да от трона Навьего царства.

— А если бы приняла я твою корону... что тогда?

— Не знаю. Наверное, твоими руками убила бы меня Марья...

— Но яйцо с иглой...

— Тише, тише — сказки то все. Нет никакого яйца и никакой иглы.

Если и есть, о том он не скажет.

Да и я не спрошу.

Я тяжело вздохнула, сгорбившись, не зная, что дальше делать. Вцепилась в чашу, да так сильно, что костяшки пальцев побелели.

— Ты, Аленка, увидела то, что не положено, но понять должна, что не хотел я тебе повторения Василисиной судьбы. Хотел я, чтобы по своей воле ты мои владения полюбила да осталась бы навеки здесь — богато мое подворье, широки мои поля да густы леса. Топь Моровая — то все для отвода глаз, на самом-то деле здесь почти так же все, как в Яви, только ночи длиннее да холоднее. Чудища все на цепи да по моровым ямам сидят, никому не даю воли гулять да лиходейничать, а вот Марья... завсегда она

любила с мороком хороводить. Покоя мне от нее нет.

Голос Кащея тих был, спокоен. Я снова решилась на него взглянуть — глаза его оледенели, показались мне в этот миг они осколками хрусталя. Жаль его стало, но ни за что бы я не показала этого, не обидела бы его этой жалостью.

— Ты отпустишь меня? — с недоверием спросила я.

— Томить против воли не стану... — хрипло ответил он. — Да только и помогать царевича спасать не буду, тут уж не обессудь. То, что обещал расколдовать... обманул я. Нельзя изменить ничего. Сущность его вторую лишь подчинить можно, но человеком ему снова не стать. Всегда в себе тьму и морок он таскать будет, всегда в нем будет жить дикий зверь. И никогда не избавиться ему от второй тени.

Я сглотнула горькую слюну, пытаюсь не реветь — что жестокому татю мои слезы? Но хоть правду сказать изволил.

— Куда тебе надобно? В Зачарованный лес? — спросил Кащей, и на траву упала его хищная тень.

— А ты что же, можешь меня отправить куда угодно? — Я тоже поднялась, косу за спину перекинула и попыталась выпрямиться, хотя беды плечи мои согнули. — Погоди... кукла!

И я бросилась к крыльцу того терема, возле которого нас чародейский вихрь застал, где Иван сумку выронил. Я бережно подняла ее, но куклы не было нигде.

— Гоня! — отчаянно крикнула я, боясь и представить, что будет, если я спутницу потеряла.

— Здеся я, здеся... — послышалось ворчливое, и из высокой травы выглянула рассерженная кукла. — Едва не бросила меня, окаянная...

— Не серчай, я себя едва не бросила...

— Иди... и не вертайся никогда! — гроыхнуло за спиной, и я, обернувшись, увидела рассерженного Кащея.

Видать, не хотел он меня отпускать.

— Еще увижу, несдобровать тебе — заточу навсегда в пещере под горами Железными! В Навь не суйся даже! — гаркнул, а по лицу, всегда белому, как снег, пятна красные пошли.

— Довела ты наставника, ой довела... — протянула Гоня, когда я наклонилась, чтобы поднять ее.

Кащей рукой взмахнул, и вспыхнуло пламя, а в нем я увидела терем Василисы Премудрой — на высоком крыльце сидел наш домовик Митрофанушка и плел лапоть, а над ним кудрявая березка шелестела, и кружевная тень от ее кроны ложилась на завалинку.

Я, не чуя ног, бросилась к этому колдовскому пламени, в котором видела Зачарованный лес, боясь, что Кашей передумает.

Вдруг как это морок лишь? И нет на самом деле ни Митрофанушки, ни березки, ни хоромин Василисиных?

— И чтобы дорогу в мое царство забыла! — услышала я напоследок, и огонь поглотил меня, выплюнув в светлице главной наставницы.

Глава 17

Вернулась... — задумчиво бросила Василиса Премудрая, глядя на меня как-то больно хмуро, с искоркой недовольства в зеленых глазах, что как два смарагда на бледном ее лице сверкали. Толстая коса, украшенная атласными лентами, накошником с камушками гранатовыми, лежала на плечах, уютно свернувшись змеей, и наряд наставницы, как всегда, был богат да пышен — сверкающая от малахитового крошева ткань, казалось, выточена из горной породы самой Хозяйкой гор, которая в школе нашей светлых волшебников обучала магии самоцветов и драгоценных металлов. Кто знает, может, чарами своими она с Василисой поделилась — не могла простая парча, даже камнями украшенная, так глаза слепить да каменной на вид казаться.

Но почему наставница глядит на меня так... дивно?

И страшно становится мне от взгляда этого.

— Вернулась... — так же тихо отвечала я, пытаюсь отдышаться. После всего произошедшего я не верила, что снова в тишине Зачарованного леса нахожусь, что нет больше смрада навых болот, нет страшного Баюна и его сказок жутких, нет упырей да морока Приграничного леса... вот только и Ивана нет!

Я всполошенно дернулась, бросившись к Василисе, но была остановлена ее холодным взглядом и властным взмахом. Рука ее с широкими золотыми браслетами воздвигла меж нами невидимую стену, о которую я ударилась, налетев на нее со всего размаху.

Больно... Рука затекла тут же, плечо заныло. За что же так?

— Ты мне скажи, почему вернулась так поздно? — Наставница руки на пышной груди сложила и словно ростом выше стала, нависнув надо мной.

— Поздно? — пролепетала я, не понимая, чего хочет Василиса да чего озлилась. И тут же нырнула в зеленые омуты ее глаз. Не хотела я ее еще больше ярить, в мысли прорвавшись, но иногда у меня сила из-под контроля вырывалась, и от растерянности, видать, я нечаянно запрет и нарушила, а ведь еще матушка упреждала — не лезь в чужую душу, никто того не любит, можно и погибнуть в паутине чужих сновидений и грез, в болоте прошлого увязнуть, навеки остаться на Той Стороне.

И не Навь это, не сумрак Приграничного леса... Никто не знал, куда уходят зрячие, которых удалось пленить во время того, как они смотрели в

чье-то прошлое.

— Все одно моя будешь, Василиса! — окрик злобный раздался в тумане, окутавшем меня зеленым маревом, в нем тонули все звуки, кроме двух голосов. Мужского — разъяренного, резкого, и женского — низкого, с хрипотцой, уверенного в своей правоте и оттого спокойного, как воды лесного озера.

Я пыталась разглядеть что-то в этом тумане, но он все едино плотной завесой висел предо мной, лишь две тени виделись вдалеке. Одна — хищная, высокая, костлявая, в острозубой короне хрустальной, вторая — в пышном платье колоколом, кокошнике. И голоса эти были очень знакомы.

Память Василисы?.. Накажет ведь наставница!.. И я с ужасом метнулась назад, но некуда было бежать, некуда было скрыться от этих злых обреченных криков, что вороньем неслись ко мне сквозь зеленую дождливую взвесь и разбивались тоскливым эхом о каменную тропу, вырезанную в горе.

Неважно, где я находилась, нужно было скорее уходить, пока меня не заметил хотя бы Кощей!

С Василисой бы потом примириться, не понравится ей, ох не понравится, что влезла я без разрешения в ее голову. Но куда идти — позади скала, впереди — туман, по краям — обрывы... Словно я на каменном карнизе над бездной стою.

— Не буду я жить в болотах твоих! Если соглашусь, кто тогда одаренных детей учить будет? Мне и так тяжело — никому не нужен Зачарованный лес, леший да домовик — вот и вся подмога!

Видать, занесло меня в древние времена, когда не было еще нашей школы.

— Зачем тебе они? Неужто думаешь, что оценят они твою премудрость? — рычащий голос Кощея громом пронесся над скалами.

— Не зря меня так прозвали, — холодно отвечала Василиса. — И от своего не отступлюсь, ты меня знаешь...

— Что уж тут, — в тоне его ворчливые нотки послышались, — да только опустел без тебя мой терем, паутина да пыль в подземельях, некому петь мне поутру, некому солнце звать в мертвые земли царства моего. Зачахну без тебя...

Зачем же мне в любви клялся? Я похолодела, осознав, что все это видела, знала Василиса, и ежели любила его, то меня возненавидеть должна! Мелькнуло даже предательское — а может, отправила она меня спасать царя навьего, чтобы сгинула я по дороге в лесу Приграничном али

топях моровых?..

Но тут же прогнала я подлые мысли — никто не знал, что с Кашеем и как спасти его, и ежели б сердце Василисино еще горело им, так сама бы бросилась она, не усидела бы в покое и тишине Зачарованного леса!.. Да и зачем ей было мне куколку свою в проводницы давать?..

— То-то же... — слышалось рядом облегченное. — Неужто мудреть начала?

Я взгляд вниз опустила — у ног моих Гоня сидит в своем нарядном платьице из шелка, косу переплетает, личико безмятежное у ней, светится от радости.

— Чего веселишься? — Я рядом села, свесив ноги над обрывом, отчего ладони вмиг похолодели, а сердце в бездну ухнуло. — Я, как выберусь из этого места, точно из школы вылечу! Не простит Василиса... Я бы на ее месте никогда не простила.

— Так то ты... А она недаром Премудрая! Неужто думаешь, против воли ее вошла бы сюда? Даже если не желала она видеть тебя в этом уголке своей памяти, но коль ты здесь, значит, надобно так... А знаешь для чего? Не жалея про Кашея, обманная любовь его, злая...

— Я уже так и поняла, — тоскливо отозвалась я, вспоминая синие очи прекрасного витязя с пепельными волосами, что звенели на ветру тонкими спицами, вспоминая слова ласковые, признания его. Царицей обещал сделать! Богатства свои несметные показывал!

— Думаешь, кто девиц похищал? — прищурилась Гоня. — Оттого и не дал Кашей осмотреть терема свои да подворье, ослепив тебя блеском камней да злата... А Марья его на цепи подвесила от злости да ярости — обещался ей жениться, царицей своей сделать хотел, да предал. Как прознала она, что девок стал Кашей похищать, так и придумала все то... А Василиса сразу поняла натуру его подлую, вот и убежала от хищной да неприкаянной любви татя окаянного.

— Но зачем тогда нас спасти его отправили?..

— А Марья Моревна как с цепи сорвалась, озлилась больно. И Кашей — единая управа на зимнюю королевну, без царя Навь осталась, и коли дала б Василиса волю Марье — беды были бы великие. Кашей Бессмертный бережет дороги в свое царство, не дает люду туда-сюда шататься по Калинову мосту, без него же ворота нараспашку были, дева Смородинка защита слабая...

— Почему ты раньше молчала? — обреченно спросила я, прислушиваясь к спору Кашея да Василисы.

— А я разве знала? Это вот сейчас удалось увидеть — я с Василисой

связана кровью да плотью, я — часть ее души, и едва мы вернулись в терем ее, как я все и прочла в ее глазах. Беда в том, Аленка, что Кашей обманул тебя и вернул в Зачарованный лес слишком поздно. В Нави-то время иначе течет, и вот пока водил он тебя своим подворьем да сокровищами соблазнял, в Яви две луны минуло...

— Да как же это? — растерянно вскрикнула я и едва в пропасть не сверзилась, но какая-то сила дивная меня удержала и из тумана в терем Василисы вернула.

Стоит, хмурится, но нет уже прежней злости в очах смарагдовых.

— Все увидала? А теперь иди, спасай своего Ивана... скоро папороти цвести...

— Ты и про это знаешь? — Я поникла.

— Премудрой не зря меня кличут — видать, заслужила. Я тебе тропу открою к лесу, из которого пара верст до града царского останется, ближе не могу — там охранные заклинания, чтобы супостат не проник в Китеж волшебный.

— И на том спасибо. — Я поклонилась, мазнув рукой по полу, и почему-то с тоской оглянулась на яблоневый сад, что за окошком белыми облаками плыл, хотя время цветения этих деревьев в мире людском давно прошло. Когда еще увижу Зачарованный лес?

Кто ж знает, куда путь выведет...

Что там Василиса сказала про то, что вот-вот папороти зацветать?.. Рано же еще!

И вдруг молнией — вот тать окаянный! Он меня продержал в своем мире так долго, что здесь, в Яви, почти весь срок мой истек!..

Как же я успею-то?..

Глава 18

Впервые этот сон приснился мне совсем еще юной, когда осенние ветра взяли в плен землю, выстудив ее, а в стены изб стучались духи Навьего царства... Он приснился, когда прошло уже несколько лет после исчезновения матери. В то, что ее утащили русалки, я не хотела верить, но разве могли эти видения поддерживать огонь моих иллюзий? Разве могли они вернуть меня к обычной жизни?..

Эти сны повторялись в осенний и зимний изломы, когда колесо времен застывает, когда границы между мирами истончаются и духи беспрепятственно приходят к человеческому огню. Им холодно в вечной ночи, вечном предзимнем мраке — и потому летят они на свет наших душ.

Я закрывала глаза — и тьма набрасывалась хищным лесным зверем. Она терзала меня, звала, блазнилась тонкостанными девушками в белых рубахах, в тине и ряске, с застрявшими в длинных распатланных волосах ракушками и высохшими цветами, кружились русалки, не сминая трав, смеялись заливисто и громко, пели тоскливо да заунывно. Просили меня уйти с ними. А потом угрожали, кричали... Тянули за руки в холодную стылую воду, а река плескалась, искрилась серебристо под полной луной, плыли по воде яркие листья, паутина и хрупкие веточки, сосновые иглы и венки. Те самые, которые бросают в реку в летний праздник Красной горки.

И плывут эти венки, и цветы их черны, как сажа, пепел и тлен их лепестки... дрожат среди соцветий капельки воды, словно драгоценные камушки переливаются самоцветно.

И знаю я — утянут русалки. Утянут в воду, бросят там, промокшую и озябшую, с хохотом и визгом спрячутся в корнях старых и в и под илистыми корягами.

Но как захочу выйти на берег — не смогу... Словно бы цепью прикована окажусь, и утянет меня на дно.

Ни слезы, ни крики мои не помогут — все стихает в туманной мороси, все тает. Никому дела нет до меня, безлюден берег, темен.

Лишь светятся зеленым огоньки заблудших душ, лишь луна равнодушно глядит с небес, лишь ветер качает кувшинки на гладкой поверхности реки. И в отражении вижу я себя — испуганную, бледную, волосы горят медью проклятой, глаза — кора сосен после дождя... И чую — не будет мне спасения. Не ступить больше в шелковые травы, не увидеть летних цветущих полян... Буду проклятой навьей тенью плыть по реке — а

куда течением вынесет, о том не ведаю.

Снова гляжу в воду — а глаза мои цвет сменили. Не янтарь, не мед липовый — бирюза в инистом взоре. И таким холодом повеяло, что кажется, куда ни взгляну — все наледью возьметсЯ. Так и есть — вода тонкой корочкой покрывается, по берегу — снежная крупа.

И смех русалочий за спиной. Чувствую — касаются меня холодные пальцы, а на голову опускается тяжесть проклятого венка. Плыл он в самое царство Нави, да вот ко мне в этом сне вернулся.

Или не сон это?

Запах ила и тлена, запах горелой кости — и красавка ядовитая опускается легкой дымкой на плечи, скрывает от меня все, что раньше я любила, все, чего хотела... Нет больше прежней меня. Есть невеста водяного — та, что еще батюшкой до рождения была духу речному обещана.

Нарушил мельник обещание свое, и даже откуп не помог. Забрала нечисть родителей, а меня все едино ждет и манит. Не отступается.

Вот и снятся мне эти сны, вот и блазнится всякое.

Только не бывало прежде, чтобы снилось мне все это летом солнечным, когда боги светлые над землей царят, а ветра осенние запечатаны в моровом царстве.

Проклятие меня нашло.

И жгу я траву проклятую, в народе красавкой названную. И вдыхаю дым горький, и всматриваюсь во тьму, в бездну навью — проточная вода далеко, не доберутся русалки до меня. А вот что надобно им во время неурочное, то спросить бы не мешало.

Трава эта волшебная, хоть и темная — мази и отвары из нее хоть и ядовиты, но при должном умении границы между мирами сотрут на какое-то время. Главное, вовремя в тело свое вернуться, не остаться блуждать в зеленом тумане, что опускается на Калинов мост.

Пьяным кустом, чертовыми ягодами, сонной одурью и бешеницей называли траву эту за свойства ее страшные. Мало кто умел с ее помощью навьими тропами ходить.

Я вот умела.

Вдохнула горечь проклятую паслёновую — и исчезло все, лишь ядовитый малахитовый дымок по корням черной березы стелется, змеей вьется вокруг искореженного ствола, к воде пепельно-серой льнет.

А оттуда, из глубины, русалка вынырнула. Плети мокрых волос облепили плечи и шею, глаза злые, растревоженные.

— Что хотела? — шипит.

А я гляжу — у воды расцветает бутон красавки. На высоком прямом стебле множество ветвей, а на них распускаются, дрожа, темно-фиолетовые лепестки. Венчик чуть желтоват по краям и красив до безумия, до отвращения. Раскрылся цветок — плод чернеет, словно мелкая вишня на вид. Как замороженная, смотрела я на него, едва вспомнить сумела, зачем в Навь явилась.

— Отец за меня жизнью заплатил, мать — юностью и красотой... — Хрип, клекот птичий из горла моего раздается. — Передай своему повелителю — пусть вспомнит о том!

Русалка же хмурится, продолжая злиться.

— Что молчишь?.. — говорить тяжело, сухость во рту, глотать тяжело, а сердце бьется так сильно, так громко. Нельзя мне долго стоять над цветком красавки, иначе уйти потом не смогу. Уже и мушки перед глазами мельтешат, и от каждого блика лунного, что по воде скользит, глаза режет.

— Ты нужна ему, — шипение, на змеиное похожее, доносится из синих губ русалки.

— Зачем?..

— Беда стряслась в подводном царстве. Придешь помочь, уйдешь после с миром... и родителей вернут в мир людей.

Сказала то и пропала — только всплеск и круги по воде. А я резко выдохнула, закашлялась, ладонь к губам прижав. Отвела руку в сторону, гляжу — кровь. Пора возвращаться... Резко сорвала цветок, и исчезло все — и река, и кривая береза черная, и туман этот клятый.

Снова я сижу у костра — прогорел огонь, пепел сереет, а в нем несколько черных агатов, словно ягоды красавки. И как туда попали?..

Но главное, что знаю я теперь — могу спасти родителей.

И птичьим клекотом смех свой как со стороны услышала — надсадный, резкий. Несчастливый. Ибо понимаю — за жизни родителей своей заплачу.

Но нет иного выхода.

Есть лишь царство Навье, тьма студеная.

И еще Иван меня ждет...

Ведьма вышла из-за камышей, что шептали ветру свои тайны. Она неслышно шла по мокрой от росы траве, и скрюченные руки ее казались куриными лапами с острыми цепкими коготками. Нос ведьмы — непомерно длинный, усыпанный бородавками, приплюснулся, и седые космы паклей трепетали над огромной уродливой головой.

Откуда взялась здесь прислужница тьмы? В округе не было таких, как

она, я бы точно почувствовала всплеск темной силы!

Почему же она явилась, словно из-под земли, так внезапно? Хищно сверкая алыми глазами, она размазывала грязь и черный ил по лицу, и во взгляде ее разверзались навьи моровые болота, в которых можно было утопнуть, если слишком долго смотреть в это лицо — иссеченное морщинами, покрытое пигментными пятнами.

Это не сон, поняла я — все то, что я чувствовала, не сон. Смех русалочий все еще слышался за спиной, и плеск воды, и крики каких-то птиц, а в руке я все еще сжимала стебель дурманного цветка, который едва не сгубил, уводя во тьму туманными тропами. Тьма отступила, но лишь на миг, потому что взгляд старой карги, плывущей ко мне по росистым травам, не обещал ничего хорошего. В нем распахнулись ворота в мир мертвых, и грань между Явью и Той Стороной была слишком тонка и зыбка.

Страх сковал меня, опутал стеблями проклятых трав — мясистыми, прочными, словно веревки, и горло словно бы стянула удавка. Невидимая глазу, она перекрыла доступ воздуха, я услышала страшный надсадный хрип и с ужасом поняла — это я издаю жуткие звуки.

И тут я поняла — не дойти мне до Китежа, царского града. Не увидеть Ивана, не узнать, куда его гуси-лебеди унесли, не справиться с проклятием его.

Ведьма, хохоча, запрыгнула на корни старой кривой ивы, чьи ветви полоскались в студеной речной воде, за них цеплялись русалки, продолжая шипеть, и казалось — это змеиное гнездо шевелится в камышах.

Дочери водяного поняли, что победили, поняли, что ведьма здесь для того, чтобы погубить меня, забрать мои силы, отдать меня тому, кому была я в детстве обещана.

Я и так бы пришла к реке, только вот сначала хотела успеть проститься с дорогими моему сердцу людьми. Ивана вот повидать...

Слушая улюлюканье и свист старой ведьмы, танцующей на корнях и корягах, что торчали из воды, задыхаясь от ее колдовских пут, я чувствовала, как потусторонний ужас когтистыми пальцами рвет мое нутро, и прикосновение мокрых русалочьих рук к плечам показалось обжигающе ледяным.

Черный вихрь появился на берегу, он кружил по ковру зеленых трав, и дрожали в нем чьи-то лица, и ведьма, протянувшая руку к нему, вдруг выросла, становясь выше кряжистой ивы, которая тряслась и качалась в этой ведьмовской свистопляске.

— Иди к нам, иди к нам... — шептали русалки, глядя мои плечи, снимая путы, срывая их, но отчего-то я все равно не могла пошевелиться,

глядя, как великанша срывает с неба тучи, собирая их в свой рваный грязный подол.

Солнце брызнуло янтарно-медовыми лучами, осветив речную гладь, заставив кувшинки радостно распахнуться навстречу ему, но я, уходя под воду медленно и неотвратно, понимала, что тьма пришла не случайно.

Это я разбудила ее.

Но когда и как — я не знала. Да и не имело это значения.

Ведьма стремительно уменьшалась в размере, тучи снова захоронили на небе, а те, что собрала старуха в подол, туманными серыми змеями, в глубине которых сверкали золотистые молнии, расползались из ее рук по поляне, обнимая стволы старых ив, украшая шапками колючий кустарник, что спускался к самой воде. Этот туман закрывал от меня Явь, отгораживая путь к людям, и я знала, что это конец — больше не спастись мне от русалок.

Ведьма захохотала — оглушающе, словно каменная лавина сошла с гор, затем закружилась на месте, подхватив истрепанные юбки, и черный вихрь покорно подтек к ней, ластясь, как верный пес.

Исчезая в клубках дыма, старуха одарила меня напоследок парой проклятий, и голос ее показался мне до боли знакомым, но я не пыталась даже вспомнить. Потому что вода накрыла меня, попав в горло, обжигая и выстужая одновременно, а крики ведьмы стихли, и сквозь толщу прозрачной воды с плавающими по ней кувшинками я увидела бледное лицо со следами черной копоти и ила.

Сверкнули алым ведьмовские глаза и тут же погасли.

Тьма опустилась на берег.

Я тонула, захлебываясь, обжигая солью и смрадом легкие, погружаясь в холодные, несмотря на летнюю спеку, воды. Думалось, прошла вечность, прежде чем показали верхушки домов подводного города, и, несмотря на страх и боль, проснулось странное, ничем не объяснимое любопытство. Впрочем, боль стихала, словно ласка воды, нежно убаюкивающей меня, успокаивала и лечила изможденное тело.

Как в такой небольшой речушке, на перекатах чуть выше колена глубиной, мог поместиться такой дивный и огромный мир, наполненный перламутровым блеском?

Видимо, неважно, каким путем сюда идти — проточная вода чародейским образом принесет куда надобно, даже озеро, если в него ручей подземный впадает, могло бы путь в подводное царство указать.

Путь этот сверкал и искрился, водорослями разноцветными опутывал — от светло-зеленых до ярко-алых — и вел мимо скалистых уступов,

спрятанных под толщею прозрачных вод. Появлялись рядом время от времени тени длинноволосых дев с тонкими изящными телами, и скользили эти тени рядом со мной, не трогая, но и помочь не пытаясь.

Дворцы и дивные сады, деревьями в которых были кораллы, а травами — водоросли. Россыпи самоцветов и жемчугов, витые ракушки и подводные рифы, острые, как заточенный кинжал, осколки хрусталя. Скалы, украшенные хризолитовыми соцветиями и полупрозрачными окошками, за которыми можно разглядеть чьи-то тени. И песок — золотисто-розовый, нежный, если коснуться его, и белая лилия солнца где-то в вышине, сквозь синюю воду она кажется мутной, далекой. Но она есть — пусть и недостижимая. И это понимание, это знание греет душу, и верится — однажды я снова поклонюсь Яриле, однажды я снова лучи его на своей коже смогу ощутить. Не может быть, чтобы все это — навсегда!

Не может такого быть...

И не будет.

И понимаю я, ведомая подводным течением через сталактитовые пещеры, что увижу я еще наземный мир.

Огромная воронка, на дне которой сверкала перламутровая башня, чьи стены были украшены жемчугом, открылась моему взору — и оттуда показались две зеленоволосые девы в нарядах из водорослей и тины. Огромные рыбы глаза — водянистые, жуткие, перепончатые руки, прикосновения которых выстудили сердце, и шепот — словно вода на перекатах, словно шелест ветра в камышах.

Множество рыб сопровождали нас, пока спускались мы в этот разлом, на дне которого находился красивейший из всех виденных мною дворцов — даже в Нави, у Касея Бессмертного, терема и сравниться не могли с дивом, прячущимся в подводном царстве.

Вслед за разноцветными рыбками с изящными плавниками и длинными полупрозрачными хвостами показались из коралловых садов другие жители морского дна. Казалось, все они явились поглазеть на меня — выплывали огромные черепахи и юркие блестящие ужи, из-за остовов затонувших кораблей, перевитых водорослями, с наростами из ракушняка, выползали крабы и раки... Но дочери водяного, привычные ко всем чудесинкам, тянули меня вперед, не давая оглядеться. Крошечные медузы размером с вишенку присоединились к нашему безумному полету над изумительно красивыми башенками дворца, и через их прозрачные тела можно было разглядеть самоцветы, из которых была сложена крыша.

Несколько тюленей показались вдалеке, какие-то чудища с щупальцами и огромными головами. Жабоподобные существа в камзолах и

с саблями в перепончатых лапах встретили нас на входе в огромную витую ракушку, служившую воротами к главной башне этого удивительного подводного дворца, — видать, здесь и жил повелитель водных глубин.

Вода мягко убаюкивала, а русалки приводили в порядок мои волосы, растрепавшиеся еще на берегу, вынимая из них веточки и травинки. Одна из дочек водяного повесила мне на шею жемчужные бусы. Прикосновение камней обожгло, и я едва сдержалась, чтобы не сорвать этот ошейник — если меня думают драгоценными подарёнками удивить, да проще удавиться на этой нити, чем стать навечно пленницей в изменчивом холодном мире.

Русалки загалдели, показалось, что я на птичник попала, и визг их еще долго в ушах отдавался — многократно усиливающийся под водой звук бил по ушам, выворачивал кости, заставлял сердце биться быстрее.

Но вот последнее эхо русалочьих криков стихло, и я попыталась понять, куда меня приволокли.

Грибовидные и ветвистые кораллы царского сада украшены были сверкающими камнями и золотыми фонариками, а в толще воды кружили всевозможные рыбы — полосатые, похожие на бабочек, желтые и алые, синие, все оттенки и цвета сливались в единую радугу, и вскоре я уже почти ослепла от их яркости и бликов, что мелькали на перламутровых стенах дивных башен.

В трещине этой морской было холодно, жутко, и даже красота подводного царства не радовала меня. Казалось, я превратилась в ледяную статую. А дочери водяного продолжали хлопотать надо мной, украшая самоцветами, приводя в порядок сбившееся во время плавания платье.

После того как русалкам показалось, что они достаточно времени уделили моему облику и что не стыдно показать меня своему повелителю, они потащили меня длинным сверкающим коридором, освещенным дивными желтыми камнями, которые дарили ровный свет — равнодушный к моему горю, стылый свет, неземной.

Истекала серебряная пена на перламутре стен, и запах соли, моря и водорослей, запах прибрежного ила и гнилой рыбы забивал мне дыхание. Но мы неслись все дальше, и все темнее становилось вокруг. Но вот вспыхнул яркий свет — мы выплыли из пещеры, и вода стала удивительного лазурного цвета — как васильки на полях, как небо по весне.

Белоснежная фата кораллового песка над ногами, корона из покрытых золотом коряг на голове, вуаль тонких водорослей стекает зеленой волной...

Тяжел венец этот. Давит виски, сжимает их, а ожерелье кажется цепью, на которую посадили меня, чтоб не сбежала.

— Радоваться должна! — прошипела одна из русалок, подталкивая меня в спину — иди, мол, не стой истуканом.

— Чему радоваться? — Я удивилась, что могу под водой говорить, это оказалось несложно, главное — страх перебороть. Вода здесь ощущалась, как взвесь тумана над рекой в сырой день, и не давила, не пыталась затечь в рот или уши. Дивное ощущение. Призрачной тенью пронеслась мимо медуза, едва коснувшись плеча. Морские звезды устилали песок, и среди них то и дело можно было увидеть ползущего куда-то краба.

— Не каждой дается счастье такое... — в голосе русалки послышалась зависть.

Я ничего не ответила, молча пошла вперед, к распахнутым навстречу мне створкам огромной ракушки. Я здесь родителей отыскать хотела — и я найду их, даже если придется ради этого замуж за водяного выйти, что ж, значит, такова моя доля. Бегала от нее, бегала, не смогла убежать.

Морское дно возле входа в тронный зал пестрело яркими коралловыми веточками, стволы и отростки подводных деревьев переплетались с зелеными и бурыми водорослями, что трепетали от малейшего движения вод, и множество дивных цветов, похожих на земные, распускались в саду этом, а танец живых лепестков придавал им еще большую прелесть.

Эти морские лилии и астры были ярко освещены солнцем, пробившимся сюда сквозь толщу вод, отсвечивали серебром, переливались самоцветами. Серебряная и золотая рыба чешуя сверкала среди этого великолепия красок, и я начинала понимать, почему русалки так любят свое царство — здесь красиво и спокойно, несмотря на холод, здесь слышится издалека чудесная музыка, и кажется, что не может случиться никакой беды, пока ты сидишь в ракушке, обнимая жемчужину, бархатистую, нежную... Я очнулась в полумраке, освещенном лишь блеском перламутра.

Не было ни дворца, ни русалок, ни коралловых садов с дивными их жителями. Я была спрятана от всего мира в огромной ракушке.

Глава 19

Я проснулась от яркого света, хлынувшего в растворившиеся створки ракушки, пленившей меня. Я уснула?..

— Оклемалась? — послышался ворчливый голос, и в свете волшебного подводного фонарика я увидела жуткое зеленокожее чудище с перепончатыми лапами да водорослями вместо волос — видать, сам водяной пожаловал.

Вспомнился сон, смутным и далеким казалось то время. Все казалось далеким. Будто не было в жизни моей ничего, кроме этой ракушки и холодной жемчужины. Чары подводного царя убаюкивали, навевали мысли о тщетности прошлой жизни, о бессмысленности любого сопротивления миру подводному. Я с трудом стряхнула мерзостное очарование, которое казалось склизкой тиной, холодными волнами, илом и озерной грязью, которая чернеет в осоке.

Водяной же уселся на песок, скрестив ноги, и полы его малахитового камзола раскрылись лепестками лилии. Пристальный взгляд водянистых глаз на толстом лице, лишенном бровей и ресниц, был мерзок и неприятен — будто по коже улитки ползли.

— Оклемалась... — осторожно ответила я, поджав к груди колени и обняв себя за плечи — так было чуть теплее.

— Долго я за тобой гонялся, а как получил — скука вновь смертная... — пожаловался водяной, зевнув. — Пришла бы сразу, я бы родителей отпустил. А теперь поиграть хочу.

— Во что поиграть? — Я растерянно усмехнулась, представив салочки или городки под водой.

— А ты не смейся, не смейся, как бы плакать не пришлось! Загадки я люблю. Вот и придется тебе тепереча из семи дев, лицом и платьем одинаковых, матушку свою выбирать! Коль узнаешь, где она, то получит свободу Милославушка... А нет — навеки моей останется! Хорошую я игру придумал?

И захихикал подленько, в ладоши хлопав.

А меня имя материнское как острым ножом по сердцу резануло, выпуская воспоминания. Вот она идет — статная, стройная, как тополя молодая, — к колодцу, и ведерки на коромысле покачиваются, а само коромысло алыми маками расписано-размалевано. Вот склонилась Милослава, коса по плечу скользнула шелковой лентой, звенит цепь,

гремит ведро, из колодца поднимаемое. Хороша Милослава, с глазами зелеными, словно смарагды, с лицом смуглым, на котором алеют лепестки ягодных губ. Когда мама улыбается, на щеках ее начинают играть ямочки.

Селяне все поражались, как такая краля да за бедного мельника замуж пошла, ведь пока в девках ходила, к ней даже сын старосты сватов засылал. Но лишь смеялась над женихами Милослава, а сама с мельника диковатого глаз зачарованных не сводила.

Говорили, нелюдим он оттого, что с нечистью договор заключил, и сами анчутки да водяные черти ему помогают мешки с мукой таскать да зерно молоть.

Не верила в то Милослава и не боялась слухов да кривотолков. Вопреки всему, убёгом пошла замуж за любого, родители ее вскорости померли, а брат от родства отказался.

Я не раз проходила мимо избы светлой, с высоким крылечком, что окружена была палисадником с малиною, балясины резные лютиком перевиты, ставенки раскрашены синими птицами, яркий конек на крыше. Ни единого разу не глянули на меня даже — ни дядька, ни сыновья его, ни женка. Та и вовсе змеєю шипела, мол, Аленка Бесталанная — отродье чертово, и надобно ее утопить, чтоб омутники не баловали, а то разошлись, баламутят озеро, ряской его затянули, норовят в сети эти кого-то затянуть.

— Коли любишь матушку, справишься, — слышался голос водяного, вырывая меня из воспоминаний.

И вот я уже не в родном селении, а снова в мире подводном, возле холодной жемчужины, прекрасной, шелковистой — за такую земные цари много чего отдали бы. Полсокровищницы не жаль, еще бы — на такую диковинку из заморских земель приезжали бы хоть одним глазком взглянуть. Сказывали, у царя-батюшки белочка есть волшебная, все грызет изумрудные орешки с золотой скорлупой — так жемчужина эта едва ли не чудесней.

— А батюшку как выкупить? — Я попыталась смело смотреть на чудище, не хотелось страх показывать, да и не было уже у меня трепета такого перед ним, как прежде.

— Аленка, Аленка... Он нарушил свое слово, не могу я его выпустить из подводной темницы. Всем его судьба наука! Ишь ты, дурить меня вздумал!..

— Но разве уйдет без него матушка? — Я дрожала от холода, и казалось, даже внутри я заледенела вся. Неужто теперь всю жизнь мерзнуть так доведется?.. И даже больше, чем жизнь, — здесь-то время иначе идет, медленнее...

— Ежели думаешь, что кому-то нужна еще — так остынь. Никто про тебя в Яви не вспомнит — царский сын жениться собрался.

И сказано это было так равнодушно, что еще больше меня ранило, чем если бы насмеялся водяной.

— Жениться? — растерянно повторила я, подавшись вперед, и вода нежно скользнула по моему лицу, огладив его материнскими ладонями. Она здесь, поняла я, рядом, и всегда была в каждом водоеме, каждом ручье — оттого и манил меня мир подводный, несмотря на то что мог уволочь его повелитель.

А вода шептала, утешала, молила не злиться. Не яриться. Еще можно что-то изменить.

Околдован мой Ванечка — не мог бы по доброй воле согласиться на свадьбу. И будто камень с сердца свалился, как подумала я о темных чарах.

Наверняка Кащея проделки — не стерпел тать, что я отказалась дар его проклятый принять!

— Марья Моревна, прекрасная королева, станет новой царицей, — между тем пробулькотел водяной. — И не чаровал его никто! Двоедушник твой царевич, вот и взяла волю черная душа его, та, которая дремала зверем ласковым.

— Откуда ты...

— Знаю? — перебил меня водяной, поигрывая толстой цепью, что висела на его широкой сплюсненной груди. — А я много чего слышу да вижу, водичка-то везде, во всех краях есть — речка ли, ручеек малый, болотце ли какое... Где я недогляжу, там дочки мои, омутницы да водяницы, сподмогут. Иван твой ночами в коня черного превращается, огненногривого, с золотыми копытами. Ежели оседлать его — тогда лишь проклятие запереть удастся. Рога отпали у него, вид стал приличный вполне, не смущает он царя-батюшку да бояр когтями да шерстью. Это — как сказать-то проще? — время истекло-то с тех пор, как водички зачарованной испил Иван и превратился в... нелюдя. И коли поначалу был он страшен, зверя своего на поводке держа, так теперича нет в том нужды. Зверь верх взял, душа то бишь вторая, и рога с клыками без надобности.

— Оседлать, говоришь, коня... — Я голову набок склонила, наслаждаясь тем, как течение, в котором я ощущала прикосновения материнских ладоней, гладит меня по щеке.

— Бесчинствует твой Ванька, когда конем оборачивается. Коли прознают про то люди, как черного колдуна притопят. Тут-то и свидитесь! — и загоготал водяной.

— Зачем ты мне все это рассказываешь? — Я пыталась боль свою

запереть, спрятать, чтобы не скребла она сердце, не давила горло — будет еще время погоревать.

— Говорил же — скучно мне жить, каждый день одно и то же. Пока добрый я — слушай... Пытались коня того дикого поймать не раз и не два, но никому еще не удалось даже узду набросить, не то чтоб усмирить. А еще в те ночи, когда золотогривый конь гуляет по полям да лугам, вихри налетают черные, и сказывают, что уносят они коня того в небеса, и копытами он молнии высекает из туч чародейских. Урожай губит градом, от дождей сильных не одно поле сгнило. Говорю ж, бесчинствует... А иногда неведомая хворь на царевича нападает, и спит он непробудным сном седмицу-вторую, пока Марья его не добудится. Сказывают, без нее погибнет Иван...

Без нее погибнет... А без меня? Забыл?..

Впрочем, чему удивиться. Помнила я, как золото проклятое горело в глазах его, как душа вторая рвалась в навий мир, и только моя ворожба и могла помочь. Унесла Марья царевича, когда Кащей мы спасли, вот и весь сказ. Вырвался зверь на волю.

— А как истечет земная жизнь его, так поселится он умертвием проклятым на болоте гиблом али на погосте старом, будет кровь людскую пить, мор да болезни насылат. Впрочем, сказывают, что в теремах царских покусаны были упырем две боярыни. Может, не упырь то?.. А ты, Аленка, как думаешь? Мог Иван искушать людей?

Я молчала, прижав тыльную сторону ладони к губам, хотя хотелось быть лютым зверем. От бессилия своего, от слабости.

— Ты говорил, я матушку могу спасти. Так покажи мне семь дев, на лицо одинаковых!.. Некогда мне байки твои слушать... — Я и не заметила, каким грубым мой голос да резким стал, да и все едино мне было, что могу водяного озлить.

— Ну коли так заговорила... Айда в пещеру самоцветную, там будут нас ждать семь девиц-красавиц одинаковых, словно родные сестры.

И водяной протянул мне руку свою холодную пупырчатую, но пришлось сдержать свои чувства и покорно принять ее, положив дрожащую ладонь свою в его грабалку. Он лишь растянул толстые губени в подобии улыбки и махнул свободной рукой.

Я в это время выбиралась из ракушки, в которой так хорошо выпалась — впервые за долгое время блужданий по лесам Приграничья, и едва не упала, наступив на длинный подол понёвы. Тут же холодные лапы водяного оказались у меня на талии, и он легко удержал меня, словно бы я была легче пушинки.

Леса навьи и болота, Кащей и его подземелья с дивными сокровищами, гуси-лебеди, что Ивана унесли в черные небеса, — все это таким далеким казалось, давним... Древним. Как будто сотни лет минули.

От этой мысли я вострепелась, из рук водяного вырвалась, безглаголиво оттолкнув его. А вдруг и правда я здесь проспала столько долгих лет?.. И нет больше на свете Ивана, отжил свое да ушел в Ирий пресветлый... или на Ту Сторону?.. И некого больше спасать?..

— Не бойся, девка, время там, наверху, течет, но неспешно течет, не стал я тебя чаровать. — Водяной будто мысли мои прочел, а может, и сумел увидеть, что в чужой голове творится. Я тоже читать души могла, но боялась. Вон в Василисину как заглянула, так едва не заблудилась в туманах.

Нельзя полагаться на это умение. Держать в поводе себя надобно.

— Я тебя и не страшусь. За царевича боязно — пока я тут у тебя гостюю, он там во власти злой колдуньи.

— Способ спасти его я тебе уже сказал — объездишь дикого жеребца в полнолуние, то спасешь его, да только и этого мало, коли заснет он под чарами второй своей души. На кой он тебе сдался, Аленка? Все едино на всю жизнь нелюдью останется проклятой! Будешь жить и страшиться, когда снова буря грянет. То ли дело у меня — жемчуга да камни самоцветные, весь мир подводный с его чудесинками да дворцами к твоим ногам положу...

— Больно лестно ты говоришь. — Я нахмурилась, руки на груди сложив. — Но я девка простая, не царевна, не королевна, чтобы породниться, к примеру, со мной было б важно. Не красавица, как твои русалки да омутницы. Пошто тогда так нужна тебе была?.. И батюшку с матушкой ради того не пощадил?

— Сила твоя его влечет, — послышался позади насмешливый голос.

Касей?.. Я, ушам не веря, обернулась и едва не бросилась обнимать навьего царя, которого должна была бы возненавидеть за все, что он причинил мне с Иваном. Это ведь он девчат воровал, он меня к Василисе вовремя не отпустил, заплутал пути-дороги мои в Явь, чтобы я не успела к русальей неделе к царевичу.

А все одно — ежели из двух зол выбирать, то с Касеем мне как-то привычнее — и мир его тоже понятный мне стал, близкий даже отчасти. А здесь, среди огромных ракушек и зеленых полей пушистых водорослей, я не знала ни куда плыть, ни кого на помощь звать.

— Тебя ведь тоже сила звала... — едва выговорила я, в синие глаза глядя. — Я все знаю — и про Василису, и про красавиц...

— Отпустил я их по избам да теремам... — перебил меня Кащей, поправляя свой короткий плащ-корзно, что на плече булавкой самоцветной был скреплен, и складки темно-алой ткани по плечу легли ровнехонько. Короткая кольчуга под плащом серебрилась, под ней — рубаха из пластин, на поясе — меч-кладенец. Если бы не морщинистая кожа да стариковская сухость, хорошо бы гляделся. Я тряхнула головой, прогоняя очарование, — опять колдует, шельмец!

— Не балуй... Я тебе все уже сказала — не буду твоей женой, не готова я сердце свое в камень обратить. — Я отступила назад, не зная, куда и деваться в случае, ежели напасть Кащей вздумает. Убежать? Сквозь воду, которая не дает двигаться, пеленая течением? Да и куда бежать? Под какую корягу прятаться?

— Не буду я тебя неволить. — Кащей недовольно зыркнул глазищами зимними, и по лицу его тень пробежала, будто с трудом сдерживался, чтоб не прихлопнуть меня, как мошку надоедливую. Видать, допекла я его, коль сюда явился.

Зачем только?

— Ты, братец, сказывай, в гости-то зачем пожаловал? — елейным голоском дал о себе знать водяной. Прищурился, примружился, лапы свои сложил на впалой груди, глазки так и бегают с меня на Кащея.

— Не гостить я явился, — гроыхнул тот и посохом своим, который черепом конским был увенчан, по дну песчаному гроыхнул — и диво, звук раздался, словно по мраморной плите он стукнул. Эхо раскололось где-то вдалеке, рассыпавшись русалочьим смехом, словно бы бисеринки или жемчуг по камням покатались.

— Девку не отдам! Самому надобна!

— Помнишь, братец, — зашипел змеем Кащей, наклонившись к лицу родича, — как морская ведьма твои сокровища к рукам прибрала...

— Помню... — насупился водяной, отступая потихоньку. — И чего с того?

— А того!.. Должок за тобой! — крикнул навий царь и, не сдержавшись, посохом своим братца по лбу да припечатал.

Тот ойкнул, всхлипнул, забулькотел что-то — таким жалким показался, таким чудным. И почто я его боялась...

Дивно, что страха нет перед тем, кого надобно опасаться.

А Кащей ко мне повернулся и говорит:

— Матушку придется тебе угадывать — слово сказано, его отменить никто не сможет. Но поверх этого слова вот тебе мое: ежели угадаешь, где кровь родная, получишь еще и батьку в придачу, и свободна будешь.

— Только должок за мной будет, да? — невесело я усмехнулась.

— Сама предложила, самой и выполнять... — Хитрец улыбнулся да и взял меня под локоток бережно, а потом братцу бросил: — Ну, подавай колесницу, поедem вызволять мельника да женку его!

Злющий водяной молча взмахнул рукой, и тут же из-за скалы показалась дивная карета — созданная, как и многое в этом подводном мире, из перламутровой ракушки, она была украшена кораллами и золотыми цепочками, что тонко звенели, когда колесница эта мчалась по чудным лугам. Вместо травы здесь были пышные зеленые водоросли, которые шли волнами от легких касаний игривого течения, а вместо птиц земных — рыбки разноцветные плавали.

Места в возке этом всем хватило, и две огромные рыбины, запряженные вместо лошадок, резво рванули в сторону дальних красных скал, над которыми высились, словно корона, зубцы из горного хрусталя.

Кащей ко мне больно близко придвинулся, мне было слышно его тяжелое, сиплое дыхание, и запах корицвета и ила, мелиссы да девясила, запах погоста старого, заросшего травой и белыми могильными цветами, так живо напомнил про места, которые мы с Иваном исходили, чтобы спасти окаянного, — слезы едва не брызнули, но я сдержалась, губу закусив. Нехорошо это — волю себе давать.

Вот отыщу матушку, тогда и поплакать можно будет.

Кащей вперед смотрел, если и заметил, что я едва держусь, вида не подал. И на том спасибо — гордость сейчас сохранить казалось важнее всего, больше-то у меня ничего не осталось. Скулы на лице навъего царя еще острее стали — вовсе лик нечеловеческий, нос тонкий, подбородок вперед выставлен, кожа серая, будто пеплом присыпана, а глаза ввалились. И когда прикрывает он веки, когда гаснет синее пламя его очей, то кажется — мертвец предо мной. Даже грудь его не вздымается, крылья носа не шевелятся, словно не дышит он.

Впрочем... зачем навью дышать? У него иначе все — и сердце бьется через раз, а иногда, вот как сейчас, и вовсе стихает...

А возок наш все летел над коралловыми садами и дивными лугами из водорослей, что зеленым пышным ковром расстилались под нами. То и дело рядом с бортами появлялись девы с гладкой мраморной кожей, что отливала зеленью, и взгляды любопытные острыми иголками кололи меня, перепончатые пальцы иногда даже пытались коснуться руки моей, но я ее отдернула, спрятала в складках понёвы. Подумалось, вот бы и мне, как Кащею, глаза прикрыть и отрешиться от всего мира, да только как бы не пожалеть потом о том.

Одернула себя, мол, не желай того, о чем потом пожалеешь, и постаралась думать только о матушке — вспоминала ее, как она выглядела, как ходила, каким цветом глаза ее были... Как васильки, синие? Нет, зеленые, как лед по весне. А губы тонкие, но алые, малиной пахло от нее, душицей еще лесной и ночными фиалками.

И молоком иногда... Но все больше травами...

Но тут колесница резко остановилась, да так, что я едва не вылетела, кабы Кащей за руку не ухватил, удерживая.

— Помни про фиалки, про ароматы лесные... — шепнул он, чтобы братец его не слышал.

И отвернулся тут же, будто неинтересна я ему стала.

Я же молча вылезла из повозки, смотрю — грот огромный перед нами, и стены его горным хрусталем и жемчугом выложены, золотыми пластинами узор вьется, будто веточка какого растения или водоросли.

За водяным и Кашеем пошла я внутрь, пытаюсь сообразить, при чем тут запах фиалок к моему заданию, но вдруг увидела возле огромной ракушки семь молодых... Охнула, бросилась к ним, а за спиной русалки засмеялись — и смех их показался вовсе потусторонним. Не слышала я никогда, чтоб так хохотал кто — будто камни по скале сыпались, в воду падая, будто водопад бил струями, будто рыба плескалась в воде...

А молодые на меня не глядели вовсе — будто статуи замерли. Едва дышат... Длинные рубашки белые, широкие, ниже колен, с вышивкой по вырезу горловины, по подолу и рукавам. Холщовые, как простой люд носит. По низу пришиты бусинки — сголуба такие, как незабудки на лугах. Понёвы надеты поверх пестрые, из добротного сукна, вышитого цветочным орнаментом.

А глаза у всех семи молодых, с лица одинаковых, такие же были, как бусинки на рубахах. Хотя вот присмотрелась я — то желтизной отольет взгляд у крайней, то зелень погибельная проявится у той, что рядом стоит, а вот с другого края уже аместиты будто светятся... Диво какое. А я ведь хорошо помнила — у матушки глаза зеленые были, малахитовые.

Стоят молодые в сапогах справных, из цельного куска кожи, завязанных ремнями на щиколотках, — такие матушка сроду не носила, привыкла я ее в онучах видеть. Присматриваюсь дальше, прохаживаясь мимо ряда — ошибиться страшно.

На головах у молодых обручи, волосы длинные распущены, тоже странность — матушка косы плела и обертывала их вокруг головы, лентами украшая, платком покрывая, завязывая концы его на затылке. Спускался платок матушкин по спине ниже лопаток, на праздники красный

был, с золотыми цветами. В обычные дни — сине-зеленый или голубенький. При жизни в Яви — бусы сердоликовые носила, гривну ли серебряную, а сейчас на всех молодницах разные ожерелья, но все из камней самоцветных. Одна лишь, посередке которая стоит, в гривне из меди, и браслет ее, и серьги простые больно, с небольшими зелеными камушками. У остальных же смарагды али рубины горят-искрятся. Височные кольца у молодниц золотые, с жемчугами розовыми.

Дивно.

Неправильно...

И, глядя в глаза этой молоднице, что стояла спокойно, ровно глядя перед собой синими глазами, не меняющими колер, показалось мне, что слышу я аромат фиалок, и ландышей, и горицвета. Дурманные ароматы лесных цветов закружили меня, я едва не задохнулась от горечи желтой пижмы, вербейника, который так похож на колокольчики, от сладости мальвы и смолевки — от этой молодницы пахло так пронзительно, так нежно.

Иван-чай и можжевельник.

Душистая купена.

Ежевика, душица и медуница, боярышник и кислинка земляники и брусники. Я тонула в этих ароматах, как и в глазах ее — зеленых.

Как малахитовая порода в изломе.

Как трава на лугу в солнечный день...

Слова Кашея про фиалки вспомнились, я зажмурилась от страху и сказала, вцепившись в руку этой молодницы:

— Вот моя матушка...

И вдруг потеплела рука, словно оттаяла...

— Аленушка... — услышала я и глаза распахнула.

Матушка плакала и краем платка слезы утирала, а они все катились и катились.

— Вот шельма! — Водяной со зла подпрыгнул почти до потолка пещеры, заметался там, словно места ему не было.

— Должок за тобой, — спокойно напомнил Кашей.

— Да знаю, знаю...

Из-за скалы подводной мужчина вышел, в портах простых холщовых да онучах, прямая рубаха на нем с узкими рукавами да без воротника, на груди шнуром завязана. Колером рубаха дивным лазоревым, так и бьет по глазам. Кожаный пояс с бляхами, длинная нагрудная цепь вьется потемневшим от времени серебром. Свитка на нем тоже прямая, чуть выше колен, расширенная книзу. Борода широкая, с седой прядью, волосы стрижены полукругом, схвачены обручем простым.

Я помнила, что по зиме он меховую свиту носил, да еще шапка была у него с опушкой...

Взгляд смурной, не верит словно, что плен его закончился. Меня как увидел — лицо красными пятнами пошло. Разволновался.

— Не убереглась... — прошептал горько.

— Батюшка! — Я со смехом бросилась ему на шею. — Что ты, родной, что ты — убереглась! Еще как убереглась! И вас уберегла!

— Должок, должок... — прошипел водяной, злобно глядя на Кощея.

— Вот и сочлись, братец, — ответил тот, усмехнувшись.

Глава 20

Два вихра на макушке у лежащего Ивана прямо указывали на его сущность, и как недоглядели этого люди? Впрочем, и хорошо, что недоглядели.

Губы царевича шевелились, но он спал притом, и крупные градины пота блестели на челе его. Я краем простыни вытерла лицо его, улыбнулась, проведя пальцами по линии скул, не удержавшись, коснулась губ легким поцелуем.

Уже вторую седмицу я была в теремах царских, но впервые довелось попасть к Ивану — стерегли его хорошо, никого не пускала Марья Моревна, прекрасная королева.

И как ей удалось целый град обморочить?

Никто и не догадывался, кто явился с царевичем после его путешествия в Навь... Имя мое она украла, но хоть облик не приняла. Ежели б личину на мою сменила, то точно не удалось бы проникнуть в хоромы царские.

И хоть Иван лежнем лежал уже почти две седмицы, все одно царь-батюшка к свадьбе готовился... Вовремя я пришла.

Успеть бы расколдовать.

— Тут живая вода надобна, — послышался за спиной чей-то голос.

Я испуганно обернулась — лохматый домовик в беленой рубахе да простых селянских лаптях сидел на лавке у окошка.

— Тебя давно ждали, — продолжил он, — он звал Аленку свою... попервой, пока людская душа сильнее была. Опосля... — махнул рукой домовик и с лавки слез, кряхтя, как древний дед. — Опосля сны ему сниться перестали. Но ежели принесешь живой водицы, то людское в нем победит вторую черную душу... Но прежде оседлай коня в полнолуние.

— Да разве ж даст Марья мне напоить его?

— А она не узнает. Лицо сажей измажь, одежонку похуже добудь, волосы настоем трав каких разотри, чтоб приглушить красноту их, да и приходи к Марье, ей чернавка надобна.

Так я и сделала — наутро, с помощью сажки да настоя трав изменив до неузнаваемости свой облик, поколдовав над чертами лица, чтобы стали они более простыми — нос картошкой, губы варениками, я к терему Марьи Моревны, невесты царевича, явилась. А как примет меня в служанки наставница бывшая, так домовик обещался к зачарованному острову путь

открыть — знание то было тайное, хранимое им не одну сотню лет, вот и пригодилось. Да только разве ж думала я, что путь тот мимо погоста с умертвиями лежать будет?

Не так страшно Марье в глаза смотреть да на вопросы ее отвечать, пытаюсь унять сердце, что вскачь неслось кобылицей дикой, не так страшно идти за ней вослед, вдыхая горечь полыни и болота, как думать о тех испытаниях, что предстоят.

Смотрела я на Марью, и казалось — пустыня снежная во взгляде ее, а от рук, узких, как кинжалы, веет стылостью навьих вьюг.

Указания невеста царевича раздала и исчезла, оставив на деревянных половицах алмазные сверкающие снежинки. Неужто никто не понимает, как опасно навью повелительницу впускать к людям?

Оттого ведь и стекленеют очи красавиц, чью силу живую пьет Марья, которой надобно греться от искр человеческих душ.

В Зачарованном лесу, благодаря светлой волшбе Василисиной да мудрости ее, умению запираť тьму в бездне навьей, не могла питаться силой людской Марья. Кащей вот меня в жены потому и звал, что надобно ему было рядом держать костер, который грел бы его зимнюю сущность проклятую. Не любви он хотел, а тепла. Обычного, людского.

Навь ведь на том и стоит, чтоб греться от огня людских душ.

И вот люди все в теремах царских — от самого последнего конюха али чернавки до самого богатого и важного боярина — не чуяли силу холода, не видели бездну в глазах Марьи. Смогла она всех обвести, всех обморочить, окромя духов навроде домовика, овинника... Даже кикиморы злобно шипели, когда Марья мимо шла, а вслед за ней поземка мела по свежей зеленой траве.

Покои ее, которые мне убрать надобно было, заледенели. Иней сверкал на стенах алмазным крошечком, и длинные острые сосульки грозили упасть с балок потолочных. Жуткая картина... И пахнет как в гробнице али в пещере с костями и старым валежником — затхлостью, смертью.

Как убрать наледь со стен, я не представляла, а видать, это от меня и требовалось — в должный людской вид горницу невесты царской приводить. Все ж среди людей жить пока что навьей королевичне, вот и печется, чтобы было все по-людски.

Пока управилась, сумерки сгустились за окнами, домовик давешний пришел, теревить принялся:

— Ты скорее давай, а то пропустишь волчий час, когда жеребец дикий будет поля топтать...

— А коли не справлюсь? — вздохнула я.

— Тогда и воды живой ему не надобно будет, ничто не поможет. Вот узда тебе из полыни да волоса волшебного, ее коли накинешь да успокоишь коня-оборотня, так сразу и уходи, чтобы Иван, как очнется, тебя не видел. Я тогда тебе сразу путь к живой воде укажу, вот тогда-то и посрашим ведьму проклятую!..

До злого волчьего часа еще было время, и я решила немного отдохнуть, забравшись в кучу сена в одном из пустующих стойл — заодно меня домовик перепоручил заботам овинника. Тот, лохматый да серьезный не в меру, с конопатым лицом, белым, как сметана, важно прохаживался меж лошадьми и расчесывал им гривы.

— Ты, Аленка, оборотня не бойсь, коли учует он твой страх — все, пропадешь, — поучал он меня, пока я пыталась заснуть, но его это все будто бы и не волновало. Бубнел ходил, байки травил — видать, по людям соскучился. А духам завсегда приятно погутарить с человеком, я про то и раньше знала и никогда неуважения к ним не выказывала, может, оттого и помогали мне всегда, вот и сейчас, не успела я в царских теремах появиться, как сразу помощники объявились.

Сладко зевая, слушала я сказы про водных лошадок, кои с острыми зубами да спутанными гривами по берегам речек бродят да на людей и скот нападают, как вдруг овинник мне что-то в руки сует.

— Кроме уздечки, вот тебе еще дар — гребень этот чародейский, им Марья Ивана нашего гриву чесала, когда он конем оборачиваться начал, оттого и управа у ней на царевича была, не дичал он. Но я... — шмыгнул носом овинник и вытер лицо рукавом, — я украл сей предмет дивный, не знал, что нельзя оставлять коня-оборотня без этого действия... А там поздно было, не мог же прийти к ведьме да сказать — вот, мол, так и так, разэдак... спер я вашу вещичку, хочу вернуть. Так и прятал тут в сене-то. Оказалось, сгодился гребешок волшебный. Конь послушным сразу станет — я сам видал издали, как Марья чешет гриву золотую...

— Спасибо... — Я гребень спрятала, уздечку в руке сжала и поняла, что сон прошел — тревога в душе поселилась. Не могла я больше сидеть на месте и, тепло простившись с овинником, отправилась на поля, где гулял в полнолуние дивный конь.

Мимо хозяйственных построек я промчалась тенью, боясь, что увидит кто, но охороне царской будто глаза отводили, видать, опять помощь духов — и ни единый стражник не обратил на меня внимания.

Выйдя за заборол, я оглянулась на темные хоромины, на сторожевые башенки, на гульбище, укрытое ночными тенями, — тихо везде, даже

собаки молчат. Тишина эта дивной показалась, ведь должны в траве стрекотать сверчки да кузнечики, должна листва шелестеть, ветки трещать, стволы поскрипывать, но ничего не удалось расслышать, будто кто полог невидимости и неслышимости набросил. Впрочем, мне это даже на руку — вот бы еще вернуться на подворье так же легко, как вышла...

Тени скользили по серебряной траве, залитой лунным светом, и казалась она из меди выточенной, но вот тучи в небе захороводили, и заматались тени испуганно, будто их кто гнал с полей, но луна все едино пробивалась сквозь морок, и казалось, что она ждет чего-то. Вот ветер донес запахи речные, илом и ряской потянуло, и так дивно было не бояться воды текущей, так странно было понимать, что теперь свободна я от давнего проклятия.

Даже дышать легче было.

Осталось еще царевичу помочь, и ежели не нужна будет ему жена крестьянского рода, так ничего — слезы закипели, обожгли глаза, но я понимала, что не пара царскому сыну. Буду с батюшкой и матушкой на мельнице жить, но попервой Василисы Премудрой науку закончу, правда, без Марьи и Кощея кто будет заклинателей мертвых да черных колдунов обучать?..

Василиса придумает, как быть. Она все сможет вернуть, как было прежде. Да и Кощей после того, как помог от водяного избавиться да батюшку освободил, уже не казался мне лихим татем. Даже жалко его было — одинокого, лишенного огня душевного, лишенного сердца, которое болит и любит, чувствовать умеет. Жить камнем-истуканом радости мало, и навий царь понимает это, оттого и девок воровал, чтобы у огня душ их отогреться, помнить, ради чего он в Нави поставлен.

Задумавшись, я не заметила, что ветер сменился и что речные запахи исчезли. Вместо них серой понесло, костром прогоревшим. Когда я это поняла, испугалась, что пропустила нужный час, но нет — тоскливый волчий вой понесся со стороны дальнего леса, что чернел за полями. И такая печаль, такое жуткое одиночество было в волчьей песне, что казалось мне, ничего горше в мире нет...

И конское ржание было ответом волку. Обернулась я на звук — а посреди поля, залитый неверным лунным светом, на дыбы встал жеребец — сам черный, как уголь, с гривой золотою и глазами алыми. Горят глаза эти в ночи проклятой, угольями светятся, и безумие вижу я в них — не услышит оборотень, как его ни зови...

Забил копытами, поле вспахивая — так весь урожай вытопчет!.. Я гребень достала — и к нему метнулась всполошенно. Он меня не

подпускал, ярился, кусаться пытался, пару раз копытом по спине едва не огрел, и как увернулась — не помню. Но вот едва коснулась гребнем волшебным гривы оборотня, он столбом встал каменным, не сдвинешь. Косит на меня огненным глазом, скалится, а зубы-то острые, не как у коней. Скорее — клыки двоедушника, почти волчьи, желтые, страшные.

Я, пытаясь на них не глядеть, запустила гребень в гриву густую и принялась ее с трудом вычесывать, спуталась она, как пакля стала, бока коня под рукой моей ходили, дышал он тяжело — еще бы, набегался по полям небось. Лунные нити я вплетала в гриву и пела Ивану о наших странствиях, о проклятых лесах и болотах, о его любви и обещаниях — хотела оживить память его... Пела о наших встречах под яблонями, что растут в саду чародейской школы, о празднике осенних дедов, когда звал он меня прыгать через костер, о том, как глупа была, отказавшись. Испугалась. За то и наказана теперь.

Пела о камне огненном, который хранил меня от бед, который жжет мне кожу, когда Иван печалится, когда плохо ему. И знаю — если рассыплется камень тот, сердолик дивный, пеплом мертвым, знать, навеки я любимого потеряла.

Но ни проблеска понимания не было во взгляде коня-оборотня, впрочем, меня упреждали, что для того, чтобы снять полностью чары Марьи, нужно будет еще воды живой добыть.

Коня поймать да обуздать — одно дело. К хранителям за водой идти, не зная, вернусь ли, — другое. Но после жутких лесов Приграничья да Нави гибельных болот мне уже ничто не было страшно.

Все казалось лишь очередной ступенькой к вершине, на которой — мне хотелось верить — ждет меня немного счастья.

Уздечку я легко набросила, и конь тут же исчез, словно его и не было. Лишь туман клубился на примятой его копытами траве...

А я, в туманы кутаясь да росой умываясь, пошла назад, к теремам царским. Нужно найти домовика, чтобы отправляться на волшебный остров за водицей чародейской.

* * *

Я спешила ступить на туманный путь, пока Марья не вернулась, о том, как буду с ней справляться, и думать не хотелось. Понимала я, что не осилю навью царицу... Но вдруг посреди тумана, который устилал дорогу мою на волшебный остров, тень появилась — высокая, в короне зубчатой, в

длинном плаще да с синими, как горный лед, глазами.

— Признала наставника? — хмыкнула тень.

Она дрожала, сверкала искрами, словно костер разгоревшийся, и я поняла — не сам Кащей явился, морок это.

— Признала, — говорю, а сама вспомнила, как он меня от водяного спас да батюшку выкупил. Неужто должок пришел требовать? Обещался же, что не скоро явится.

— Не бойся, красава, не трону, рано еще, не пришло время платить. Да и придет ли? Не знаю... Против воли ничего не придется свершать, ежели сподмога мне и нужна будет, попрошу по-хорошему.

— Верить ли тебе? — осмелела я, ближе шагнув. — Не знаю... Коли обманешь...

— Я тебя разве ж морочил когда? — горько спросил он, протянув полупрозрачную руку, костлявую, с вздувшимися под тонкой старческой кожей венами, и тут же стала молодеть рука, когда Кащей меня ею коснулся. А мне дышать тяжело стало.

Он тут же убрал ладонь, с досадой прощаясь с юностью.

— А как же ты раньше-то витязем юным становился? Мне тогда плохо не было... — Я с удивлением смотрела на наставника.

— Ты тогда Ивана не любила, силу свою для него не берегла. Тогда у меня была надежда... Но забудь. Было да бывшем поросло. Будет еще для меня весенняя невеста, прогонит она старость и оживит мое сердце — так мне на роду написано было. Вот ее и жду. Думал, что она — Василиса Премудрая. Ошибся... И ты оказалась чужой. Быть по сему. Но чую я — должен я помогать тебе. Зачем — про то не ведаю. Ты уж прости, что время твое украл, когда ты у меня гостила, — может, успела бы ты Ивана своего спасти, но что сделано, того не воротишь.

— Ты зачем пришел? — Я зло притопнула по тропе, и туман испуганными змейками из-под ноги метнулся, обнажая черный камень, присыпанный серебряной крошкой. — Про то напомнить, что я могу навсегда Ивана потерять?

— Нет, Аленка, не для того. Не яришь, характерная ты больно... наместе твой царевич еще, ой наместе с тобой... Науку мою помнишь?

— Какую науку? Немало было уроков от тебя — и мертвых поднимали, и... — Меня пронзило, будто молнией. — Про то, как умертвий упокаивать, напомнить явился?.. Мне ж путь к воде живой — погостом проклятым, там мертвая вода хоронится, где мертвые стражами стоят.

— Именно, Аленка... Именно.

На траву упал мешочек холщовый с сухими травами, толченными в

пыль, пахло от него ковыльной степной ночью, лунным светом, лилиями водяными, тьмой и серебром.

— Про то, что Иван твой не побоялся меня спасти и водой напоил, когда Марья цепью приковала, про то вовек не забуду, — скрипуче сказал Кащей. — И коли добудешь живой воды для него, помогу от Марьи избавиться, токма мне для того надобно будет немного силы живой — поделишься?..

— У меня иного пути нет, — тихо ответила я, поднимая мешочек. — И помощь твоя, и твоя наука — как видишь, все сгодилось, все на пользу пошло. Но страшно мне, ведь ты — зло, тьма и морок Нави, вдруг однажды явишься просить то, чего я дать не смогу...

— Погляди сюда, — поманил он меня тонким когтистым пальцем. Морозным инеем сверкнул топаз в серебряном перстне.

Я приблизилась — страха больше не было. Главное, воды добыть, а в этом мне навий царь уже не помеха...

Касцей же туман разогнал, полрой плаща своего махнув, и мне открылось зеркало в скале, гладкое, узорчатым малахитом украшенное, и в глади его увидела я девчоночку в зеленом платье боярском — с длинными рукавами, отороченными мехом, в венце из самоцветов... Взглянула красавица на меня — а глаза-то у ней Ивановы, такие же пронзительные, ясные да лучистые. Лицом бела, губки — сахарные, брови — соболиные, коса — золотая, словно пшеничное поле на рассвете...

— Кто это?..

— Дочка твоя...

И тут же скрылось все за туманными жгутами, я не успела ничего и сказать, как тень Касцеева исчезла.

А я мешочек сжала в руке, да и пошла навстречу испытаниям. Думать о том, что дочке придется долги мои платить, не хотелось. Уверена была — уберегу. Недаром во мне сила живет чародейская...

Туман вскоре закончился, и я вышла на погост, заросший высокой травой. В этом месте ночь стояла, и холодный лунный свет лился призрачным серебром по камням над могилами. Жутко было, я мешочек развязала, приготовившись к встрече с умертвиями.

На языке дрожали, готовясь сорваться, слова колдовские, коим Касцей меня когда-то научил. Запах гнилых трав и мертвой земли, запах тухлой воды, цветов умирающих — все это могло кого угодно с ума свести, но не меня, не раз в таких местах бывавшую. Касцей нас еще на первом занятии сводил на погост да с нечистью проклятой свел, я тогда с тремя мертвяками справилась. Здесь их поболее будет, но теперь у меня еще и трава волшебная

есть.

Два мертвяка выползли из-за треснувшего надгробия, выглядели они почти как люди, только кожа бледная больно была да запах стоял гнилостный. Тут еще двое показались... Приглядевшись, я поняла, что это один нечистик — просто тела сплелись, срослись. Выкатилось умертвие на тропу, зашипело, но слова, которым Кашей научил, поразили его, пеплом рассыпался мертвяк по траве, и стихло шипение.

Я с осторожностью дальше пошла — там, впереди, видна была арка, сухим плющом перевитая, и это был путь на волшебный остров, где источник живой воды бьет. За аркой виднелась сочная весенняя зелень, и доносилась трель соловьиная, и солнце огненным шаром висело над ивами и дикоцветными полянами.

Нежить не успокаивалась, то и дело лезла ко мне, скалясь полусгнившими лицами. Длиннорукие были мертвяки, с жесткими седыми волосами, что паклей торчали на уродливых головах. Много их осталось пеплом лежать, но многие и не решились из-за камней выйти, лишь шипели там и рычали, плевались ядовитой слюной, от которой трава пеплом седым осыпалась.

К счастью, таких пробужденных темной силой погостов мало было в мире явном, но здесь, на туманном пути меж мирами, часто встречались. Оживало кладбище оттого, что нежить убереечь хотела свое место от гостей непрошенных. Я для них — тьма и морок. Я для них — тварь проклятая, что пришла погубить.

Нельзя живому среди мертвых быть. Никак нельзя. Лишь легкий толчок руки умертвия может расколоть камень, что говорить о хрупком людском теле? И неслась я по погосту этому, словно ветер. И кричала заветные слова, бросая траву под ноги жутким чудищам, и ослеплял меня лунный свет ожившего кладбища, и билось сердце пойманной в силос птиц.

Но вот и арка... Убежать от нежити несложно — неповоротливые, медлительные. Главное, чтобы вдогонку ничего не бросили, с них станется и камень надгробный швырнуть. Навеки запечатанные здесь души лишены присмотра, лишены поминовения, вот и злы они, вот и ярятся... Мне даже жаль их стало, но помочь не смогу. Слишком их много, к тому же волшебный остров останется без присмотра, без стражников своих, а оставлять путь к живой и мертвой воде открытым никак нельзя — это ж все кто ни попадя начнут бродить по тропе мертвых, вовсе порядка никакого в мирах не будет.

И в этот миг я влетела в арку, и свет волшебного острова, на котором

жили хранители живой воды, ослепил меня.

Журчание ручья, крики птиц, теплый ветер и мягкая, как ковер, трава... Испытания позади, скоро я добуду водицы живой да спасу своего царевича.

И сказка наша хорошо закончится — будет пир на весь мир да свадьба пышная.

Верила ли я в это?

Нет.

Но очень хотелось.

Туман дрожал за моей спиной, пока шла я к жрице волшебного источника — мертвая и живая вода скрывалась здесь, и путь лежал по узкой тропе, петлявшей между папоротниками и кустами черники, которые вдруг резко сменились осокой, хотя болота не было видно.

Но с тропинки я боялась в сторону ступать — там, где эта трава растет, там и топь может быть сокрыта, а тем паче находилась я в чародейском месте, от глаз людских спрятано оно было. И кто знает, какие ловушки могли подстергать?

Вскоре я дошла до огромных мшистых валунов, на них сверкали серебристым светом древние руны и изображения животных — кабанов и лис, туров и оленей с изящными витыми рогами, волков и медведей, поднявшихся на задние лапы. Вязь старых заклинаний, туман старой магии оберегали это дивное место, и я сразу поняла — не пропустили бы колдовские камни человека с нечистыми помыслами, заговорены они от зла да нечисти.

Меня встретили три расхристанные девицы, кос они, видать, отродясь не плели, и пряди русых волос украшены были желтыми цветами. Я таких отродясь не видала — похожие на цвет шиповника, но с крупными тычинками, яркие и солнечные, казались они золотыми, с янтарными капельками росы... Девицы эти кружили рядом со мной, земли почти не касаясь, и вели меня к высокому костру, обложенному камнями. Я старалась не слишком на проводниц своих глазеть — вдруг да неприятно им лишнее внимание?..

Дым от этого костра столбом в небо уходил, хотя мороза не было и от ветра он должен был стлаться по земле. А вокруг пламени, что плясало и рдело знаменем алым, на этом древнем капище идолы стояли, вырезанные из мореного дуба. Лики хмурые были, едва обозначенные, но все ж узнала я в них змеинобога Велеса — по рунам да по узору, коими завсегда божество это украшали, змейки в нем переплетены были в единый узел, и на головах их явственно виднелись маленькие короны с острыми зубьями.

Тут я к проводницам своим пригляделась, а у них зрачки узкие, вертикальные, да и подошвы рубаш неподпоясанных будто не ноги прячут — по песку и хвое за каждой девицей след тянется змеиный, как будто полоз прошел.

Но не удивлялась я уже ничему — понимала, что необычное сие место и простые люди жрицами не стали бы. Беречь тайны мертвой да живой воды поставлены духи эти, и ежели хочу ее получить, смелость да изворотливость показать придется.

Гляжу, за костром скала высится и два источника радужных бьют из серых камней. А на огромном валуне, с вырезанными на нем коловратами, сидит прекрасная зеленоволосая дева с удивительными желтыми глазами. Они золотом отливают в лесных сумерках, горят дивным пламенем, но не страшно смотреть на хранительницу, кажется, что всю жизнь я бы так простояла в немом восхищении пред ее красотой.

— З-з-зачем ты приш-ш-ш-шла з-з-за моей водой? — прошипела она, но показалось это плеском воды и шелестом камышей, а на камнях с рунами стали появляться маленькие красные змейки в коронах из травы и черные ужики, узорчатые, словно кто их золотой краской сбрызнул.

Страшновато было, но я держалась, вида не подавая. Мне это последний шанс Ивана спасти, иначе не вернуть его из Навьего царства Морены. Навеки останется там, с хозяйкой подземья.

— Ч-ч-чем ты готова пож-ж-жертвовать ради воды моей? — с интересом спросила жрица Велеса, и ноги ее изящные вдруг в хвост змеиный превратились. Сверкнула самоцветно чешуя, а змеедева скользнула ко мне по траве, не сминая ее, и по следу ее золото из земли проступило, будто слезы окаменевшие.

Видать, не простая змеюка это, сама хозяйка источника явилась — дочка аль невеста волшебного змея. В древние времена-то этот змеиный бог в жертву себе девушек требовал, а взамен клады раскрывал да урожай хороший дарил... Неужто жрица его золотоглазая потребует, чтобы я здесь, в плену его, осталась?

Но не дрогнула душа, когда сказала я:

— Бери что хочешь. Но дай воды для моего жениха.

— И даж-ж-ж-е ес-с-с-ли не увидиш-ш-ш-шь его больш-ш-ш-ше, вс-с-се равно готова отдать з-з-за воду ч-ч-ч-что ни з-з-з-захоч-ч-чу? — сощурилась змеедева с недоверием. — Али ты обман какой з-з-з-замыс-с-с-лила?

— Помыслы мои чисты, — бесхитростно ответила я, зная, что скрывать мне нечего. Не хотелось бы, конечно, здесь век коротать, но если

это единственный способ добыть воды и Ивана спасти, так тому и быть, значит. — Разреши только взглянуть на него в последний раз.

— Еж-ж-ж-жели не вернеш-ш-ш-шься, так недолгий с-с-с-срок будет ж-ж-ж-жизни ваш-ш-ш-шей с-с-суж-ж-ж-жден, да и з-з-з-за ту з-з-з-заплатите тройную цену. Пос-с-с-сле нес-с-с-скольких з-з-з-зим с-с-с-счас-с-с-стья бес-с-с-спечального беды великие на царс-с-с-ство ваш-ш-ш-ше падут. Чуж-ж-ж-жой ж-ж-ж-жиз-з-з-знию выкупиш-ш-ш-шь царевича ж-ж-ж-жизнь.

Вот ведь знала змеюка подколодная, какой соблазн своими словами создает, — мало кто будет раздумывать, любой выберет жизнь близкого человека, отдав мору и древнему богу на откуп чужую кровь и плоть.

И во мне дрогнуло что-то на миг единый, и змеедева это сразу ощутила, больно уж радостно ее глаза засверкали, будто уже получила меня и душу мою. Позволила мне жрица Велеса подойти к скале и набрать в один бутылек, заранее приготовленный, мертвой воды, во второй — живой.

Зашипели девицы-змеевки, когда отошла я от камней, потемнели глаза их, словно смолой затекли, и зашевелились распатланные волосы, будто бы змейками стали, ожив в миг этот.

Страшно мне стало, но свободен был путь среди тумана и выход в палаты царские виднелся. Путь, открытый домовиком, вел меня в комнату с высокими расписными потолками, с колоннами нефритовыми и изразцами дивными. Там видела я одрину, на которой, в пышных перинах да высоких подушках с лебяжьего пуху, и лежал Иван мой — бледный, с чертами обострившимися.

Жизнь за жизнь?

И я бросилась к нему, пока не передумала жрица древнего змеиного бога. Но едва плеснула на лицо Ивана мертвой воды — почернело оно, живой — розовый цвет к нему вернулся, и тут же стыд и боль стиснули сердце.

Что же я творю-то?

Хочу, чтобы неизвестные мне дети и старики, девки и витязи за счастье мое ворованное заплатили?

А смогу ль жить здесь, в палатах царских, зная, сколько крови невинной отдала змею проклятому за жизнь эту да счастье свое?.. А можно ли ворованной жизнью наслаждаться?.. И что царевич скажет, коли узнает, как я купила его жизнь, чем заплатила? Как в глаза наставнице своей, Василисе Премудрой, глядеть стану? Она все видит, все знает — и в школу чародейскую мне возврата не будет после такого своеволия... Да и Кощей лишь убедится, что я — тьма проклятая, что мне зря он помогал! А родители? Родители что скажут? Что дочка их тьме запродалась, чтобы

Вот и сказке конец... О, да конец ли?..

В палатах каменных Марья меня ждала — наряд ее каменным крошевом льдистым искрился, самоцветы горели в венце ее хрустальном, по вуали полз золотистый узор дивный, и весь наряд казался больно уж торжественным — словно замуж собралась навья королевна.

Услышав колокольный звон да крики на подворье, которые славили царевича Ивана да невесту его, заморскую принцессу с дивным труднопроизносимым именем, я поняла — опоздала. Теперь уже оженят моего Ванечку, и ничего не сделать.

Самого царевича в одрине не было — видать, помогла ему водица живая да мертвая, смог встать с постели. Подушки вон еще хранят отпечаток головы его, и золотятся волоски светлые, видать, выпали, пока он лежал в горячке.

— Явилась — не запылилась, — язвительный голос Марьи показался свистом холодного зимнего ветра. Она пошла ко мне, оставляя наледь на половицах, и змеилась вслед за ней поземка, и треск слышался, словно по льду она идет. Лицо бледное, белое, словно снег. Губы синие, тонкие... видать, нужно ей сейчас пить людскую силу, и как можно больше, ведь на дворе лето красное, когда навьей царице тяжело в явьем мире находиться.

Много ли чернавок али конюхов сегодня отдали ей свои души?

Я назад отступала, пока не уперлась спиной в резной столб, что посреди комнаты высился, подпирая высокий потолок. В кожу впились камни, коими украшен он был, но боли я почти не ощутила.

И страха не было.

— Все равно он теперь вспомнит, кто я, и прогонит тебя прочь. — Я улыбнулась дрожащими губами, чувствуя, как холодно стало.

А Марья уже близко — нависла надо мною тенью синей, вырывается парок из ее рта, как в мороз, а глаза горят от ярости и ненависти — еще бы, я ж навьей царице все испортила! Так бы жила она в палатах, пила бы себе жизни людские, и никто бы и помыслить не мог, где змеюка притаилась!

— Ты мне за все заплатишь... — змеей прошипела, схватив меня за горло да над полом приподняв. — Ты мне...

Я хрипеть начала, дышать не было возможности, уже видела перед мысленным взором речку Смородину — сейчас вот швырнет меня Марья Моревна на Ту Сторону, и все... никогда Ивана больше не увижу!..

— Отпусти ее, — раздалось в возникшей тишине равнодушно-колкое.

Обреченно подумалось: Кащей?.. И тут же я смогла дышать, с удивлением воззрясь на наставника.

Спасти пришел?

Или должок требовать?

— Отойди! — рявкнул он, на Марью глядя.

Послушалась, а губы еще больше посинели. По щекам морозный узор вился, сползал под платье, на костлявом плече болтающееся, — навья повелительница на глазах усыхала, превращаясь в древнюю старуху. Выцветали волосы ее, словно снегом их присыпало, кожа морщинами покрывалась, трещинами, и в них синяя кровь показалась.

Жутко как...

Я по столбцу и сползла, продолжая за горло держаться. Неужто прогонит ее Кащей?..

— Не мешай! — крикнула Марья, и стекла зазвенели, и рассыпалась ее корона, а украшения стекли талой водой — стояла передо мной старуха сгорбленная в лохмотьях, покрытых инеем.

— Уходи, и тогда обещаю я, что не буду мстить тебе, — тихо сказал Кащей, и во взгляде его, на Марью направленном, увидела я жалость.

Она отступала, оставляя после себя лужицы вместо снега, словно бы таяла оттого, что не смогла мою силу и юность весеннюю забрать... А я глядела на нее и не верила, что все кончено.

В покои ворвался Иван, бросился ко мне, обнял.

Я и замерла в его руках.

А Кащей тут же сгинул, словно и не было его, я и поблагодарить не успела.

Марья улетала прочь с тучами, ярилась, видать, что не удалось ей царицей стать да живительную силу людей пить, огонь душ их гасить, и в сумерках синих показалось мне на миг, будто сверкнули звездами на небе глаза Кашеевы.

И голос раздался в тишине — мол, не забудь про должок. И тут же изморозь пошла по резному столбцу, но Иван ее, к счастью, не увидел.

Не забуду.

Но сейчас царевич мой, зверя своего победивший и обуздавший, улыбается и шепчет, как рад он меня видеть. Как скучал в клетке, которую Марья построила, все он видел, все понимал — да вот сделать ничего со второй душой своей не мог, сильнее она оказалась.

— Я никогда снова человеком не стану, — печально глядит царевич, не выпуская моих рук. — Не убоишься того?

— Мне ли, с Той Стороны вернувшейся, родителей от водяного спасшей, бояться двоедушника? — засмеялась я, ласково Ивана по щеке погладив. Мягкая кожа. Шелковистая. Совсем как у человека. И клыков нет

с рогами. По-людски совсем глядится.

— Тогда по осени выйдешь за меня замуж?

— А батюшка-царь безродной царевне рад ли будет? — склонила я голову и с прищуром на царевича поглядела. Коса скользнула золотой лентой по плечу, Иван ее и обмотал вокруг своей шеи, кончиком забавляясь — то погладит меня им, то себе по губам проведет.

— А мне все едино, лишь бы ты согласна была. Не понравится... ну что ж, пойдем искать свое счастье в другом месте, все едино не наследный я сын, пусть братья за корону дерутся. А я за тобой хоть в Навь, хоть на край света!

— Не хочу в Навь, — капризно отвечала я. — Хочу к Василисе Премудрой, наукам ее обучаться дальше! Разрешешь ли?

— Да я и сам не прочь, — улыбнулся, поцеловал в щеку, и я словно оттаяла от прикосновения теплых его губ. Казалось, холод в душе навек поселился после всего пройденного, ан нет — любви неземной нашей все подвластно! Даже холод навий прогнать, даже излечить меня от страха перед Той Стороной, перед Моровой топью да Марьей Моревной, навьей королевной.

— А если она вернется?

— По зиме — вернется... Только вот я больше ее и на порог не пущу! А если ты рядом будешь, то сил справляться с проклятием второй души мне хватит.

И я поверила. Как могла не поверить?

— Но прежде, чем я тебе согласиешь отвечу, — я строго его одернула, когда он с поцелуями своими слишком уж расхрабрился, — должен ты переговорить с батюшкой моим да матушкой, коль они тебя примут да добро дадут — тогда и пойду я за тебя! А прежде — не балуй!

И легонько его рукой по ладони шлепнула.

— Спасла, что ли, их? — обрадовался царевич. — Неужто водяной отпустил?

— Отпустил... — Я помрачнела, про должок Кашею вспомнив, про видение, которое в скале сквозь слюдяное оконце увидела, — девочку махонькую с глазами Ивана моего. Неужто?.. Но я запретила себе о том думать — нет еще девчоночки, а коль родится, сразу к Василисе пойду на поклон, чтобы уберегла дочку мою, чтобы не была она данью за счастье мое. Я его сама выстрадала, сама заслужила. Не один путь исходила, не один морок победила.

И я никому не позволю мешать мне теперь.

— Не бойся, Аленка. — Иван меня на руки подхватил и закружил. —

Мы теперь никогда не расстанемся!

И я не могла не поверить.

Все так и будет.

Дрожит за окном тень повелителя морового царства, и ухмылочку его вижу я... Но не боюсь я рядом с Иваном навьего морока — наука Кашеева впрок пошла.

Когда придет царь с Той Стороны за должком своим, я готова буду.